

Ю.В. Корнейчук

**СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В РОССИЙСКИХ ГРАММАТИКАХ
КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Монография

Издательство
Нижевартовского
государственного
университета
2014

ББК 81.411.2-03
К 67

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры
теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного
университета им. Ф.М.Достоевского *О.С.Иссерс*;

кандидат филологических наук, доцент кафедры
теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного
университета им. Ф.М.Достоевского *Е.А.Никитина*

Корнейчук Ю.В.

К 67 **Структурная характеристика синтаксической терминологии в российских грамматиках конца XVIII — первой половины XX века:** Монография. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2014. — 151 с.

ISBN 978–5–00047–209–5

Монография посвящена диахроническому, сравнительно-сопоставительному анализу понятий и терминов синтаксиса в российских грамматиках конца XVIII — первой половины XIX в. Сравнение указанных трудов с синтаксической терминологией, зафиксированной в «Русской грамматике-80», позволяет выявить закономерности становления синтаксической терминосистемы в эпоху формирования языка науки, механизмы и принципы отбора терминов из синонимического ряда на протяжении длительного периода и закрепления их в рамках терминологической лексики национального русского языка.

Для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, всех, кто интересуется историей языка и проблемами становления терминосистемы.

ББК 81.411.2-03

ISBN 978–5–00047–209–5

© Корнейчук Ю.В., 2014
© Издательство НВГУ, 2014

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всего существования отечественной лингвистики большое внимание уделялось вопросам, связанным с формулировкой дефиниции термина, определением его характеристик, возникновением того или иного термина.

В настоящее время в науке можно говорить об активном терминотворчестве ученых и в связи с этим о потребности четкого понимания терминологической номинации.

Понимание процессов в диахронии позволяет глубже понять логику развития современной терминологии и, в частности, процессы формирования и функционирования терминосистем.

В терминологии изучено уже большинство основополагающих вопросов, таких как определение самой терминологии как науки, стандартизация и унификация терминологии, место терминологии в контексте литературного языка (Лотте Д.С., 1931, 1961, 1982; Вюстер Е., 1935; Коршунов С.И., 1952; Терпигорев А.М., 1953; Кузькин Н.П., 1962; Реформатский А.А., 1959, 1967, 1968, 1986; Даниленко В.П., 1977; Лайонз Дж., 1978; Рупосова Л.П., 1987, 1994, 2008; Лейчик В.М., 1989, 2007; Мельников Г.П., 1991; Гринев С.В., 1993, 2008; Татаринев В.А., 1995; Борхвальдт О.В., 1998; Даниленко В.П., 2003; Щербина С.И., 2003; Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В., 2004, 2008; Сложенкина Ю.В., 2010). Однако во многом остаются неясными вопросы, связанные с возникновением терминов в период формирования языка науки, механизмом отбора термина, наиболее приемлемого для дальнейшего существования в терминологии.

В отечественной лингвистике основа терминологии формируется в конце XVIII — первой половине XIX в. в российских грамматиках М.В.Ломоносова, А.А.Барсова, А.Х.Востокова, Н.И.Греча, Ф.И.Буслаева. Несмотря на то что лингвистические труды перечисленных авторов уже хорошо изучены (Булаховский Л.А., 1954; Виноградов В.В., 1954, 1958; Березин Ф.М., 1975; Ружичка Р., 1985; Иноятова Ф.Б., 1991; Смирнов С.В., 2001; Томсен В., 2004; Камчатнов А.М., 2005; Булич С.К., 2011), остаются невыясненными принципы и механизмы формирования синтаксической терминологии.

ГЛАВА 1

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

1.1. Особенности формирования терминологии как науки

«...история всякой науки неизбежно включает в себя и историю развития понятий и терминов в этой области», — считал В.В.Виноградов [Виноградов, 1961: 6].

А.В.Суперанская, Н.В.Подольская, Н.В.Васильева относят терминологию как научную дисциплину, а также, более конкретно, общую теорию терминологии к XX в. [Суперанская, 2008: 141]. В качестве особой сферы знания общая терминология, по мнению этих исследователей, возникла после Первой мировой войны. «В настоящее время в мире наибольшей известностью пользуются Венская, Канадская и Русская терминологические школы» [Суперанская, 2008: 13].

С начала 30-х гг. XX в. существует два крупных центра, ведущих работу в области исследования, упорядочения и изучения терминов, — в Австрии и в СССР. Одним из основоположников австрийского центра терминоведения был Е.Вюстер, опубликовавший в 1931 г. свою докторскую диссертацию «Международное нормирование речи в технике, в частности, в электротехнике», посвященную основам терминологии и переведенную на русский язык в 1935 г. [Вюстер, 1935: 18].

В 1931 г. была опубликована первая концептуальная статья Д.С.Лотте «Очередные задачи научно-технической терминологии», посвященная проблемам унификации и стандартизации технической терминологии [Лотте, 1931: 883—891].

А.А.Реформатский определял терминологию как «свойство науки, техники, политики, то есть сфер интеллектуально организованной социальной действительности (пусть объектом будет и природа)» [Реформатский, 1959: 2]. Он же, образно выражаясь, полагал, что терминология «как совокупность слов — слуга двух хозяев: системы лексики и системы научных понятий» [Реформатский, 1968: 122].

Как «совокупность лексических единиц естественного языка, обозначающую понятия определенной специальной области знаний или деятельности, стихийно складывающейся в процессе зарождения или развития этой области» понимает терминологию М.В.Лейчик [Лейчик, 1989: 15]. Точки зрения «”словности” термина и “лексичности” терминологии» придерживается и В.Н.Прохорова [Прохорова, 1996: 6].

Рассмотрение терминологии как единого целого приводит терминоведов к «признанию в качестве доминирующих для терминосистемы отношений типа “определять — определяться”» [Ступин, 1971: 393].

Существует несколько точек зрения на терминологию в контексте литературного языка. Мнения, что терминология представляется собой часть лексики литературного языка, придерживается В.П.Даниленко. Однако исследователь отмечает, что «только меньшая часть терминологии становится общим достоянием» [Даниленко, 1977: 5]. В связи с этим терминология обнаруживает тесную связь «с остальными слоями словарного состава и основным словарным фондом языка в первую очередь в использовании при образовании терминов общеязыковых словообразовательных средств» [Пиотровский, 1952: 21].

Противоположной точки зрения на терминологию — как на самостоятельный раздел лексики — придерживаются А.В.Суперанская, Н.В.Подольская и Н.В.Васильева, уточняя, что «термины каждой отрасли знаний формируют свою особую терминологию, и значение каждого термина раскрывается полностью лишь в системе последней» [Суперанская, 2004: 18].

В самой терминологии выделяют также узкое и широкое понимание термина. В.П.Даниленко определяет, что «более узкому понятию терминологии соответствует совокупность терминов одной области знания (одной науки или научного направления), отражающая соответствующую совокупность понятий. Более широкому понятию терминологии соответствует общая совокупность терминов всех областей деятельности» [Даниленко, 1977: 15].

«Терминология любой отрасли человеческой деятельности представляет собой открытый класс языковых единиц» [Сложеникина, 2010: 80]. Языковые терминологические единицы соотносятся с системой понятий конкретной науки.

В своей книге «История русского языкознания: этюды и очерки» В.В.Колесов рассматривает основные пути формирования научной терминологии:

1) отработка словообразовательных структур, пригодных для терминотворчества;

2) процесс конкуренции дублетов, которые возникли на основе различных переводов и синонимов разговорного языка;

3) стремление к терминологической ясности и связанный с ним процесс устранения вариативности и многозначности термина [Колесов, 2003: 77].

Терминология, как и всякая другая наука, обладает рядом характеристик. Обширную характеристику терминологии по четырем основаниям представил С.В.Гринева-Гринева в «Терминоведении»: по историческим, формальным, семантическим характеристикам и функциональным параметрам [Гринева-Гринева, 2008: 66].

Другая характеристика терминологии — системность — была выделена А.М.Терпигоревым в связи с обоснованием однотипности конструкций или элементов терминов: «терминология каждой дисциплины должна представлять собой систему терминов, соответствующую системе понятий этой дисциплины» [Терпигорев, 1953: 72].

Д.С.Лотте отмечал, что «необходимым условием правильности терминологии» является если не достижение полной согласованности между терминами, то исключение противоречий между ними [Лотте, 1982: 53].

Таким образом, неизбежно встает вопрос о путях и способах формирования термина.

1.2. Особенности формирования термина

Исследователи отмечают несколько путей образования терминов. Так, например, Р.А.Будагов указывает, что термины образуются «обычно либо уже из существующих в литературном языке слов путем придания этим последним особого, дополнительного, терминологического значения, либо из иноязычных, чаще всего интернациональных элементов лексики» [Будагов, 1953: 19].

В связи с этим уместно будет привести высказывание В.П.Даниленко о том, что «значительный процент терминов составляют слова-заимствования из других языков. Эти термины приходят в национальную терминологию как готовые языковые единицы вместе с понятиями и реалиями, наименованиями которых они являются» [Даниленко, 1977: 21].

Особенно большое количество заимствованных терминов наблюдается в период формирования языка науки, а также в период формирования отдельных отраслевых терминологий. «За иностранными терминами <...> стояла подчас более строгая научная организация понятий, регулярность их отношений и противопоставлений, отражающая отношения в системе понятий. С иноязычными словами зачастую приходили на русскую почву не столько понятия, сколько новый принцип их структурной организации» [Биржакова, 1972: 300].

Как отмечает Л.П.Рупосова, «можно говорить о термине только со второй половины XVII века, когда появляются дефиниции аналитического и синтетического типов» [Рупосова, 1994: 6]. В первой половине XIX в., по мнению О.В.Борхвальдт, «более точными становятся толкования терминов» [Борхвальдт, 1998, 26].

А.В.Суперанская и другие предлагают следующую концепцию формирования терминов в период до середины XIX в. Лингвистами подразумевается, что в соответствии с выявленной ими концепцией шло формирование терминологии любой науки, в том числе и лингвистики:

1) в употреблении обычного слова делался ряд ограничений. Слово с ограниченной зоной употребления или с ограничениями в логической соотнесенности делалось термином, то есть осуществлялась терминологическая спецификация обыденного слова;

2) на основании наличного языкового инвентаря создавались описательные названия — термины-фразы;

3) на базе развиваемой автором теории развивались новые слова (словотворчество) [Суперанская, 2004: 82].

Т.В.Василенко в диссертации «Терминологии русских риторик XVIII — начала XIX века» отмечает, что «для языка XVIII — начала XIX века характерна, в целом, тенденция увеличения числа заимствований из греческого, латинского и французского» [Василенко, 1999: 7]. О.В.Фельде (Борхвальдт) также в своей работе

«Историческое терминоведение в теории и практике» пишет, что «состав специальной лексики русского языка расширяется и дополняется во второй половине XVIII — первой половине XIX века» [Фельде, 2001: 29].

Г.П.Мельников выделяет следующие условия осуществимости терминологического заимствования:

1) эксплицированность заимствуемой «терминологии» — заимствуемая «терминология» как объект заимствования реально существует, по крайней мере, имплицитно, в знаниях и навыках специалистов соответствующей науки, или, что еще лучше, уже закреплена в упорядоченную терминологию («терминологию» в данном случае Г.П.Мельников понимает в широком смысле);

2) предшествование терминологического заимствования заимствованию конкретных «терминологий» — успешное ускоренное заимствование терминологического опыта при условии перевода всех описаний дефиниций, классификаций, и всего того, что относится к заимствуемой терминологии;

3) предшествование эксплицированности терминоведения экспликации иных форм терминологического опыта [Мельников, 1991: 93—97].

С точки зрения Л.Бесекирска, существуют два вида заимствования:

- 1) непосредственный перенос иноязычного термина;
- 2) поэлементный перевод иностранного термина на русский язык (калька) [Бесекирска, 1996: 35].

В.В.Виноградов считал, что «в создании и определении термина есть две стороны: структурно-языковая и понятийная, семантическая, обусловленная развитием системы понятий той или иной науки» [Виноградов, 1961: 6]. В связи с этим можно выделить несколько разных подходов к рассмотрению и классификации дефиниции термина «термин»: с позиции рассмотрения связи термина с понятием, с позиции семантических признаков дефиниции термина, с позиции дефиниций дескрипторов и т.д.

Классификацию определений термина посредством связи термина с понятием приводит в своих работах Н.П.Кузькин. Он выделяет четыре разных концепции:

- 1) «термин — это слово с дефинитивной функцией, т.е. слово, определяющее понятие (С.А.Аскольдов). “Слово исполняет

номинативную или дефинитивную функцию, то есть является средством четкого обозначения, и тогда оно простой знак, или средством логического определения, и тогда оно — научный термин” [Виноградов, 1947: 12—13];

2) термин — это слово, выражающее специфическое понятие (А.А.Санкин, С.М.Бурдин, С.М.Барак, А.А.Реформатский);

3) термин — это слово в функции названия понятия (Г.О.Винокур, Е.М.Галкина-Федорук);

4) термин — это слово, обозначающее специальное понятие (Е.И.Амосенкова, Р.Н.Инфантьева, Н.Н.Левинский, О.М.Добровольский-Доливо, А.Т.Аксенов, Н.А.Баскаков)» [Кузькин, 1952: 136].

В приведенной классификации в дефинициях терминов можно вычленил следующие дескрипторы: «определяющее», «выражающее», «называющее» и «обозначающее». Анализ перечисленных дескрипторов позволяет предположить, что классификация Н.П.Кузькина основана на понимании термина как отражения понятия в его динамической функции.

С позиции семантических признаков дефиниции термин предлагает рассматривать И.Б.Усатый. В статье «Структурно-грамматические особенности составных терминов-названий частей речи» автор отмечает, что «вследствие активного изучения различных терминологий появилось множество определений понятия «термин». Немалая часть дефиниций основана на семантических признаках» [Усатый, 2007].

В соответствии с заявленным разделением И.Б.Усатый выделяет два направления характеристики термина: 1) термин как отдельное слово с четко установленным значением и 2) термин как слово или словосочетание для выражения специального понятия.

К первому направлению, характеризующему термин как слово, ученый относит определения Р.А.Будагова, Е.М.Галкиной-Федорук и др.: «со строго определенным значением» [Будагов, 2003: 493]; «слово, которому соответствует одно какое-либо точно определенное понятие из области науки, техники, искусства» [Галкина-Федорук, 2009: 66].

Ко второму направлению, определяющему термин как слово или словосочетание для обозначения специального понятия, И.Б.Усатый относит определения О.С.Ахмановой, А.В.Суперанской и др.

и В.П.Даниленко: «Слово или словосочетание (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое) и т.п. для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова, 2010: 474]. «Термин — это специальное слово или словосочетание, принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях» [Суперанская, 2004: 14]. «Термин — это слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием научного или производственно-технического понятия и имеющее дефиницию» [Даниленко, 1970: 306].

К данному направлению можно отнести определение термина Б.Н.Головиным: «Термин — это слово или словосочетание (образованное на базе подчинительных связей), имеющее профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие, которое применяется в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов отношений между ними — под углом зрения определенной профессии» [Головин, 1972: 49].

Обобщая два вышеперечисленных направления, И.Б.Усатый предлагает следующую дефиницию термина: «специальное слово или общеупотребительное слово в специальном значении (существительное, прилагательное, причастие) либо словосочетание, состоящее из двух компонентов и построенное на подчинительной связи, принятое в профессиональной деятельности, являющееся наименованием научного понятия (в нашем случае — части речи или лексико-грамматического разряда), имеющее дефиницию и обязательно являющееся членом определенной терминосистемы» [Усатый, 2007].

Как отмечает С.В.Гринев-Гриневиц, «проблема статуса термина вплоть до 1970-х годов являлась предметом оживленной дискуссии терминоведов <...> В середине 1970-х гг. эта проблема несколько утратила свою остроту, так как к этому времени у терминоведов установилось понимание термина как слова или словосочетания, связанного с понятием, принадлежащим какой-либо области знаний или деятельности» [Гринев-Гриневиц, 2008: 24]. Сам лингвист относит термин к общему классу лексических единиц, а его принадлежность к специальной лексике считает вторичной, специфической чертой [Гринев-Гриневиц, 2008: 24].

Термины относятся к специальной лексике и являются элементами научной области знаний. Они являются выражением «системы понятий (реалий) науки, техники, производства, общественной жизни, официального языка, в котором термин конкретно дефинитивен» [Крыжановская, 1985: 6]. Как отмечает А.В.Суперанская и др., «термины существуют в специальных подъязыках. В каждом национальном языке подъязыков столько, сколько отраслей знания и производства представлено в стране» [Суперанская, 2008: 7]. Однако нельзя утверждать, что в каждой отрасли знания или производства термины возникают и развиваются равномерно и одинаково, поскольку развитие терминологии зависит от скорости эволюционирования самих отраслей знания или производства.

«Становясь термином, — отмечает С.С.Вильчинский, — слово теряет коннотативные и фоновые оттенки своего значения. Оно входит в особую систему языковых знаков, создаваемую человеком для наименования и дифференциации явлений науки» [Вильчинский, 2000: 21].

Наиболее четко и всеобъемлюще звучит определение *термина*, высказанное В.П.Даниленко: «под термином мы понимаем слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [Даниленко, 1977: 15]. При этом процесс формирования термина проходит несколько стадий. В истории лингвистических учений новые сформировавшиеся понятия, еще не отвечающие всем требованиям, предъявляемым термину, некоторые ученые называют *предтермином* (С.В.Гринев-Гриневиц), другие — *понятием* (О.С.Ахманова). Соответственно *понятие*, согласно О.С.Ахмановой, определяется как общее имя, отражающее определенное языковое явление, которое не настолько «развилось и оформилось, что ему можно присвоить совершенно определенное научное выражение» [Ахманова; 1998: 509].

Согласно С.Д.Шелову, «определение (собственно дефиниция) термина — это объяснение его понятийного содержания, закрепляющее в данной тематической области результаты того или иного анализа определяемого понятия и выявляющее его место среди других ближайших для него понятий» [Шелов, 2003: 199].

Таким образом, термины, являясь словами (или словосочетаниями) специальной сферы употребления, обладают рядом особенностей.

1.3. Специфика терминов

Термины обладают своей спецификой в силу отнесения их к определенной терминологии. Наиболее подробно и убедительно основная специфика термина представлена в книге А.В.Суперанской и др. «Общая терминология. Вопросы теории»:

1) термин-понятие — это определенное научное представление (концепт), а термин-слово — поскольку это название (имя) понятия, его словесное обозначение;

2) термин-понятие непременно соотнесен со своим терминологическим полем;

3) термин-понятие — обязательно член определенной терминологии, дающей ему системную характеристику, поскольку значение термина определяется его местом в системе понятий данной дисциплины;

4) термин-слово является членом лексической системы, обслуживающей определенное терминологическое поле. Внутри своего микрополя термин-слово входит в соответствующий терминологический ряд, формирующийся по принципу однотипности основ или словообразовательных элементов, и в этом его языковая системность [Суперанская, 2004: 137].

Таким образом, термин не может обладать двумя или более смыслами, поскольку является выражением научного понятия. «Термин, будь то слово (простое или сложное) или словосочетание (весьма разные по степени разложимости составляющих компонентов), представляет собой один знак, которому соответствует одно понятие. Обладая сложной внутренней семантической структурой, термин является единой, отдельной, самостоятельной единицей наименования» [Даниленко, 1977: 36].

К перечисленному выше можно добавить мнение А.А.Реформатского о том, что специфика термина заключается «в точно ограниченной сфере его применения, в точном соотношении вещи

и слова. Конечно, всякий термин есть слово. Но не всякое слово — термин» [Реформатский, 1986: 165].

К специальной лексике относится еще ряд понятий, которые нужно отличать от собственно терминов: прототермины, терминоиды, предтермины, квазитермины, псевдотермины и гипотетические термины.

С.В.Гринев-Гриневиц предлагает следующие определения понятий:

1) *прототермины* — это специальные лексемы, появившиеся и применяющиеся в донаучный период развития специальных знаний, и поэтому они называют не понятия (они возникают с появлением науки), а специальные представления;

2) *терминоиды* — специальные лексемы, используемые для наименования так называемых натуральных понятий, т.е. недостаточно устоявшихся (формирующихся) и неоднозначно понимаемых понятий, не имеющих четких границ, а значит, и дефиниций;

3) *предтермины* — специальные лексемы, используемые в качестве терминов для называния новых сформировавшихся понятий, но не отвечающие основным требованиям, предъявляемым к термину (чаще всего требованию краткости);

4) в ряде случаев замена предтермина лексической единицей, более соответствующей терминологическим требованиям, затягивается, и предтермин закрепляется в специальной лексике, приобретая устойчивый характер и становясь *квазитермином*;

5) *псевдотермины* — специальные лексические единицы, используемые для обозначения ложных понятий;

6) *гипотетические термины* — обозначающие понятия, достаточно хорошо определенные, но не имеющие денотатов [Гринев-Гриневиц, 2008: 44—47].

Лингвист полагает, что псевдотермины и гипотетические термины все-таки можно считать разновидностью терминов как таковых. Кроме того, он выделяет *консубстанциональные термины* — «лексические единицы, встречающиеся как в обыденной, так и в профессиональной речи» [Гринев-Гриневиц, 2008: 25].

Основной пласт терминологии составляют самостоятельные части речи. «Наивысшей номинативностью и наивысшей способностью участвовать в терминологической номинации обладают имена существительные» [Суперанская, 2004: 108]. А.В.Суперанская

с соавторами отмечают также, что терминами могут быть и другие самостоятельные части речи, такие как имена прилагательные, глаголы и наречия, однако их номинативная способность ниже, чем у имен существительных.

Среди имен существительных большую часть терминов составляют имена нарицательные, однако «и использование имен собственных имеет в терминологических наименованиях устойчивую традицию. Так, в системе измерения физических величин постоянно используются имена собственные (ом, вольт)» [Даниленко, 1977: 37].

Каждый термин обладает определенным набором характеристик. Большинство ученых при характеристике терминов выделяют следующие параметры или признаки.

1) *Однозначность* (или *тенденция моносемичности*) [Реформатский, 1986: 166] — термины практически всегда являются однозначными. «Под так называемой многозначностью термина чаще всего понимается возможность его применения в разных областях науки и техники» [Звегинцев, 1956: 31—32].

С однозначностью можно соотнести признаки: *отсутствие синонимов* и *инвариантность*, выделяемые С.В.Гриневым-Гриневиным [Гринев-Гриневи, 2008: 32—33].

2) *Полнозначность* — «отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия» [Гринев-Гриневи, 2008: 31].

3) *Автономность* — «ее [категорию автономности] можно, видимо, соотнести с категорией независимости термина от контекста» [Татарин, 1995: 30].

«В том случае, если термин имеет также какой-нибудь условный знак-заменитель (как, например, для интеграла установлен знак \int), он может обладать известной автономностью и функционировать независимо от особенностей конкретной системы языка, ничего при этом не теряя в отношении своего внутреннего содержания. Это обстоятельство также сближает термин со знаком» [Звегинцев, 1962: 47—48].

4) *Системность* (или *системные отношения*) [Звегинцев, 1956: 31—32].

С.В.Гринев-Гриневи указывает, что «продолжительные дискуссии в терминоведении велись и продолжают вестись в результате

смещения понятий *системности термина* (имманентного свойства принадлежности каждого термина определенной системе терминов) и *систематичности термина* (отражения в форме термина его места в системе терминов)» [Гринев, 1998: 7].

Согласно С.Д.Шелову, именно в вопросе системности термина «ряд исследователей видит конституирующий признак термина, формирующий слово или словосочетание как термин» [Шелов, 2003: 21].

Само понимание системности у разных авторов тоже весьма различно: одни авторы особое внимание уделяют словообразовательной системности терминологии [Будагов, 1965: 31]; другие авторы — рассмотрению терминологии как родовидовой соотносимости терминов [Даниленко, 1976: 58]; третьи авторы указывают, что термин обладает двойной системностью: и как единица терминологии, и как единица лексического фонда языка [Реформатский, 1968: 110].

5) *Непродуктивность* — «содержание, обозначаемое термином, конечно, может развиваться, и поэтому его также допустимо характеризовать как продуктивное, но эта продуктивность совершенно иного порядка, чем продуктивность лексического значения «обычных» слов. Развитие содержания термина обусловливается только развитием соответствующей науки» [Звегинцев, 1962: 48].

6) *Специфичность употребления* (или *специальная область употребления*) [Гринев-Гриневиц, 2008: 26].

7) *Мотивированность* — «наиболее полным выражением мотивированности является *систематичность термина* — возможность отражения в структуре термина связи называемого понятия с другими понятиями и места этого понятия в данной понятийной системе» [Гринев-Гриневиц, 2008: 34].

Из классификаций, основанных на семантических признаках терминов, можно выделить классификацию Д.С.Лотте:

1) правильноориентирующие термины — термины, значение которых «с известной степенью точности создает правильное представление о самом понятии» [Лотте, 1961: 24];

2) нейтральные термины — термины, буквальное значение которых не распознается;

3) ложноориентирующие термины — термины, в которых «терминоэлементы, являющиеся самими терминами (применяемыми

в этой системе) или обычными словами по своему буквальному значению противоречат действительному значению термина, способствуют неправильному представлению о понятии» [Лотте, 1961: 24—25].

Однако, по мнению А.В.Суперанской и др., «полностью мотивированных терминов, по-видимому, вообще не существует. И объясняется это как вторичностью терминов по отношению к общей лексике, так и тем, что каждое понятие характеризуется разными признаками, а в его имени отражается лишь один, при этом не всегда ведущий» [Суперанская, 2004: 89].

8) *Терминологичность* (и выделяемые разными научными школами критерии терминологичности: профессиональное употребление — горьковская научная школа терминоведения; дефинированность — научная школа МГУ) [Гринев-Гриневиц, 2008: 24].

9) *Стилистическая нейтральность* — «термин принципиально лежит вне экспрессии, так как экспрессия предполагает выбор хотя бы дихотомически: “хорошо — плохо”, “грустно — весело”, “серьезно — шутливо” и т.д. Для термина выбора в этом смысле нет. Термин точен и холоден, и сфера экспрессии для термина в пределах терминологии внеположна» [Реформатский, 1959: 11].

10) *Внедренность* — в ситуации возможного выбора предпочтение отдается термину, который имеет более широкое распространение и более длительную историю употребления в определенной области.

11) *Употребительность* (или *устойчивость употребления* — Л.А.Булаховский).

12) *Понятийная ориентация* — уровень соотнесения мотивирующего признака и содержания понятия термина [Волкова, 1984: 70—71].

13) *Точность* (или *содержательная точность* — С.В.Гринев-Гриневиц).

14) *Соответствие нормам языка* (или *лингвистическая правильность* — И.Н.Волкова).

Наряду с одноуровневыми классификациями в лингвистике имеются многоуровневые классификации терминов по их различным основаниям. Подобную классификацию разработал С.В.Гринев-Гриневиц. Лингвист систематизировал параметры, которыми обладает термин, в соответствии с требованиями к значению,

форме термина и прагматическими (функциональными) требованиями [Гринеv-Гринеvич, 2008: 37].

В самостоятельную классификацию С.В.Гринеv-Гринеvич выделяет свойства термина-словосочетания:

1) устойчивость (цельность номинации), обусловленная их функцией наименования одного понятия;

2) номинативный характер;

3) атрибутивный (определятельный) вид связи составляющих его элементов [Гринеv-Гринеvич, 2008: 136].

При сравнении структурных классификаций терминов было выявлено, что традиционно термины разделяются на термины-слова и термины-словосочетания. Естественно, что в каждой из двух перечисленных категорий ученые выделяют свои, более детальные подкатегории. В качестве примера приведем две классификации терминов, выделяемые В.П.Даниленко и С.В.Гриневым-Гринеvичем.

Структурная классификация терминов, выделяемая В.П.Даниленко:

1) Термины-слова;

1.1. производные (газ, лак);

1.2. производные (газовый, лакированный);

1.3. сложные (газопровод, лакокраcочный);

1.4. аббревиатуры (КПД, НК).

2. Термины-словосочетания;

2.1. разложимые;

2.1.1. свободные словосочетания, где каждый из компонентов — термин и каждый может вступить в двухстороннюю связь (квантовая химия);

2.1.2. несвободные словосочетания, в которых компоненты, взятые изолированно, могут быть и нетерминами (белый стих, красная линия);

2.2. разложимые термины-фразеологизмы (роза ветров, кошачье серебро).

3. Символо-слова — особый комбинированный структурный тип терминологической номинации, в составе которой вместе со словесными знаками входят символы (*уран-235*) [Даниленко, 1977: 37].

Структурная классификация терминов, предложенная С.В.Гриневым-Гриневицем:

- 1) Слова (однословные, моноксемные термины);
 - 1.1. простые (корневые) — однословные термины, основа которых совпадает с корнем (бетон, вода);
 - 1.1.1. аффиксальные — основа содержит корень и аффиксы (бетонщик);
 - 1.1.2. сложные — имеют в своем составе не менее двух корневых морфем (железобетон);
- 2) Словосочетания (многословные, полилексемные термины).
- 3) Термины-омонимы [Гринева-Гриневиц, 2008: 121].

При сравнении двух представленных классификаций было выявлено, что классификация, предложенная В.П.Даниленко, является более развернутой и акцентированной на семантическую составляющую терминов; кроме того, лингвист выделяет в особый тип номинации, содержащие в своем составе символы. Классификация, выделяемая С.В.Гриневым-Гриневицем, более сориентирована на структурную составляющую терминов и наиболее подходит для систематизации и описания синтаксических терминов российских грамматик конца XVIII — первой половины XIX в.

Т.М.Горшова указывает: «современные исследования терминологических систем различных специальных отраслей показывают, что значительную часть любой из них составляют многословные терминологические единицы» [Горшкова, 1991: 21].

Среди терминов-словосочетаний терминоведы в зависимости от количества выделяют следующие типы:

- 1) двухкомпонентное словосочетание;
- 2) трехкомпонентное словосочетание;
- 3) четырехкомпонентное словосочетание;
- 4) пятикомпонентное словосочетание;
- 5) шестикомпонентное словосочетание;
- 6) семикомпонентное словосочетание.

Более распространенные термины-словосочетания не встречаются, поскольку, по мнению С.В.Гринева-Гриневица, «семикомпонентные термины-словосочетания представляют собой предел лексической протяженности термина, так как количество информации, воспринимаемой человеком одновременно, определяется

объемом непосредственной памяти, а ее пределом является семь элементов» [Гринев-Гриневиц, 2008: 142—143]. Однако наличие терминов-словосочетаний, в состав которых входит от двух до пяти компонентов, не является редким фактом. «Между тем обращение к текстам убеждает лингвиста в том, что трехсловные, четырехсловные, пятисловные термины — не такая уж большая редкость» [Головин, 1972: 51].

Наиболее простое по своей структуре двухкомпонентное словосочетание состоит из основного, ядерного элемента, выраженного, как правило, именем существительным в именительном падеже, и вспомогательного, определяющего элемента. С.В.Гринев-Гриневиц полагает, что «различия между типами двухкомпонентных составных терминов основаны на формальной выраженности определяющего элемента» [Гринев-Гриневиц, 2008: 138—139].

Наиболее детально структурированы и описаны типы двухкомпонентных и трехкомпонентных терминов-словосочетаний. С.В.Гринев-Гриневиц предлагает развернутую классификацию моделей двух- и трехсоставных терминов-словосочетаний, ориентированных именно на русскую терминологию.

«Двухкомпонентные словосочетания:

- 1) с именем прилагательным в функции препозитивного определения (*плотничные работы*);
- 2) адъективированные причастия (*несущие стены, режущий инструмент*);
- 3) имя существительное в различных падежах (*снос зданий*);
- 4) предложные терминологические словосочетания с предлогами *в, для, за, из, к, о, от, по, под, при, с*. При этом опорный элемент занимает также первое место. Определяющее существительное может находиться во всех косвенных падежах (*кухни в квартирах, уход за бетоном*)» [Гринев-Гриневиц, 2008: 138—139].

В зависимости от позиции определения двухкомпонентные словосочетания, как отмечает С.В.Гринев-Гриневиц, можно разделить на два типа:

- 1) модели с препозитивным определением — «модели образования с расположением элементов, характерных для сочетания прилагательного с существительным (*взрывное бурение*). В этом случае, когда в роли препозитивного определения находится

другая часть речи (причастие или порядковое числительное), она превращается в прилагательное» [Гринев-Гриневиц, 2008: 145];

2) модели с постпозитивным определением — модели с расположением элементов, свойственных сочетанию существительных (*бурение взрывом*), поэтому при использовании в качестве постпозиционного определителя других частей речи (количественных числительных и наречий) у них появляется тенденция к субстантивации» [Гринев-Гриневиц, 2008: 145].

Для отображения структурных моделей трехкомпонентных словосочетаний лингвистом были использованы следующие общепринятые сокращения: С — существительное, П — прилагательное, Прич. — причастная форма (адъективированное причастие), Н — наречие, р — родительный падеж, д — дательный падеж, т — творительный падеж):

- 1) СПрСр (*удаление буровой мелочи*);
- 2) ППС (*тепловая импульсная сварка*);
- 3) ПССр (*подземная прокладка трубопроводов*);
- 4) ССрСр (*методы нанесения покрытий*);
- 5) С с ПтСт (*подходка с постоянным копром*);
- 6) С для ПрСр (*оборудование для отделочных работ*);
- 7) Прич. ПС (*напрягаемые арматурные пучки*);
- 8) ППрич.С (*составные напрягаемые элементы*);
- 9) С для СрСр (*машины для острожки полов*) [Гринев-Гриневиц, 2008: 142—143].

Следует отметить, что, по мнению В.Н.Немченко, «не каждое субстантивное словосочетание, образованное на базе подчинительных связей и обозначающее специальное (профессиональное) понятие, является составным термином. К терминологии относятся лишь те словосочетания, которые не способны члениться на самостоятельные термины без потери выраженного им значения в любом контекстном окружении» [Немченко, 1985: 18].

М.И.Черемисина отмечает, что «с точки зрения компонентного состава в словосочетании всегда фиксируется доминирующее (опорное) слово и слово зависимое, ведомое. Зависимым может быть как слово, так и более сложная конструкция. Соответственно, в классификации различают простые, элементарные словосочетания, состоящие только из двух знаменательных слов, и словосочетания сложные (или развернутые), где позицию ведомого

компонента занимает цепочка словоформ, связанных между собой теми или иными синтаксическими отношениями» [Черемисина, 2010: 19—20].

С точки зрения семантики в терминологических словосочетаниях С.В.Гринев-Гриневиц выделяет интегрирующие и дифференцирующие компоненты. «Интегрирующий компонент передает родовой признак понятия и объединяет словосочетания в тематические группы, а дифференцирующий компонент, носящий ограничительный характер (что генетически свойственно терминологическим словосочетаниям), указывает на отличительный видовой признак понятия» [Гринев-Гриневиц, 2008: 144].

В терминах-словосочетаниях, содержащих в своем составе более двух структурных элементов, к начальному двухсоставному словосочетанию добавляются дифференцирующие компоненты, являющиеся маркерами подвида понятия.

Наиболее простой и минимальной моделью терминов-словосочетаний является двухсоставное словосочетание. На его основе происходит дальнейшее расширение структуры терминологического словосочетания до максимально возможного. Тенденция увеличения структурных компонентов в составе терминологического словосочетания вызвана тяготением к наиболее точному, конкретному выражению понятия, поскольку с повышением числа элементов словосочетания его дефиниция все более стремится к однозначности. Отрицательной стороной увеличения компонентов в термине-словосочетании является тот факт, что «уменьшается их доля в общем числе словосочетаний. Кроме того, длинные словосочетания сохраняются тогда, когда ими редко пользуются, если же словосочетание используется достаточно часто, оно будет подвергаться сокращению, в том числе теряя отдельные компоненты» [Гринев-Гриневиц, 2008: 144].

Другая классификация терминов-словосочетаний, основанная на наличии элементов, носящих терминологический характер, была предложена А.М.Терпигоревым:

1) «первый тип — терминологические словосочетания, в которых оба элемента носят терминологический характер (*водородная коррозия*);

2) второй тип — словосочетания, в которых определяемый элемент является термином, а определяющий — словом, лишенным ограниченного технического содержания (*высокое давление*);

3) третий тип — словосочетания, в которых определяющий элемент является термином, а определяемый — словом общего языка или термином, омонимически совпадающим с таким термином (*шейка оси*);

4) четвертый тип — в словосочетаниях ни один из элементов не является термином (*ласточкин хвост*)» [Терпигоров, 1953: 71—72].

Две вышеперечисленные классификации затрагивали только один признак — структуру (или форму) термина. Однако термины, как правило, рассматриваются в совокупности своих признаков. В связи с этим существует множество классификаций терминов по самым различным характерологическим особенностям. В качестве примера подобной комплексной многоуровневой классификации можно привести систематизацию терминов С.В.Гриневым-Гриневицем. В данной классификации термины рассматриваются с точки зрения исторического аспекта, образования и развития терминологии, хронологического статуса, формы и содержания [Гринев-Гриневиц, 2008: 60].

Таким образом, термины обладают определенным набором характеристик, однако кроме этого слова специальной сферы употребления включаются и в общие лексикологические процессы.

1.4. Лексикологические процессы в терминологии

В терминологической лексике происходят те же процессы, которые можно наблюдать в общелитературной лексике, однако, по мнению терминоведов, указанные процессы имеют ряд особенностей. Своеобразие терминологической полисемии, омонимии, антонимии или синонимии объясняется характерными признаками самих терминов. Так, по мнению В.П.Даниленко,хождение явлений «в терминологии отлично от аналогичных явлений в общелитературной лексике. Отличие сводится к тому, что эти процессы не затрагивают характерных лексико-семантических признаков терминологии» [Даниленко, 1977: 65].

В терминологической теории и практике под полисемией понимается употребление одной и той же лексемы для обозначения двух связанных понятий в рамках одной терминологии. Частным случаем полисемии ученые называют случаи использования одного термина в широком и узком контексте. «Под полисемией принято считать «способность слова иметь одновременно несколько значений, т.е. обозначать различные классы предметов, явлений, признаков и отношений» [Новиков, 1972: 4].

К частным случаям полисемии можно также отнести явления скрытой полисемичности термина, когда одному однозначному термину соответствуют в другом языке два или более разных термина, но близких по значению.

С.В.Гринев-Гриневиц приводит две основные причины терминологической омонимии: «появление нового понятия, имеющего сходные черты с понятием, называемым данным термином, и развитие и видоизменение понятия, вызывающие необходимость в расщеплении семантики называющего его термина [Гринев-Гриневиц, 2008: 98].

Межнаучную терминологическую омонимию как отдельный вид омонимии выделяет А.А.Реформатский. Ее суть заключается в том, что «один и тот же термин может входить в разные терминологии данного языка [Реформатский, 1967: 88].

Терминологическая омонимия, отмечает В.П.Даниленко, значительно отличается от омонимии, происходящей в рамках общелитературной лексики. «Во-первых, терминология использует только одну разновидность омонимии, а именно ту, которая является результатом семантического развития слова, его многозначности. Во-вторых, омонимия по отношению к терминологии может быть охарактеризована как межсистемное явление: либо это термины разных терминосистем, либо это термины лексико-семантического способа образования, ставшие омонимами к породившим их словам общелитературного языка. В пределах одной отраслевой терминологии омонимия указанного типа не развивается» [Даниленко, 1977: 72].

Явление антонимии тоже присуще терминологической лексике, причем, как полагает Н.З.Котелова, «антонимов-терминов не меньше, чем антонимов-нетерминов» [Котелова, 1970: 122]. Подобные выводы лингвист основывает на рассуждениях о том, что

противопоставление понятий — неотъемлемая часть «научного описания объектов, организующее его начало. Являясь точками отсчета, противоположные понятия позволяют измерять явления, признаки, качества» [Котелова, 1970: 122]. В противовес мнению Н.З.Котеловой можно привести цитату В.Ф.Новодрановой из статьи «Роль антонимии в организации терминосистемы»: «Языку науки в большей степени, чем литературному языку свойственна антонимия, т.к. одним из механизмов, организующих понятия в систему, является механизм противопоставления» [Новодранова, 1996: 50].

В качестве предпосылок возникновения явления терминологической антонимии В.П.Даниленко отмечает наличие важных отличий, выражающихся в диаметрально противоположных понятиях в логике и в антонимических значениях, отраженных в языке.

В терминологической лексике В.П.Даниленко различает два вида антонимии: лексический и словообразовательный [Даниленко, 1977: 82].

Присуща терминологии и синонимия. И.В.Арнольд указывает, что «терминология лингвистики отягощена синонимией и многозначностью. Она настолько не упорядочена, что изложение материала часто приходится начинать с перечисления терминов, уже существующих для концептов, которые предполагается изучить» [Арнольд 1991, 86].

Н.З.Котелова отмечает, что «термины-синонимы могут быть использованы для номинации близких понятий, а также со стилистической (модернизации, специализации текста), евфемистической целью, когда ими обозначают одно и то же явление и др.» [Котелова, 1970: 123].

«В терминологии синонимы соотносятся с одним и тем же понятием и объектом, они не характеризуют его разные свойства» [Реформатский, 1967: 91]. Уместно будет привести высказывание С.И.Коршунова о том, что «термины-синонимы могут отличаться либо по признакам понятий, либо, при одинаковых признаках, по различному происхождению терминологических элементов» [Коршунов, 1952: 1522]. В.П.Даниленко указывает, что «синонимы в терминоведении имеют иную природу и иные функции. Здесь они, как правило, не выполняют стилистических функций» [Даниленко, 1977: 74].

Среди причин образования терминологических синонимов можно выделить несколько основных:

1) необходимость более кратких форм терминов. С этим связана ситуация одновременного существования в науке полного и краткого варианта термина.

«Краткий вариант может создаваться либо путем лексического сокращения термина-словосочетания, либо путем замещения словосочетания однословным наименованием (сложносокращенным, сложным или производным словом) [Гринева-Гринева, 2008: 102];

2) стремление к созданию терминов, в состав которых входили бы элементы, не находящиеся между собой в противоречивых отношениях;

3) разные источники формирования терминов.

Предположительно, исторически синонимия в терминологии формировались двумя основными способами:

1) термин заменялся другим на основе временного фактора — более древний вытеснялся менее древним;

2) термин заменяется другим на основе географического фактора. В результате взаимодействия всех диалектных номинаций выбиралась одна, которая стала общепризнанной в официальной лексике [Кутина, 1972: 24].

Развернутый перечень данных источников появления синонимии можно встретить у С.В.Гринева-Гринева: «метадиалекты различных научных школ, идиолекты отдельных исследователей, варьирование формы термина, использование в номинации различных аспектов одного явления, заимствование термина с последующим появлением семантического дублета на родном языке и т.д.» [Гринева-Гринева, 2008: 102].

В.П.Даниленко отмечает, что «синонимия особенно характерна для начальных этапов формирования терминологических систем, когда еще не произошел естественный (и искусственный) отбор лучшего термина и сосуществуют многие варианты» [Даниленко, 1977: 74]. Подобное явление наиболее характерно для периода начала формирования системы основных научных понятий «разными языковыми способами — прямого заимствования, калькирования, подыскания соответствующего наименования в своем

национальном языке, а также создание оригинальной русской терминологии средствами своего языка» [Даниленко, 1977: 74].

Для целей нашего исследования актуально наблюдение С.П.Коршунова: «Наличие иноязычных синонимов характерно для начального периода формирования русской научно-технической “книжной” терминологии. Первые переводные и оригинальные ученые труды, относящиеся к XVI, XVII и началу XVIII вв., пестрят синонимами, из которых одни являются своеязычными, а другие иностранными» [Коршунов, 1952: 1525].

Т.И.Федаева в диссертации на тему «Русская лингвистическая терминология второй половины XVIII века» отмечает, что явление синонимии наименований было распространено в грамматиках второй половины XVIII в., и это свидетельствовало о неустоявшейся грамматической терминологии [Федаева, 1997: 14].

Противоположной точки зрения на время возникновения синонимов относительно времени развития и становления самой терминологии придерживаются А.П.Майоров и О.Н.Гордеева: «в лингвистических исследованиях отмечается, что явление синонимии свойственно вновь создаваемым системам <...> Синонимия отражает динамику развития терминосистемы» [Майоров, 1997: 27]. Однако синонимия в данном случае рассматривается именно в период формирования и становления терминологии.

В терминологии можно встретить следующие наименования терминов-синонимов:

- 1) относительные синонимы;
- 2) абсолютные синонимы;
- 3) терминологические дублиеты.

«Относительные синонимы отличаются от абсолютных тем, что последние (т.е. абсолютные) во всех случаях являются эквивалентными в смысле употребления, т.е. заменяют друг друга, удовлетворяя этим принцип однозначности, относительные же синонимы этому принципу не удовлетворяют, т.е. каждый из них является многозначным (заменяют они друг друга только в некоторых случаях)» [Коршунов, 1952: 1524].

Кроме того, необходимо отметить синонимичные выражения, обозначающие понятия синонимии терминов, встречающиеся у С.В.Гринева-Гриневица:

- 1) синонимия;

- 2) дублетность;
- 3) эквивалентность;
- 4) вариантность [Гринева-Гринева, 2008: 103].

Учитывая спектр возможных обозначений синонимии, С.В.Гринева-Гринева вводит термин *равнозначность*, а также производный от него термин *равнозначные термины*. «*Равнозначные термины* — это термины с одинаковым или подобным значением, используемые для называния одного понятия. Равнозначные термины можно разделить на *термины-синонимы* (термины одного языка с тождественным или подобным значением) и *эквиваленты* (разноязычные равнозначные термины) [Там же: 105—106].

Из положений лингвиста о равнозначных терминах следует, что их в свою очередь тоже можно разделить на *абсолютные синонимы* (с тождественным значением) и *относительные синонимы* (с подобным значением). Абсолютные синонимы подразделяются на *варианты* (термины-синонимы, полученные вариацией формы термина) и *дублеты* (термины-синонимы, имеющие различную форму) и т.д. [Там же].

В.П.Даниленко в книге «Русская терминология. Опыт лингвистического описания» обращает внимание на тот факт, что латинский язык играл особую роль в формировании терминологии языка науки. «Латынь, принятая в определенный исторический период в качестве особого языка науки в западноевропейских странах, оставила глубокие следы в формировании национального языка науки, в том числе и на русской почве» [Даниленко, 1977: 33].

В.В.Колесов отмечает, что «система терминов, выработанная еще в XVI в., на Руси (в том числе и на основе перевода Э.Доната) не привилась как система, но некоторые кальки и оригинальные образования, особенно (и прежде всего) в фонетических определениях, оказались приемлемыми. <...> Конкурентность дублетов давала возможность для совершенствования терминологии с содержательной точки зрения...» [Колесов, 2003: 77].

Таким образом, в области терминологии протекают такие же лексикологические процессы, как и в общелитературном языке, однако в силу специфики терминов эти процессы обладают рядом особенностей.

1.5. Особенности синтаксической терминологии, зафиксированной в российских грамматиках

Л.Л.Нелюбин считает, что с «XVIII века можно говорить о включении русской лингвистической традиции в европейскую в двух отношениях. Во-первых, работы, созданные в странах Западной Европы, достаточно быстро становятся известны русским ученым и используются ими при разработке собственных концепций. Во-вторых, основные тенденции развития науки о языке в самой России во многом перекликаются с европейскими, хотя отнюдь не просто механически повторяют их» [Нелюбин, 2008: 124].

«Русская лингвистическая терминология, — пишет А.И.Моисеев, — по крайней мере в ее грамматической части, традиционно возводится к античным, греколатинским истокам. Но русская лингвистическая терминология прошла большой и содержательный путь самостоятельного развития. Значительным этапом на этом пути была первая половина XIX века» [Моисеев, 1991: 62].

Изучение русского синтаксиса в конце XVIII — первой половине XIX вв. шло по нескольким направлениям: перенос утвердившихся на Западе грамматических теорий в Россию, а также самостоятельное построение и классификация национальных особенностей и признаков русского грамматического строя. В.В.Виноградов отмечает, что «процесс закрепления норм национального русского литературного языка сопровождался усиленной научно-общественной работой над созданием и осознанием его живой грамматической системы» [Виноградов, 2005: 81].

Л.П.Рупосова указывает, что «терминология синтаксиса сложилась позднее, чем терминология фонетики, лексикологии и морфологии. Это объясняется тем фактом, что первоначально синтаксические категории рассматривались не в грамматике, а в логике, а само понятие долго было расплывчатым и нечетким» [Рупосова, 1987: 48].

Т.А.Амирова, рассматривая лингвистическую деятельность Ф. де Соссюра, отмечает, что в языкознании XVIII в. превалировал синхронный, или описательный, метод [Амирова, 1999: 19].

Синтаксис русского языка с самого начала его научного исследования основывается на признании потребности рассмотрения именно «речи», или предложения и в равной мере на теории

и практике «словосочинения», то есть на объединении различных слов в сложное смысловое единство и грамматическом описании этого процесса.

«Российская грамматика» М.В.Ломоносова представляет собой цельный грамматико-теоретический труд. По мнению Б.А.Ольховика, «описание Ломоносовым современного русского языка не лишено весьма явственно проступающего влияния грамматиков классической традиции в том виде, как она преломилась на европейской почве» [Ольховик, 2003: 168]. Это просматривается как в целом в рассмотрении русского языка грамматистом, так и в методе характеристики грамматических категорий. В своем научном труде М.В.Ломоносов дает характеристику книжному русскому языку. Ф.Б.Иноятова отмечает, что «Ломоносов заложил основания русской технической и научной терминологии» [Иноятова, 1991: 32].

«Российская грамматика» состоит из шести «наставлений», посвященных различным разделам языка: «О челоувѣческомъ словѣ вообще», «О чтеніи и правописаніи російскомъ», «О имени», «О глаголь», «О служебныхъ частяхъ слова», «О сочиненіи частей слова». Из шести наставлений, включающих в себя область фонетики, морфологии и синтаксиса, наименее разработана как раз последняя, включающая в себя только последнее, шестое наставление. Само «наставление шестое» подразделяется на следующие главы:

- 1) о сочиненіи частей слова вообще;
- 2) о сочиненіи именъ;
- 3) о сочиненіи глаголовъ;
- 4) о сочиненіи вспомогательныхъ частей слова;
- 5) о сочиненіи частей слова по разнымъ обстоятельствамъ.

Следует отметить, что, по мнению В.В.Виноградова, в «русском дореволюционном языкознании вопросы синтаксиса в трудах Ломоносова по грамматике и риторике почти не были предметом внимательного изучения» [Виноградов, 1978: 41]. В качестве подтверждения данного тезиса лингвист приводит монографию российского языковеда С.К.Булича «Очерк истории языкознания в России: XIII—XIX века», где автор подробно рассматривает новаторство М.В.Ломоносова в области орфографии, описания

звуков речи и способа их произведения, грамматической терминологии, но не затрагивает область синтаксиса [Булич, 2011: 214].

Согласно С.В.Смирнову, «Российская грамматика» «имеет две особенности. Первая заключается в том, что она основана на индуктивном методе. Не имея предшественников в создании русской грамматики, Ломоносов должен был выводить правила русского языка непосредственно из фактов живого употребления, из тех многочисленных примеров, которые были собраны им самим. Вторая особенность грамматики — ее нормативно-стилистический характер» [Смирнов, 2001: 13].

Развернутое учение о предложении представлено в «Риторике» («Краткое руководство к красноречию») М.В.Ломоносова. Учение о предложении тесно связано с логической теорией о суждении.

Когда началось создание русской научной терминологии, язык науки был весьма разнообразным и пестрым. Решение задачи упорядочения научного языка взял на себя М.В.Ломоносов. А.М.Камчатнов указывал, что «создавая научную и техническую терминологию, Ломоносов придерживался правила, которое не устарело и сегодня и которое можно сформулировать так: из других языков ничего ненужного не вводить, а нужного не оставить» [Камчатнов, 2005: 349].

Сочетание, или «сочинение частей слова», в научном труде М.В.Ломоносова представляется читателям в виде правил сочетания слов в предложении согласно принципам связи согласования и связи управления. «Устанавливая правила сочетания слов, — отмечает В.В.Виноградов, — Ломоносов приходит к выводу о наличии разных степеней грамматической обобщенности и абстрагированности форм словосочетания» [Виноградов, 1958: 18].

Автор «Российской грамматики» в своем научном труде старается не прибегать к такому приему показа однотипности синтаксической конструкции, как простое перечисление слов, которые ее определяют.

Таким образом, «Российская грамматика» М.В.Ломоносова считается исследователями первой научной грамматикой русского языка. До 20—30-х гг. XIX в., до появления грамматик А.Х.Востокова и Н.И.Греча, по мнению В.В.Виноградова, период в истории разработки русского синтаксиса можно и должно назвать «ломоносовским» [Виноградов, 1958: 31].

В.В.Виноградов указывает, что в конце XVIII в. в русской грамматике наблюдались «отдельные попытки исторического подхода к языковым явлениям <...> Это характерно, в частности, для грамматик Ломоносова и Барсова. В грамматике Барсова нередко намечается стремление рассматривать языковые явления в их происхождении и развитии» [Виноградов, 1958: 88].

Если значимым грамматическим трудом второй половины XVIII в., без сомнения, считается «Российская грамматика» М.В.Ломоносова, то ученые, в том числе Л.А.Булаховский, называют наиболее авторитетными грамматиками первой половины XIX в. грамматики А.Х.Востокова и Н.И.Греча [Булаховский, 1954: 289].

С.К.Булич отмечает, что грамматика А.А.Барсова, составленная по поручению Комиссии о народных училищах в 1784—1788 гг., так и осталась в рукописи, в полном и окончательном варианте до нас не дошла, со временем оказавшись утерянной. На данный момент существуют три списка, отличающиеся фактами наличия или отсутствия авторских, А.А.Барсова, правок текста грамматики. Все три списка дополняют друг друга. Два списка, так называемый Московский список А XVIII в. с собственноручными дополнениями самого автора и Московский список Б начала XIX в., более полный по составу, но более краткий по изложению, хранятся в научной библиотеке Московского университета. Третий список грамматики, так называемый Ленинградский, хранится в государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Он включается в себя только раздел «О Словопроизвождениі». Третий список имеет многочисленные исправления и дополнения, сделанные как рукой самого ученого, так и третьим лицом [Булич, 2011: 233].

Б.А.Успенский в предисловии к научному труду А.А.Барсова писал, что в «Российской грамматике» «необыкновенно удачно сочетаются смелость лингвиста-теоретика и лингвиста-эмпирика» [Барсов, 1981: 20].

Отличительной особенностью синтаксиса А.А.Барсова является углубленное рассмотрение теоретических вопросов. Как правило, теоретические сведения в «Российской грамматике» предваряют очередную главу научного труда. Теоретические комментарии самого автора совмещаются с приведением сведений из

других наук, таких как логика или философия, однако основное внимание А.А.Барсов все же уделяет собственным теоретическим замечаниям относительно той или иной области синтаксиса. Так, во Введении к части V «О Словосочинении» в Примечаниях лингвист пространно рассуждает о заимствовании сведений из логики, о рассмотрении с точки зрения философии свойств, частей и правил грамматики и совмещает это с подробными сведениями из логики, приведенными в сравнении со сведениями из грамматики. По мнению В.В. Виноградова, «эти теоретические положения Барсова представляют ценный вклад в дальнейшее построение русской синтаксической теории» [Виноградов; 1958: 78].

Рассмотрение синтаксиса в «Российской грамматике» А.А.Барсова происходит под сильным влиянием «Российской грамматики» М.В.Ломоносова. Это проявляется даже на уровне терминологии, в том числе наименования терминов синтаксиса, однако часть терминологии, представленная в грамматике А.А.Барсова, является более приближенной к современной синтаксической терминологии, например, терминологическое наименование частей речи. Л.А.Булаховский отмечает, что А.А.Барсов не отходит далеко от принципов ломоносовской грамматики [Булаховский, 1954: 289]. Однако языковой материал, представленный в научном труде А.А.Барсова, более разносторонний, чем в научном труде его предшественника.

В качестве примеров теории об учениях словосочетания и предложения А.А.Барсов прежде всего использует конструкции литературно-книжного языка, но вместе с тем лингвист также приводит примеры из разговорной речи своего времени, кроме того, некоторый языковой материал в грамматике А.А.Барсова взят из диалектов.

Московский список А состоит из следующих частей:

- 1) Часть I. О правоизглашении;
- 2) Часть II. О слоудоударении;
- 3) Часть III. О правописании;
- 4) Часть IV. О словопроизвождении;
- 5) Часть V. О словосочинении.

Сама же пятая часть научного труда А.А.Барсова включает в себя:

- 1) Введение;

- 2) Главу I. О сочинении изменяемых частей;
- 3) Главу II. О сочинении неизменяемых частей речи;
- 4) Главу III. О сочинении частей речи, наипаче же глаголов и предлогов по некоторым особнным обстоятельствам;
- 5) Главу V. О некоторых окрестностях словосочинения.

Таким образом, если сравнить детальность разделения теоретического материала у М.В.Ломоносова и А.А.Барсова, то в последнем случае будет наблюдаться большая конкретизация теоретического и практического материала вследствие дробления глав на параграфы, подпараграфы и пункты.

Московский список Б и Ленинградский список «Российской грамматики Антона Алексеевича Барсова» будут рассматриваться в процессе сравнительно-сопоставительного анализа с целью выявить возможные варианты, в том числе и эллиптические формы терминов синтаксиса. Это обусловлено тем обстоятельством, что Московский список Б дан лишь в качестве текстологических примечаний к полнотекстовому Московскому списку А, а также тем, что в Ленинградском списке отсутствует раздел, посвященный рассмотрению синтаксиса.

Основываясь на теоретических положениях, высказанных в своем грамматическом труде М.В.Ломоносовым, А.А.Барсов более углубленно рассматривает вопросы синтаксиса русского языка, поднятые в грамматике его предшественника, а также расширяет круг синтаксических вопросов. Соответственно «объем синтаксиса у Барсова по сравнению с “Российской грамматикой” Ломоносова значительно расширился. Синтаксис Барсова — это обширное учение не только о сочинении частей речи, но и о предложении, включая и сложное предложение» [Виноградов, 1958: 51].

Таким образом, вводя в область изучения синтаксиса предложение, А.А.Барсов делает его одним из основных объектов изучения русского синтаксиса. Следовательно, синтаксис понимается лингвистом как учение, которое «учить разныя слова, или части рѣчи, правильно, и съ употребленіемъ въ языкѣ принятымъ сходственно, соединять въ одну рѣчь, полный <или хотя нѣкоторый> смыслъ имѣющую» [Барсов, 1981: 153], т.е. как учение о словосочетании и предложении. Учение о предложении лингвиста,

в свою очередь, опирается на учение о суждении. По мнению В.В.Виноградова, А.А.Барсов не только не уподоблял грамматику логике, но и первым из российских грамматистов обратил внимание на проблему взаимоотношений грамматического и логического в языке, важную как для «изучения языка и мышления, так и для дальнейшего развития исследований синтаксической системы русского языка» [Виноградов, 1958: 54].

Автор «Российской грамматики» включает также в область изучения синтаксиса и сложное предложение, но определяет его чаще всего как период, однако полноценной теории о сложном предложении в научном труде А.А.Барсова еще нет — только некоторые наблюдения и замечания в разделе, посвященном словосочетаниям. В.В.Виноградов указывает, что «в синтаксисе А.А.Барсова учение о сложном предложении еще теснее, чем во всех предшествующих грамматиках и риториках, сплетается с учением о периоде» [Виноградов, 1958: 67].

Ведущее место в истории русского языкознания до середины XIX в., безусловно, принадлежит А.Х.Востокову. Значительные успехи в развитии российской науки о грамматическом строе русского языка связаны с его именем. «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная» (1831) является тем лингвистическим трудом, где нашла свое продолжение и развитие русская грамматическая наука, начало которой было положено в «Российской грамматике» М.В.Ломоносова. Однако в грамматике А.Х.Востокова помимо продолжения и развития ломоносовских традиций можно найти также ряд интереснейших наблюдений над фактами русского языка, повлиявших на дальнейшее развитие отечественного языкознания. Например, А.А.Шахматов в своем научном исследовании «Синтаксис русского языка» в § 411 при анализе теоретических сведений о предлогах ссылается на «русскую грамматику» А.Х.Востокова [Шахматов, 2007: 308].

В.Томсен писал: «из позднейших работ Востокова особое значение имеет его “Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная”, образующая новый этап в разработке русской грамматики после Ломоносова: в частности, ученье Востокова о законах русского ударения не утратило своего значения и до настоящего времени.

Но и эта работа не имела за пределами славяно-русской филологии широкого отзвука в современной ей лингвистике» [В.Томсен, 2004: 68]. Можно также добавить высказывание С.В.Смирнова о том, что в «Русской грамматике» А.Х.Востокова «результаты наблюдений над языком представлены в виде кратких и точных определений» [Смирнов, 2001: 43].

В.В.Колесов полагал, что в «Русской грамматике» А.Х.Востокова «нет еще никакого собственно исторического подхода к интерпретации материала; все выводы — простое наложение современной описательной грамматики на исторический процесс» [Колесов, 2003: 184].

В научном труде А.Х.Востокова весьма кратко рассмотрен раздел синтаксиса. Состав синтаксиса русского языка лингвист определял следующим образом: «Въ словосочиненіи содержатся правила:

I. Согласованія словъ.

II. Употребленія падежей, или управленія словъ.

III. Сочетанія цѣлыхъ предложеній, или составленія періодовъ, и раздѣленія ихъ знаками препинанія.

Къ симъ тремъ отдѣленіямъ можетъ быть прибавлено четвертое, заключающее въ себѣ правила о размещеніи словъ» [Востоков, 1874: 121].

А.Х.Востоков указывает, что в предложении наличествует только два главных члена — подлежащее и сказуемое. Таким образом, грамматист выводит из числа главных членов предложения связку. Данный факт был отмечен современниками ученого и оценен как новаторский. Академик П.С.Билярский в статье «Сколько главных частей в предложении? (опыт критической оцѣнки успѣховъ русской грамматики)», опубликованной в Журнале министерства народнаго просвѣщенія в июне 1857 г., отмечает, что «новое ученіе, признающее в предложении только двѣ главныя части — подлежащее и сказуемое — явилось въ первый разъ въ “Русской Грамматикѣ” Востокова...» [Билярский, 1857: 267].

Наиболее детально исследованы лингвистом в «Русской грамматике» вопросы управления, тогда как согласование слов А.Х.Востоков определяет широко, включая туда еще и примыкание. В «отделении», посвященном управлению слов, лингвист

самым детальнейшим образом анализирует взаимодействие синтаксических связей слов и их лексических значений. В.В.Виноградов отмечал, что «при всей устарелости терминологии для нас представляет большую методологическую ценность подход Востокова к проблемам синтаксиса предложных словосочетаний. Востоков тщательно исследует грамматические, смысловые связи, взаимодействия и соотношения между функциями разных предлогов, а также между разными предложенными конструкциями» [Виноградов, 2005: 99].

Намного меньше внимания А.Х.Востоков в своем научном труде уделяет разделам синтаксиса, посвященным составлению периодов, разделению их знаками препинания и правилам «размещенія словъ».

В «Русской грамматике» А.Х.Востокова нашло отражение новое видение на структуру видов двусоставных предложений в русском языке. Однако лингвист в своем научном труде рассматривает учение о предложении весьма кратко, без конкретизации и исследования различных типов предложения. Подобным же кратким образом А.Х.Востоков описывает в своем научном труде теорию относительно простого распространенного предложения, указывая особое значение в изучении в рамках простого предложения синонимических конструкций.

В отличие от А.Х.Востокова Н.И.Греч вел свои лингвистические изыскания в русле западных направлений русского грамматического движения. В.Г.Белинский, сравнивая грамматику А.Х.Востокова и Н.И.Греча, писал: «Если сличить две русские грамматики, разных составителей, например грамматику г. Греча с грамматикой г. Востокова, — подумаешь, что каждая из них рассуждает об особенном языке или что они отделены одна от другой большим промежутком времени» [Белинский, 1910: 475].

Н.И.Греч, руководствуясь логико-грамматической традицией, в своей грамматике сосредоточил основное внимание на учении о простом и сложном предложении. Наиболее конкретно и детально синтаксическое учение лингвиста изложено им в «Практической русской грамматике», изданной в 1834 г. Грамматика состоит из:

- 1) Введения;
- 2) Части первой «Этимологія Общая»;
- 3) Части второй «Этимологія Частная»;

- 4) Части третьей «Синтаксисъ, или Словосочиненіе»;
- 5) Части четвертой «Орфоэпія, или Произношеніе словъ»;
- 6) Части пятой «Орфографія, или Правописаніе».

Самому учению о синтаксисе автор «Практической русской грамматики» отводит одну часть — третью «Синтаксисъ, или Словосочиненіе», состоящую из введения и трех глав, последовательно рассказывающих о сочетании слов в простом, сложном предложениях и в периоде.

Если А.Х.Востоков по сравнению с «Российской грамматикой» М.В.Ломоносова расширяет и углубляет область исследуемого синтаксиса, включая в него теорию о предложениях, то Н.И.Греч, обращая основное внимание на учение о предложениях, рассредоточивает теорию о словосочетаниях в основном разделе своей грамматики, посвященном синтаксису.

По мысли Н.И.Греча, синтаксис подразделяется на три части:

- 1) «О сочетаніи словъ, для составленія предложеній»;
- 2) «О сочетаніи предложеній, для составленія периодовъ»;
- 3) «О порядкѣ, или размѣщеніи словъ».

Следующей значимой вехой в истории русского синтаксиса XIX в. стал «Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковнославянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора» Ф.И.Буслаева.

По мнению В.В.Виноградова, «синтаксис Буслаева представляет собой довольно сложную, неорганическую смесь старых формальных логико-грамматических построений, восходящих к “универсальной” грамматике XVIII — начала XIX вв., более новых романтических воззрений на ход истории человеческой речи и отголосков сравнительно-исторического языкознания 20—50-х годов XIX в.» [Виноградов, 2005: 117].

«Теоретическое обоснование собранного им богатого историко-лингвистического материала было очень важно для дальнейших исследований» [Березин, 1975: 69].

Ф.И.Буслаев считал основой грамматической системы предложение, которое рассматривается синтаксисом. Соответственно, этимологию, то есть морфологию, лингвист полагал частью синтаксиса, а слово — частью предложения. «Буслаев создал логическое учение о предложении (простом, сложном, осложненном или слитном), о его членах — главных и второстепенных, о сокращении

и слиянии предложений; заложил основы синтаксической синонимии» [Шулежкова, 2008: 99].

В «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с образцами грамматического разбора» Ф.И.Буслаев в разделе «Синтаксисъ» выделяет следующие главы:

- 1) Глава первая. Составъ предложеній и ихъ различные виды;
- 2) Глава вторая. Употребленіе частей рѣчи изменяемыхъ;
- 3) Глава третья. Словосочиненіе въ предложеніи простомъ;
- 4) Глава четвертая. Сложное предложеніе;
- 5) Прибавленіе. О порядкѣ словъ.

Ф.И.Буслаев не выделяет именной тип предложений. Ученый считает, что в языке нет ни одного предложения, состоящего только из подлежащего [Буслаев, 1959: 258].

Лингвист разделяет логический и грамматический составы предложения: в первом, по мнению Ф.И.Буслаева, присутствуют только подлежащее и сказуемое, а во втором помимо главных членов предложения наличествует второстепенные члены предложения, суть которых заключается в пояснении и дополнении главных членов предложения.

Н.А.Кондрашов отмечает, что «взгляды Буслаева, несмотря на противоречие между богатым материалом из истории русского языка и общей логической теорией грамматики, еще долгое время оказывали влияние на научную разработку русской грамматики» [Кондрашов, 2004: 88].

Таким образом, появившись в 30-х гг. XX в., терминология, равно как и всякая другая наука, обладает рядом параметров, присущих каждой науке: определенным набором характеристик по различным основаниям, сформировавшимся путями появления новых наименований. До сих пор в современной науке существуют противоположные точки зрения на терминологию в контексте литературного языка.

Сами терминологические наименования, относящиеся к определенной области науки, в данном случае к лингвистике, также обладают своей спецификой, определенным набором характеристик. В терминологии протекают те же самые лексикологические процессы, что и в общелитературном языке, однако эти процессы

более специфичны в силу того, что в них участвуют именно термины, т.е. специализированные слова или словосочетания.

Наряду с самими терминами к специальной лексике относятся еще ряд понятий, отличных от них: прототермины, терминоиды, предтермины, квазитермины, псевдотермины и гипотетические термины.

Пути появления терминов в терминологии различны. Наибольшее количество новых терминов дисциплина приобретает в период формирования языка науки, а также в период формирования отдельных отраслевых терминологий. В данный период большое количество терминов составляют заимствования.

В истории русской лингвистической терминологии самым значительным периодом была первая половина XIX в. Начиная с «Российской грамматики» М.В.Ломоносова, российские лингвисты стремятся соединить все имеющиеся на тот период теоретические данные, подтвердить примерами из «живого» языка, зачастую из просторечия или диалектов, и создать свою грамматическую традицию, систематизировать грамматические сведения русского языка.

Терминология синтаксиса складывается позднее, чем терминология фонетики или морфологии, поскольку первоначально синтаксические категории относились к логике, а само понятие синтаксиса было нечетким.

Граматики первой половины XIX в. углубляют и расширяют область рассматриваемого синтаксиса, постепенно включая кроме теории словосочетания теорию простого и сложного предложения.

ГЛАВА 2

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ, НАЗЫВАЮЩИХ ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ СИНТАКСИСА, СТРУКТУРНЫЕ ЧАСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И КАТЕГОРИИ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ

2.1. Термин «синтаксис»

«Синтаксис Ломоносова не только составил целую эпоху в истории русской грамматической мысли, — писал В.В.Виноградов, — но отчасти не потерял своего значения и для нас» [Виноградов, 1958: 17]. Сам термин «синтаксис» в «Российской грамматике» М.В.Ломоносова не встречается, однако в научном труде отражена теория и практика, касающаяся «сочинения частей слова», которое заключается у лингвиста в правилах сочетания слов в предложении по принципу согласования и управления.

Анализируя сочетаемость слов, М.В.Ломоносов не ограничивается только формальной стороной дела. Он показывает важность смысловой сочетаемости слов. Синтаксис уже не является просто средством формального связывания слов. Однако рассуждений о простом предложении и синтаксических единицах, больших, чем простое предложение, в «Российской грамматике» нет (за исключением самых общих и кратких сведений в главе 5-й первого наставления).

При сравнении «Российской грамматики» М.В.Ломоносова и «Русской грамматики» А.А.Барсова было выявлено, что объем рассматриваемого синтаксиса у А.А.Барсова увеличивается в сравнении с тем, что представлено в научном труде его предшественника. Например, сложное предложение, в «Русской грамматике» рассматривается в составе синтаксиса, тогда как М.В.Ломоносов развернутую теорию предложения представляет в своей «Риторике».

А.А.Барсов употребляет в своем научном труде термин *Словосочинение (Syntaxis)*, которое «учить разныя слова, или части рѣчи, правильно, и съ употребленіемъ въ языкѣ принятымъ

сходственно, соединять въ одну рѣчь полный <или хотя нѣкоторый> смыслъ имѣющую» [Барсов, 1981: 153].

В однословном термине можно условно выделить две составляющие его части: русский вариант термина — *Словосочиненіе* — и иноязычный вариант термина — *Syntaxis*. Русифицированная первая часть термина представлена сложным словом, вторая, иноязычная, часть термина также состоит из одного слова.

Отметим, что в «Российской грамматике» в обоих случаях употребления термин *Словосочиненіе (Syntaxis)* — на страницах 39 и 153 — приводится в полном, русифицированном и иноязычном, варианте.

А.Х.Востоков так же, как и М.В.Ломоносов, понимает «синтаксис» как словосочинение. При анализе текста грамматики были отмечены несоответствия в употреблении термина *Словосочиненіе (Синтаксисъ)*. Во Вступлении, при перечислении частей грамматики, А.Х.Востоков приводит полный вариант однословного термина — *Словосочиненіе (Синтаксисъ)*. Во второй части «О словосочиненіи» автор приводит сокращенный вариант термина с употреблением только сложного слова *Словосочиненіе*. «Словосочиненіе есть часть Грамматики, показывающая правила, по коимъ совокуплять должно слова в рѣчи» [Востоков, 1874: 116].

В «Русской грамматике» А.А.Барсова термин *словосочиненіе (Syntaxis)* употребляется в русском и иноязычном вариантах, тогда как в «Российской грамматике» А.Х.Востокова термин *словосочиненіе (Синтаксисъ)* состоит только из русских вариантов наименования. В последнем случае представлен полностью русифицированный термин, однако составляющие его части разнородного происхождения: русского и иноязычного. Примечательно, что в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н.Ушакова слово «словосочинение» обозначает синтаксическую связь слов в предложении, а слово «синтаксис» — «отдел грамматики, изучающий предложения, словосочетания» с указанием в тексте статьи на греческое происхождение слова: греч. *syntaxis* — составление [90]. В «Российской грамматике» А.Х.Востокова слова «словосочиненіе» и «*syntaxis*», входящие в состав термина, являются синонимами.

В «Практической русской грамматике» Н.И.Греч также рассматривает синтаксис как «часть Грамматики, заключающую въ себѣ правила совокупленія отдѣльных частей и частицъ слова между собою, для произведенія ясной и понятной рѣчи» [Греч, 1834: 221].

По нашему мнению, наличие между вариантами однословного термина *синтаксисъ, или словосочиненіе*, разделительного союза «или» в сочетании с пунктуационным знаком «запятая» указывает на тот факт, что Н.И.Греч предполагал использование второго варианта — *словосочиненіе* — в качестве уточнения к первому, основному, выраженному термином-словом *синтаксисъ*. Необходимо отметить, что автор «Практической русской грамматики» в качестве основного термина указывает его иноязычный вариант, а термин-слово исконно русского происхождения предполагает уточняющим вариантом.

Можно предположить, что такое распределение вариантов термина связано с тем, что Н.И.Греч детально изучал современные ему грамматики немецкой и, частично, французской литературы. Соответственно, и сами термины лингвист рассматривает с общеевропейских позиций.

В «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской» Ф.И.Буслаева термин-слово *синтаксисъ* уже не имеет вариантов. Однословный термин представляет собой интернациональный термин и приводится в тексте без дефиниции. В другом научном труде — «Историческая грамматика русского языка. Синтаксис» — имеется указание на объем синтаксиса: «законы сочетанія словъ излагаются въ Синтаксисѣ» [Буслаев, 1881: 1].

На современном этапе развития лингвистики термин *синтаксис* определяется следующим образом: «1) Синтаксисом называется вся та область грамматического строя языка, которая охватывает разнообразные конструкции: образующиеся по определенным правилам соединения слов (знаменательного слова и формы знаменательного слова, нескольких форм слов), простые и сложные предложения, а также такие большие, чем сложное предложение, фрагменты текста, которые обнаруживают в связях своих частей действие грамматических правил и закономерностей (так называемые “сложные синтаксические целые”). 2) Синтаксисом

называется вся та область грамматической науки, которая изучает названные в п. 1 конструкции, правила их образования (включая сюда и правила участия в их строении других языковых единиц) и функционирования. 3) Синтаксисом (чего-либо: словосочетания, предложения) называется вся система грамматических свойств соответствующих единиц (для слова и формы слова — система их конструктивных свойств)» [Русская грамматика, 1982: 5].

Таким образом, термин *синтаксис* в рассматриваемых грамматиках претерпевает изменения как в своей структуре, так и в своей дефиниции. При анализе терминологической цепи: (*отсутствие самого термина*) — *словосочинение (Syntaxis)* — *словосочинение (синтаксись)* — *синтаксись, или словосочинение* — *синтаксись* — *синтаксис* были выделены следующие структурные изменения:

- 1) термин потерял свои варианты;
- 2) термин изменил свое графическое оформление в соответствии со стремлением к упрощенности структуры — в структуре термина, представленного в рассматриваемых грамматиках, начиная с научного труда Ф.И.Буслаева, отсутствуют скобки либо запятая;
- 3) при первоначальном наличии русскоязычного и иноязычного вариантов в конечном итоге в грамматиках утвердился интернационализм — *синтаксис*.

Как и в структуре термина-слова *синтаксис*, в его дефиниции происходят изменения. Во-первых, расширяется область явлений, изучаемых синтаксисом: начиная с «Российской грамматики» А.А.Барсова эта область грамматики включает в себя не только правила сочетания отдельных частей речи, но и правила сочетания предложений. Во-вторых, термин становится многозначным. Среди значений однословного термина *синтаксис* в «Русской грамматике-80» фигурируют как значения, зафиксированные в грамматиках первой половины XIX в., так и значения, возникшие в результате дальнейшего развития термина.

Второе, широкое понимание термина *синтаксис* связано с направлением в исследовании синтаксиса, которое появилось примерно 50 лет назад. «Его предмет — фундаментальные языковые и внеязыковые законы, правила связной речи в их функциональном (коммуникативном) единстве, обеспечивающем главное

качество и назначение речи — ее способность формировать, выражать, передавать — от говорящего (пишущего) к адресату (слушателю, читателю, собеседнику) сообщение (информацию), будь то мысль, чувство, состояние, воля человека или их сочетание, синтез» [Одинцова, 1998].

2.2. Главные члены предложения

А.Н.Стеценко отмечал, что уже «в древнерусском языке, зафиксированном в многочисленных памятниках письменности, представлены все основные типы (по своей структуре и выполняемым функциям) простого предложения, известные современному русскому языку» [Стеценко, 1972: 10]. Как указывал В.В.Виноградов, предложение является «главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [Виноградов, 1954: 65].

Сам термин *предложение* зафиксирован во всех рассматриваемых грамматиках в единообразном виде — *предложение*. Исключение составляет «Российская грамматика» А.А.Барсова, в которой отмечен термин *предложение (propositio)*, состоящий из русской и иноязычной части.

А.А.Потебня указывал, что у Ф.И.Буслаева «дается определение предложения, заимствованное из логической грамматики, не заключающее в себе определение глагола, с таким же основанием применимое к языкам, вовсе не имеющим глагола, как и к нашему. Затем из наблюдения сообщается, что наше предложение без глагола невозможно. Если придать надлежащий вес последнему утверждению, то окажется, что первое определение предложения пусто и должно быть выкинуто; но этого не делают и тем производят туман» [Потебня, 1958: 71].

А.А.Барсов, основываясь на рассмотренном М.В.Ломоносовым понимании предложения, дополняет и конкретизирует учение автора «Российской грамматики» о подлежащем и сказуемом. В «Российской грамматики» А.А.Барсова учение о главных членах предложения является неотъемлемой частью учения о предложении.

А.А.Барсов и А.Х.Востоков, говоря о подлежащем и сказуемом, не используют термин *главные члены предложения*. Видовое понятие *главные части предложения* встречается у Н.И.Греча в «Начальных правилах русской грамматики»: «Подлежащее, сказуемое и связка суть главные части предложенья, а опредѣленья и дополненія — части второстепенныя» [Греч, НПРГ: 87]. В другом своем научном труде — «Практическая русская грамматика» — Н.И.Греч уточняет, что «изъ отдѣльныхъ же словъ, входящихъ въ составъ предложенья, главныя суть тѣ, кои составляютъ грамматическое подлежащее и сказуемое» [Греч, 1834: 234].

Ф.И.Буслаев в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянскою» наряду с видовым понятием *главные части предложения* использует сложный термин *главные члены предложения* со словом-уточнителем «главные».

2.2.1. Термин «подлежащее»

А.А.Барсов определяет *подлежащее* как лицо, «о котором, или вещь, о которой что-нибудь сказывается, т.е. утверждается или отрицается» [Барсов, 1981: 72]. *Подлежащее (Subjectum)* является однословной терминологической единицей, построенной по модели «русский термин — иноязычный термин». Русский термин *подлежащее* имеет точное структурное и семантическое соответствие латинскому термину *Subjectum* и является его семантической калькой.

Автор «Российской грамматики» выделяет в своем научном труде виды подлежащего: *грамматическое подлежащее* и *логическое подлежащее*, *простое подлежащее* и *сложное подлежащее*. А.А.Барсов вводит термины *грамматическое подлежащее* и *логическое подлежащее*. Указанные двухкомпонентные термины представляют собой субстантивные словосочетания со связью согласование, построенные по модели «имя прилагательное + имя существительное». А.А.Барсов рассматривает первую пару терминологических сочетаний с точки зрения логики, а вторую пару — с точки зрения структуры.

С простым и сложным подлежащим связаны слова, выполняющие в предложении синтаксическую функцию подлежащего,

а также сказуемого, которые А.А.Барсов объединяет в особую группу с наименованием *терминъ*. «Подлежащее <...> есть сложное, т.е. состоять не из одного простаго или описаннаго главнаго слова, но изъ двухъ или болѣе, равно важныхъ» [Барсов, 1981: 159].

Терминъ, состоящий из одного слова, именуется лингвистом *простою*, или *неописанной (incomplexus)*. Данное терминологическое сочетание является многокомпонентным, имеет три синонимичных варианта зависимого слова, один из которых является иноязычным вариантом. *Терминъ*, включающий в себя два и более слова, называется *описанной (complexus)* [Барсов, 1981: 156]. Терминологическое сочетание выражено субстантивным словосочетанием с последовательным порядком слов.

В «Российской грамматике» изложен принцип составления *термина описаннаго*: «чрезъ приложеніе къ простому термину какого-нибудь <другаго слова для точнѣйшаго> его означенія» [Барсов, 1981: 157]. Приложения к простому термину, служащие для объяснения, ограничения, распространения и украшения его, А.А.Барсов называет *описаніями термина*. Двухкомпонентная конструкция *описанія термина* выражена субстантивным словосочетанием со связью управление. Структурная часть «описанія» употреблена автором во множественном числе, поскольку предполагает наличие более чем одного условия для уточнения *простаго термина*. С терминами описанными А.А.Барсов связывает понятия *вторичных и третичных и т.д. приложений*, которые, в свою очередь, распространяют *терминъ описанный*.

Подлежащее понимается А.Х.Востоковым в первую очередь как одна из двух частей предложения с личным глаголом, из чего можно сделать вывод, что лингвист считает приоритетным структурный уровень рассмотрения термина. И только после определения позиции подлежащего в предложении дает его дефиницию: «има предмета, о котором говорится» [Востоков, 1874: 116].

Вслед за А.Х.Востоковым Н.И.Греч определяет подлежащее в качестве структурного компонента предложения. В дефиниции подлежащего можно выделить как дескрипторы, присущие определению А.А.Барсова — «говорится въ предложеніи», так и

дескрипторы из определения А.Х.Востокова — «придается... или... отнимается качество» [Греч, 1834: 221].

При сравнительном анализе было выявлено, что в «Практической русской грамматике» Н.И.Греча и в «Российской грамматике» А.А.Барсова имеются четыре вида подлежащего, которые совпадают по терминологическому наименованию и дефиниции: *логическое подлежащее* и *грамматическое подлежащее*, *простое подлежащее* и *сложное подлежащее*.

В паре терминов *логическое подлежащее* — *грамматическое подлежащее* присутствует одно несоответствие: Н.И.Греч выделяет логическое и грамматическое подлежащее только в составном подлежащем, а А.А.Барсов не конкретизирует условия выделения указанных видов подлежащего. Это находит свое подтверждение во Введении к части V «О Словоочинении», где автор приводит пример абстрактного предложения, в котором «грамматическое подлежащее и сказуемое иногда въ одномъ и томъ же самомъ предложении, не сходствуетъ съ логическимъ» [Барсов, 1981: 156].

Выделение второй пары терминов *простое подлежащее* — *сложное подлежащее* основано на количестве предметов. «Простое подлежащее выражаетъ одинъ предметъ (или совокупность одинаковыхъ предметовъ), однимъ ли словомъ или многими словами»; «Сложное подлежащее заключаетъ въ себѣ понятие о двухъ или болѣе отдѣльныхъ предметахъ» [Греч, 1834: 221—222].

В приложении к § 262 автор представляет критерии, по которым возможно различение сложного подлежащего и составного подлежащего: возможность/невозможность раздробления на части с повторением при каждой сказуемого.

Термины *несоставное подлежащее* и *составное подлежащее* по своим дефинициям схожи с терминологическими сочетаниями *терминъ простой, или неописанной (incomplexus)* и *терминъ описанной (complexus)*, встречающимися в «Российской грамматике» А.А.Барсова. «Несоставное подлежащее выражается однимъ словомъ»; «Составное подлежащее выражается двумя словами и болѣе» [Греч, 1834: 222].

В «Практической русской грамматике» можно встретить термины-словосочетания со словами-уточнителями *несоставное*

неотносительное подлежащее и *составное относительное подлежащее*. Сложные термины представляют собой составные терминологические сочетания со словами-уточнителями «неотносительное» и «относительное». *Несоставное неотносительное подлежащее* превращается в *составное относительное подлежащее* в случае, когда «смысль подлежащего <...> требует дополнения означением различных обстоятельств» [Греч, 1834: 223].

Ф.И.Буслаевым в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской» термин *подлежащее* приводится без дефиниции, а внимание читателей акцентируется на способах выражения подлежащего: «1) самым лицом глагола; напр. ес-мь <...> или 2) отдельною частью речи, означающею предмет, о котором говорится» [Буслаев, 1896: 117]. Причем эти способы объединены, в отличие от предыдущих авторов рассматриваемых грамматик, в две большие группы: глагол и части речи, обозначающие предмет. Таким образом, Ф.И.Буслаев разделяет глагол и остальные самостоятельные части речи.

На современном этапе развития лингвистики, в «Русской грамматике-80» *подлежащее* прежде всего связывается с семантической классификацией предикативных признаков (действий или состояний), на которую опирается семантическая классификация субъектов [Русская грамматика, 1982: 127]. Также в «Русской грамматике-80» зафиксирован термин *группа подлежащего*, т.е. группа распространяющих членов, синтаксически группирующихся возле подлежащего [Русская грамматика, 1982: 136]. Термин *группа подлежащего* можно соотносить с особой группой слов с наименованием *терминь*, которую выделяет А.А.Барсов, и с видами подлежащего, выделяемыми Н.И.Гречем.

Таким образом, термин *подлежащее* в рассматриваемых научных трудах изменился следующим образом:

1) начиная с «Русской грамматики» А.Х.Востокова термин *подлежащее* употребляется авторами без семантического соответствия латинскому термину *Subjectum*, только в русском варианте — *подлежащее*;

2) А.А.Барсов впервые в своих научных трудах вводит термины *грамматическое подлежащее* и *логическое подлежащее*;

3) в «Российской грамматике» А.А.Барсова и «Практической русской грамматике» Н.И.Греча были выявлены две схожие группы терминов, называющих виды подлежащего.

Термины первой группы — *логическое подлежащее* и *грамматическое подлежащее*, *простое подлежащее* и *сложное подлежащее* — совпадают по терминологическому наименованию и дефиниции. Термины второй группы — *несоставное подлежащее* и *составное подлежащее* («Практическая русская грамматика») схожи по своим дефинициям с терминологическими сочетаниями *терминъ простой, или неописанной (incomplexus)* и *термин описанной (complexus)* («Российская грамматика»);

4) в грамматике Н.И.Греча зафиксировано наибольшее количество терминов, в том числе и составных, называющих виды подлежащего: *подлежащее грамматическое, подлежащее логическое, подлежащее неотносительное, подлежащее несоставное, подлежащее простое, подлежащее сложное, подлежащее составное, подлежащее составное относительное*;

5) при первоначальном наличии двойного — русскоязычного и иноязычного — варианта в конечном итоге в грамматиках утвердился русскоязычный вариант термина — *подлежащее*.

2.2.2. Термин «сказуемое»

А.А.Барсов называет *сказуемым (praedicatum)* то, «что о подлежащемъ сказывается» [Барсов, 1981: 72]. Однокомпонентный термин выражен именем существительным. Так же, как и термин *подлежащее (Subjectum)*, термин *сказуемое (praedicatum)* построен по модели «русский термин — иноязычный термин». Русский термин *сказуемое* структурно и семантически точно соответствует латинскому термину *praedicatum* и является его семантической калькой.

А.А.Барсов подразделяет сказуемое на составные части «по раздроблению понятийъ въ точность» [Барсов, 1981: 154]. В соответствии с делением сказуемого на две части, обладающие конкретной дефиницией и терминологическим наименованием, автором выделяется *собственно сказуемое* и *связь* или *связка*

сказуемого с подлежащим. Исходя из вышеуказанного деления, **сказуемое** представляется многозначным термином с двумя значениями: 1. главный член предложения; 2. название одной из двух составных частей сказуемого. **Связь** или **связка** определяется лингвистом как «связаніе» подлежащего со сказуемым [Барсов, 1981: 154]. Наличие разделительного союза «или» без запятой между терминами **связь** и **связка** является показателем того, что А.А.Барсов предполагает использование одного термина из двух терминов-слов, представленных в тексте грамматики.

В тексте «Российской грамматики» встречается синонимичное понятие термину **сказуемое** в значении «главный член предложения» — «**цѣлое или главное сказуемое**» [Барсов, 1981: 155].

С логической точки зрения автор «Российской грамматики» рассматривает виды сказуемого: **логическое сказуемое** и **грамматическое сказуемое**. Образование других видов сказуемого — **сказуемого сложного** и **сказуемого простого** — зависит от состава главного члена предложения, т.е. от количества простых и описанных главных слов, входящих в сказуемое [Барсов, 1981: 159]. Термины-словосочетания **логическое сказуемое** и **грамматическое сказуемое** введены в научный оборот А.А.Барсовым.

В отличие от А.А.Барсова, А.Х.Востоков определяет **сказуемое** прежде всего как одну из двух структурных единиц предложения с личным глаголом. Лингвист определяет дефиницию сказуемого как «глагол, или все то, что о предмете говорится» [Востоков, 1874: 116]. Запятая, поставленная в формулировке лексического значения сказуемого перед разделительным союзом «или», указывает на синонимичность частей предложения. В формулировке дефиниции термина изначально заложено разделение сказуемого на простое и составное.

Сказуемое состоит из **глагола одинакого**, т.е. выражающего «дѣйствіе или состояніе, время, лице и число однимъ словомъ» [Востоков, 1868: 26], и **глагола составного**, выражающего все вышеперечисленное с помощью двух или трех слов [Востоков, 1868: 26]. Многословные термины **глагол одинакій** и **глагол составной** выражены субстантивными словосочетаниями со связью согласование с последовательным порядком структурных компонентов. По семантике термины **глагол одинакій** и **глагол**

составной являются синонимами видам сказуемого, выделяемым А.А.Барсовым, — *сказуемого простого* и *сказуемого сложного*.

Н.И.Греч, подобно А.Х.Востокову, рассматривает предложение со структурной точки зрения, однако выделяет уже не две части, как его предшественник, а три: *подлежащее, сказуемое* и *связку*.

Как и в случае с термином *подлежащее*, Н.И.Греч выделяет в *сказуемом* несколько видов: *логическое сказуемое* — *грамматическое сказуемое, простое сказуемое* — *сложное сказуемое, несоставное сказуемое* — *составное сказуемое*.

Особенности *грамматического, логического, сложного* и *составного сказуемых* определены автором в Примечании 81 к I главе «О свойствах и составъ предложенія»: «Разность между сложнымъ и составнымъ сказуемымъ, также между сказуемымъ логическимъ и грамматическимъ, та же самая, которая показана между подлежащими сихъ раздѣловъ» [Греч, 1834: 223]. Вышеперечисленные виды сказуемого представляют двухсловные субстантивные сочетания, построенные по модели «имя прил. + имя сущ.».

Для разделения ситуаций, требующих/не требующих дополнительного пояснения сказуемого, Н.И.Греч предлагает использовать сложные термины *несоставное неотносительное сказуемое* и *составное относительное сказуемое*.

В отличие от предшественников, Ф.И.Буслаев считает главным членом предложения именно *сказуемое*, «собственная и первоначальная этимологическая форма» [Буслаев, 1869: 116] которого выражена глаголом. Лингвист выделяет только два вида сказуемого: *сказуемое простое* и *сказуемое сложное*. По терминологическому наименованию перечисленные виды сказуемого совпадают с видами сказуемого, выделяемыми А.А.Барсовым и Н.И.Гречем, а по дефиниции — с *глаголом одинакимъ* и *глаголом составнымъ*, выделяемыми А.Х.Востоковым.

В современной лингвистике прослеживается традиция Ф.И.Буслаева в области глагольных предложений: «по конструктивным и семантическим свойствам центральная роль в глагольных предложениях принадлежит сказуемому» [Русская грамматика, 1982: 238].

Таким образом, при сравнительном анализе в рассматриваемых российских грамматиках термина *сказуемое* были выявлены следующие изменения:

1) начиная с «Русской грамматики» А.Х.Востокова термин *сказуемое* употребляется авторами без семантического соответствия латинскому термину *praedicatum*, только в русском варианте — *сказуемое*;

2) А.А.Барсов впервые в своих научных трудах вводит термины *грамматическое сказуемое* и *логическое сказуемое*;

3) были выявлены две группы терминов, совпадающих в своем наименовании и/или в своей дефиниции.

Первая группа терминов: *логическое сказуемое* — *грамматическое сказуемое*, выделяемых А.А.Барсовым и Н.И.Гречем, — совпадают по наименованию и по дефиниции.

Вторая группа терминов: *сказуемое сложное* и *сказуемое простое* (А.А.Барсов) — *глагол одинакий* и *глагол составной* (А.Х.Востоков) — *простое сказуемое* — *сложное сказуемое* (Н.И.Греч) — *сказуемое простое* и *сказуемое сложное* (Ф.И.Буслаев) — совпадают по дефиниции;

4) автором «Практической русской грамматики» выделяются кроме перечисленных видов сказуемого некоторые другие: *несоставное неотносительное сказуемое* — *составное относительное сказуемое* и *несоставное сказуемое* — *составное сказуемое*;

5) при первоначальном наличии двойного — русскоязычного и иноязычного — варианта в конечном итоге в грамматиках утвердился русскоязычный вариант термина — *сказуемое*.

2.2.3. Термин «связка»

А.А.Барсов определяет *связь* или *связку* как составную часть сказуемого. Связь в утвердительном предложении выражена *существительными глаголами* *есть* и *бываю*.

А.Х.Востоков термин *связка* не использует. Глаголы *есть*, *суть*, *бьль*, *будеть* лингвист называет *глаголами вспомогательными* и включает их в состав *глагола составного*. В отличие от А.А.Барсова, который определяет связку как структурный

элемент сказуемого в целом, А.Х.Востоков выделяет глаголы вспомогательные только в глаголах составных.

В отличие от А.А.Барсова, Н.И.Греч выделяет *связку* не как составную часть сказуемого, а в качестве самостоятельной структурной части предложения. Дескриптором термина *сказуемое* является «качество», а дескриптором термина *связка* является «слово», т.е. Н.И.Греч рассматривает термин *связка* с грамматической точки зрения. [Греч, 1834: 221].

Продолжая традицию А.Х.Востокова, который использует для обозначения видов глаголов *есть*, *суть* и т.д. двухсоставный термин с последовательным порядком слов *глагол вспомогательный*, Н.И.Греч также для наименования вышперечисленных глаголов выбирает многословный термин, однако называет подобные глаголы *глаголами самостоятельными*.

Особо лингвист отмечает случаи, когда две структурные части предложения — сказуемое и связка — выражаются одним словом. Для обозначения таких синтаксических ситуаций Н.И.Греч использует двухсоставный термин, выраженный субстантивным словосочетанием, — *глагол совокупный*. Терминологическое сочетание *глагол совокупный* по своей дефиниции совпадает с терминологическим сочетанием, используемым А.Х.Востоковым, *глагол составной*.

В Примечании 79 к первой главе третьей части «Синтаксисъ, или о словосочиненіи» «Практической русской грамматики» автор устанавливает, какие именно термины, выражающие структурные части сказуемого, будут в дальнейшем использоваться в его научном труде: «Мы будемъ впредь называть глаголы самостоятельные связкою, а глаголы совокупные, для сокращенія, просто глаголами» [Греч, 1834: 221].

Подобно А.А.Барсову Ф.И.Буслаев обозначает *связку* как часть составного сказуемого. Совпадает с терминологией А.А.Барсова и наименование глагола *быть* — *глаголь существительный*. Однако Ф.И.Буслаев расширяет подходы к анализу термина и рассматривает термин-слово *связка* с семантической и грамматической точек зрения: «этотъ глаголь по своему значенію называется существительнымъ, <...> а по употребленію въ сказуемомъ — связкою» [Буслаев, 1896: 116].

В современной лингвистике **связка** — «это оторвавшаяся от парадигмы местоименного слова или глагола служебная словоформа, функцией которой является дополнительное указание на синтаксические отношения между компонентами предложения. К связкам относятся словоформы *это, есть*, сочетание *это есть* (последние — со стилистической окраской книжности), спрягаемые формы глаголов *являться, явиться, значить, означать, называться* (последняя — разговорная, в предложениях с подлежащим и сказуемым — инфинитивами) [Русская грамматика, 1982: 120].

Таким образом, анализируя термин **связка** в рассматриваемых грамматиках, можно сделать следующие выводы:

1) термин **связка** зафиксирован не во всех грамматиках — он отсутствует в «Русской грамматике» А.Х.Востокова;

2) термин-слово **связка** изменяет степень своей зависимости от сказуемого: в грамматике А.А.Барсова **связка** является составной частью сказуемого, в грамматике Н.И.Греча — уже самостоятельной структурной единицей предложения, наряду с подлежащим и сказуемым, в грамматике Ф.И.Буслаева **связка** снова становится частью составного сказуемого;

3) в «Русской грамматике-80» **связка** является служебной словоформой.

2.3. Второстепенные члены предложения

В.В.Виноградов отмечает, что «в синтаксисе Барсова можно найти ряд замечаний, которые служат как бы зародышем учения о второстепенных членах предложения» [Виноградов, 1958: 58]. Эти замечания, относящиеся ко второстепенным членам предложения, не скомпонованы автором в единое учение, а разбросаны по всему тексту «Российской грамматики».

В научном труде А.А.Барсова встречается термин **приложєніє**. Однословный термин относится к области грамматики, поскольку обозначает признак какого-нибудь предмета или явления: «но терминъ описанный составляетъ вообще чрезъ приложєніє къ простому термину какого-нибудь <другаго слова для точнѣйшаго> его означєнія, на пр. къ какому <онъ> роду вещей принадлежить»;

для объяснения, ограничения, распространения, уважения или украшения его...» [Барсов, 1981: 157]. Термин *приложение грамматическое* (apposition grammatica) встречается в «Российской грамматике» в главе первой «О сочинении изменяемых частей рѣчи» при перечислении условий возникновения согласования: «Въ существительномъ имени приложенномъ къ другому существительному, съ которымъ оно къ одному и тому жь самому лицу или вещи относится, что и называется собственно, *приложение грамматическое* (apposition grammatica)» [Барсов, 1981: 165]. Двухкомпонентный термин образован по модели прил. + сущ. и представляет собой определительное словосочетание со связью согласование.

Далее автор «Российской грамматики» конкретизирует, что могут встречаться *вторичные, третичные* и так далее *приложения*. В тексте отсутствует указание на конечное количество приложений. Двухкомпонентные термины-словосочетания *вторичные приложения, третичные приложения* представляют собой субстантивные словосочетания с регрессивным порядком слов. Уточняющий элемент, выраженный полным прилагательным, в многословных терминах *вторичные приложения, третичные приложения* выражает степень распространенности приложений. При проверке определяющих компонентов вышеперечисленных терминологических словосочетаний было выявлено, что уточняющий элемент «третичный» имеет зафиксированное в словарях значение «представляющий собой третью стадию, ступень чего-либо» с пометкой «в составе некоторых терминов» [Большой толковый словарь русского языка, 2000: 1343].

При сравнении Московского списка А и Московского списка Б «Российской грамматики» было выявлено, что в последнем списке термин *приложение* заменен словом «прибавление», не несущим в себе терминологического значения. Таким образом, с учетом употребления в контексте слова «прибавление», изменяется общий смысл пункта семь «Примечание», в котором идет речь о распространенных *описаніяхъ*, что делает стиль данного пункта менее научным из-за отсутствия термина.

Зарождение учения о другом второстепенном члене предложения — обстоятельстве — можно увидеть, по мнению

В.В.Виноградова, «в характеристике «описаний», «обстоятельств» действий, составляющих сказуемое предложения. Впрочем, «обстоятельства» действия у Барсова еще не синтаксический термин» [Виноградов, 1958: 58—59]. «Оныя обстоятельства суть, мѣсто, время, мѣра, вѣс, цѣна, <раздѣленіе> которыхъ сочиненіе различается нѣкоторымъ извѣстнымъ вопросамъ» [Барсов, 1981: 231].

В части V «О словосочинении», главе III «О сочинении частей речи, наипаче же глаголов и предлогов по некоторым особенным обстоятельствам» приводится подробное описание вопросов обстоятельств с приведением множества конкретных примеров употребления. Сочетания различных падежей существительных с предлогами в зависимости от значения существительных приводятся как способы грамматического выражения обстоятельств.

Н.С.Валгина в «Современном русском языке» указывает, «что начало логическому направлению в учении о второстепенных членах предложения положено в трудах А.Х.Востокова и Н.И.Греча. У них и появляются термины — “дополнение” и “определение”. Члены предложения, которые в современной грамматике определяются как обстоятельства, включались ими в разряд определенных» [Валгина, 2002].

Другой лингвист — А.Х.Востоков — помимо главных членов в предложении выделяет «другія слова, для опредѣленія и для дополненія обеихъ частей предложенія. Въ первомъ случаѣ при-совокупляемые слова называются опредѣлительными, во второмъ случаѣ дополнительными» [Востоков, 1874: 117].

Термины-словосочетания *слова опредѣлительные* и *слова дополнительныя* представлены субстантивными словосочетаниями с последующим порядком слов. В тексте параграфа, посвященного второстепенным членам предложения, встречаются термины *опредѣлительные слова* и *дополнительные слова* с регрессивным порядком слов. Явных критериев зависимости места расположения определяемого слова в указанных словосочетаниях не выявлено. По мнению С.В.Гринева-Гриневича, «в русской терминологии опорный элемент словосочетаний не занимает фиксированного места» [Гринева-Гриневич, 2008: 143].

Дескрипторы «опредѣленіе» и «дополненіе» находят свое отражение в самом наименовании терминов *слова опредѣлительные*

и слова *дополнительные* и выражают тем самым связь внутреннего содержания термина с его названием.

Подобная тенденция просматривается у Н.И.Греча: в «Практической русской грамматике» используются термины как с регрессивным порядком слов, так и с последующим порядком слов. Кроме того, Н.И.Греч использует для номинации понятий «посторонних качеств предмета рѣчи» и «других предметов или качеств» дублетные терминологические единицы *опредѣленія*, или *опредѣлительные слова* и *дополнѣнія*, или *дополнительные слова* соответственно.

Н.И.Греч говорит о том, что «предложенія дополняются <...> выражениемъ различныхъ обстоятельствъ» [Греч, 1834: 228]. Глагол *дополняются* автор использует в его прямом значении: «сделать более полным, прибавив что-либо сверх имеющегося; пополнить» [МАС: 430].

Термины *опредѣленія* и *дополнѣнія* являются у Н.И.Греча многозначными: 1. способ выражения различных качеств, отношений и обстоятельств частей предложения; 2. вид второстепенного члена предложения. Второе значение образовано путем переноса наименования действия с самого действия на результат. Лингвист выделяет три части предложения: подлежащее, сказуемое и связку, однако главными словами считает те, которые являются грамматическим подлежащим и сказуемым [Греч, 1834: 234]. Таким образом, речь идет о дополнении и определении двух членов предложения — грамматического подлежащего и грамматического сказуемого.

Подобная группировка второстепенных членов предложения около главных членов соответствует дефинициям составных терминов *группа подлежащего* и *группа сказуемого*. «Группа подлежащего — подлежащее плюс второстепенные члены, непосредственно от него зависящие», «Группа сказуемого — сказуемое плюс второстепенные члены, непосредственно от него зависящие» [Ахманова, словарь лингвистических терминов: 115—116].

Н.И.Греч отмечает, что слова, дополняющие различные части предложения, в свою очередь сами могут дополняться [Греч, 1834: 229].

Лингвист применяет понятия *обстоятельства качества, обстоятельства количества и числа, обстоятельства мѣста и обстоятельства времени*, однако термин *обстоятельство* как таковой еще не выделяет, разбивая все второстепенные члены только на две группы: *дополнение* и *определение*.

В понимании Ф.И.Буслаева с точки зрения логики в предложении могут быть только два члена — подлежащее и сказуемое, с точки же зрения грамматики от главных членов отличаются второстепенные члены предложения, дополняющие и поясняющие главные.

Ф.И.Буслаев использует для обозначения слов определительных, слов дополнительных и слов обстоятельственных видовой термин *второстепенные члены предложения* — сложное терминологическое словосочетание с типами связи управление и согласование. В § 104 «Учебника русской грамматики, сближенной с церковнославянской» использован эллиптический, т.е. образованный пропуском одного из элементов многокомпонентного термина без изменения его значения [Гринева, 1993: 111], вариант термина — *члены второстепенные*.

Эллиптический вариант термина, представленный словосочетанием, построенным по модели *сущ. + прил.*, при первоначальном введении в текст грамматики имеет последовательный порядок слов. Однако в следующем предложении, в котором приводится дефиниция термина, сам термин представлен в полной форме и с регрессивным порядком слов «...называются членами второстепенными. Второстепенные члены предложения...» [Буслаев, 1896: 117].

Если у Н.И.Греча наблюдается равноправное использование терминов *опредѣленіе*, или *опредѣлительные слова* и *дополнѣніе*, или *дополнительные слова*, то у Ф.И.Буслаева для сложных терминов *слова опредѣлительные*, *слова дополнительные* и *слова обстоятельственные* в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской» приоритетным становится значение «терминологического наименования конкретных слов, относящихся к группе второстепенных членов предложения». «Напр. въ выраженіяхъ: “читать книгу”, “восходить солнца”, “любовь къ ближнему”, “достоинъ награды”, “склонень

къ добру”, “быстрѣ вѣтра”, “семь мудрецовъ” — дополнительные слова суть: *книгу, солнца, къ ближнему, награды, къ добру, вѣтра и мудрецовъ*» [Буслаев, 1896: 117]. Однословные термины **опредѣленіе, дополненіе и обстоятельство** становятся доминантными в плане терминологического наименования видов второстепенных членов предложения.

Ф.И.Буслаев разграничивает второстепенные члены по способу присоединения к главным членам предложения: «Присоединяемые посредствомъ согласованія именуются словами опредѣлительными, посредствомъ управления — дополнительными» [Буслаев, 1896: 117]. Кроме двухсоставных терминов **слова опредѣлительные** и **слова дополнительные** лингвист также выделяет члены предложения, которые «не согласуются и не управляются» [Буслаев, 1896: 117], — **слова обстоятельственные** и вводит в грамматику понятие **обстоятельства**.

Исходя из классификации, представленной лингвистом, можно говорить о том, что Ф.И.Буслаев группирует второстепенные члены предложения с точки зрения двух позиций: по типу подчинения и по значению. По типу подчинения второстепенные члены предложения делятся на: 1. присоединяемые посредством согласования; 2. присоединяемые посредством управления; 3. слова, не состоящие в видимой грамматической связи со словом, к которому присоединяются [Буслаев, 1896: 117].

По значению второстепенные члены предложения делятся на: 1. определяющие главные члены предложения; 2. дополняющие главные члены предложения; 3. обозначающие *обстоятельства места, времени, образа действия или качества, меры и счета, причины* [Буслаев, 1896: 117—118].

В современной лингвистике ко второстепенным членам относятся все члены предложения, кроме подлежащего и сказуемого, а «также все те компоненты нераспространенного предложения, которые характеризуются грамматически независимой позицией» [Русская грамматика, 1982: 90].

Таким образом, в рассматриваемых грамматиках в терминах, называющих второстепенные члены предложения, произошли следующие изменения:

1) в «Российской грамматике» А.А.Барсов зафиксировал некоторые теоретические замечания, ставшие впоследствии основой теории о второстепенных членах предложения;

2) термин *приложение* первоначально не относился к области синтаксиса;

3) термины *слова определятельные* и *слова дополнительные* впервые появляются в научных трудах А.Х.Востокова и Н.И.Греча;

4) термин *обстоятельство* появляется в научных трудах Ф.И.Буслаева;

5) в «Практической русской грамматике» зафиксированы дублетные терминологические единицы: *опредѣленія*, или *опредѣлительные слова* и *дополнѣнія*, или *дополнительные слова* соответственно;

6) в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с образцами грамматического разбора» Ф.И.Буслаева зафиксирован видовой термин *второстепенные члены предложения*;

7) в современной лингвистике закрепились термины *второстепенные члены предложения*, *дополнение*, *определение* и *обстоятельство*.

2.4. Термины подчинительной связи

Уже в «Российской грамматике» М.В.Ломоносова одно из наставлений посвящено синтаксической сочетаемости частей речи. Термины «согласование», «управление» и «примыкание» как таковые в тексте грамматики не встречаются, однако справедливо мнение В.Б.Евтюхина, указавшего, что «техника и особенности синтаксических связей продемонстрированы отчетливо» [Евтюхин; электрон. ресурс].

Продолжатель ломоносовских традиций А.А.Барсов в V части «Российской грамматики» — «О словосочинении» — говорит о «согласовании или согласии частей речи между собой и об управлении ихь одной другой». Для обозначения видов связи в словосочетании А.А.Барсов использует термины *согласование* или *согласіе* и *управленіе*. Наименование вида связи, при котором «одно реченіе, непосредственно относящееся къ другому

и отъ него зависящее, полагается в равномъ съ нимъ измѣненіи, а именно въ одномъ родѣ <или> числѣ, или падежѣ <и> лицѣ» [Барсов, 1981: 161], представлено в «Российской грамматике» рядом терминов *согласованіе* или *согласіе*, выраженным однокоренными именами существительными. Наличие разделительного предлога «или» в указанном ряду терминов дает основание полагать, что А.А.Барсов определяет термины *согласованіе* и *согласіе* как взаимозаменяемые. Термин *согласованіе* употреблен автором «Российской грамматике» только два раза: при перечислении видов связи слов в словосочетании [Барсов, 1981: 161] и формулировке дефиниции термина. В остальных случаях в тексте встречается термин *согласіе*.

Слова «согласование» и «согласие» являются однокоренными и связанными между собой по смыслу. В XIX в. они были близки по значению. В.И.Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» объединяет их в одной словарной статье и приводит в одном из лексических значений слова «соглашать»: «соглашать что с чем, и *согласовать*, приводить в порядок, в *согласіе* <...> Имя прилагательное надо *согласовать* (соглашать) с существительным, ставя их в одном роде, числе и падеже» [Даль, 1955: 258].

В XX в. «Словарь русского языка» объясняет лексическое значение слова «согласие» как «утвердительный ответ на что-либо, позволение, разрешение» [Словарь русского языка, 1988: 178], а слово «согласование» в своем втором значении обозначает «вид синтаксической связи слов» [Словарь русского языка, 1988: 178]. В тексте грамматики встречается термин *несогласіе*, употребление которого в названии пункта второго параграфа «О согласіи и несогласіи числительныхъ именъ съ существительными...» [Барсов, 1981: 170] носит единичный характер. А.А.Барсов использует термин *несогласіе* без указания его дефиниции.

В случае с термином *управленіе* А.А.Барсов предлагает только один вариант наименования термина. «*Управленіе* состоитъ въ томъ, когда одно реченіе, зависящее отъ другаго, точно для него полагается въ нѣкоторомъ извѣстномъ и съ нимъ не сходственномъ измѣненіи» [Барсов, 1981: 161].

В тексте грамматики А.А.Барсова встречается многозначный термин *управленіе*, представленный двумя лексическими

значениями: 1. вид связи; 2. название зависящего слова в словосочетаниях со связью управление. Второе значение образовано путем переноса названия единичного объекта на другой единичный объект, ассоциируемый с ним по принадлежности: вид связи и название элемента словосочетания данного вида связи. В случае со словом *управление* употребление метонимического значения остается ограниченным, поскольку оно носит терминологический характер. В области согласования наличие многозначных терминов не отмечается.

А.Х.Востоков в «Русской грамматике» рассматривает согласование и управление с точки зрения сочетания слов. Он говорит о согласовании слов в разных синтаксических условиях — в простом, сложном и придаточном предложениях, и об управлении словами, связанном с употреблением определенных падежей. У А.Х.Востокова дескриптором термина *согласование слов* является «слово», а дескриптором термина *управление слов* — «падеж», тогда как у А.А.Барсова дескрипторы терминов *согласование* и *управление* — «часть речи» — совпадают.

В первой главе второй части «Русской грамматики» возникает несоответствие между двумя терминологическими наименованиями понятия о сочетаемости слов со связью согласование. А.Х.Востоков приводит в тексте лексическое значение термина-слова *согласование*: «Согласованіемъ называется употребленіе приличныхъ окончаній въ словахъ, составляющихъ предложеніе» [Востоков, 1874: 121]. Однако в названии главы фигурирует терминологическое сочетание *согласование словъ*. В тексте самой главы и в примечаниях к абзацам можно встретить как употребление однословного термина *согласование*, так и двухсловного термина *согласование словъ*. Просматривается закономерность в употреблении указанных терминов: термин *согласование* используется в тех случаях, когда речь идет об общих правилах сочинения слов, термин *согласование словъ* применяется лингвистом при описании конкретных ситуаций: «Согласованіе словъ имеетъ особыя правила», «...согласованіе количественныхъ мѣстоименій съ глаголами...» [Востоков, 1974: 121, 123].

Дефиниция термина *согласование*, встречающаяся в «Русской грамматике», отличается краткостью и обобщенностью. Н.Н.Прокопович в книге «Словосочетание в современном русском

литературном языке» говорит о том, что согласование слов А.Х.Востоков понимает очень широко, «включая в него виды синтаксической связи, не относящиеся к управлению (т.е. и собственно согласование, и то, что позднее было выделено в грамматике в особый вид связи — примыкание)» [Прокопович, 1966: 9].

Термин *управление словъ* А.Х.Востоков связывает с понятием *употребление падежей*. Подтверждение этому можно найти в § 113, где перечисляются правила, содержащиеся в словосочинении: «II. Употребления падежей, или управления словъ» [Востоков, 1974: 121]. В самой дефиниции термина *управление словъ* лингвист также делает акцент на употребление определенного падежа. «Управлениемъ словъ называется требуемое каким-нибудь словомъ употребленіе извѣстнаго падежа въ другомъ словѣ, отъ него зависящемъ» [Востоков, 1874: 129]. В соответствии с формулировкой термина А.Х.Востоков делит все падежи на *прямые* и *косвенные*. Термины *прямой падежъ* и *косвенный падежъ* образуют антонимическую пару, выражающую значение «противоположной направленности признака» [Львов, 2006: 17].

Н.И.Греч в «Практической русской грамматике» в третьей части «Синтаксисъ» рассматривает сочетание слов. Главу, посвященную сочетанию слов, автор подразделяет на два разряда: 1. *о согласованіи*, и 2. *об управленіи слов*. К ним примыкают еще две статьи, посвященные правилам сочетания слов, не входящим в первые два разряда, и правилам составления простого предложения. Н.И.Греч использует терминологические сочетания *согласованіе словъ* и *управленіе словъ*, однако уже без указания их дефиниций.

Ф.И.Буслаев в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянскою» использует термины-слова *согласованіе* и *управленіе* и терминологические словосочетания *согласованіе словъ* и *управленіе словъ*. Примечательно, что автор употребляет термины *согласованіе словъ* и *управленіе словъ* только в названиях первой и второй частей третьей главы соответственно — «Словосочиненіе въ предложеніи простомъ»; в самом же тексте главы используется термины-слова *согласованіе* и *управленіе*. Дефиниции данных терминов автор приводит в первой главе раздела «Синтаксисъ»: «Согласованіемъ называется такое сочетаніе словъ, въ которомъ одно слово уподобляетъ свое окончаніе

окончанію другаго»; «Управленіемъ называется такое сочетание словъ, въ которомъ одно слово зависитъ отъ другаго, и означаетъ свою зависимость или окончаніемъ, или же предлогомъ съ падежомъ» [Буслаев, 1896: 114]. Дескрипторомъ терминовъ *согласованіе* и *управленіе* у Ф.И.Буслаева является «сочетаніе словъ».

Ф.И.Буслаевъ выделяетъ три вида согласования: имя прилагательное согласуется с именемъ существительнымъ в родѣ, числѣ и падежѣ; имя существительное согласуется с именемъ существительнымъ в падежѣ, но можетъ не совпадать в родѣ и числѣ; глаголъ согласуется с подлежащимъ в числѣ и лицѣ.

У перечисленныхъ видовъ согласования отсутствуютъ термины-названія. Лингвистъ представляетъ только ихъ развернутую характеристику с указаніемъ основныхъ особенностей — согласованиемъ по конкретнымъ грамматическимъ признакамъ (род, число, падеж). *Согласованіе* можетъ быть *полнымъ*, какъ в первомъ видѣ, либо *частичнымъ* (т.е. совпаденіе можетъ быть по одному или двумъ признакамъ вмѣсто трехъ).

Н.И.Гречъ в «Практической русской грамматикѣ» приводитъ классификацію отношеній между предметами со связью управленіе: *спокойныя отношенія, действующія отношенія* и *отношеніе средства, или орудія*. *Спокойныя отношенія* представляютъ собой совокупность, совместное пребываніе предметовъ безъ движенія и безъ дѣйствія. *Действующія отношенія* показываютъ отношенія одного предмета къ другому, выраженныя в силѣ, дѣйстви и движеніи. *Отношеніе средства, или орудія* указываетъ на совместное пребываніе двухъ предметовъ и одновременно обозначаетъ орудіе, посредствомъ котораго производится дѣйствіе [Греч, 1834: 247]. Двухкомпонентныя терминологическія сочетанія *спокойныя отношенія* и *действующія отношенія* представляютъ собой субстантивныя словосочетанія со связью согласованія, построенныя по модели прил./прич. + сущ.

В наименованіи термина нашло свое выраженіе лексическое значеніе термина. *Спокойныя отношенія* — это отношенія безъ движенія, безъ дѣйствія, т.е. находящіяся в состояніи покоя. Аналогичнымъ образомъ просматривается отраженіе лексическаго значенія в терминѣ *действующія отношенія*, т.е. такія, при которыхъ отношеніе одного предмета къ другому выражено в дѣйстви. Дескрипторы «отношенія в состояніи покоя» и «отношенія

в действии» находят свое отражение в самом наименовании терминов *спокойныя отношенія* и *действующія отношенія* и выражают тем самым связь внутреннего содержания термина с его названием.

Сложное терминологическое сочетание *отношеніе средства, или орудія* состоит из двух простых терминологических сочетаний с общим определяемым словом «отношеніе». В термине употреблен разделительный союз «или», однако антонимия нивелируется постановкой запятой перед второй частью термина и возникает синонимия между двумя определяющими словами «средства» и «орудія». Термины *спокойныя отношенія* и *действующія отношенія* употреблены во множественном числе, поскольку имеют в своем составе два подвида. Термин *отношеніе средства, или орудія* не имеет подвидов и употребляется Н.И.Гречем в единственном числе.

Н.И.Греч выделяет два вида *спокойных отношеній*: 1. один предмет в непосредственной зависимости от другого, и 2. случайная зависимость одного предмета от другого, совместное пребывание. Автор приводит в тексте грамматики дефиниции двух видов *спокойных отношеній*, но не называет их терминологические наименования.

Действующія отношенія Н.И.Греч определяет по такому же принципу — в тексте даны дефиниции видов действующих отношеній (1. действие предмета прямо обращено на другой и 2. действие предмета на другой предмет происходит косвенным образом), однако их терминологические наименования отсутствуют.

Другую классификацию отношеній между предметами со связью управления Н.И.Греч основывает на принципе «*зависимости—независимости*». «Независимымъ отношеніемъ выражается преимущественно подлежащее в предложеніи» [Греч, 1834: 250]. Из зависимых отношеній первые два, по мысли Н.И.Греча, могут являться дополнением как подлежащему, так и сказуемому, а последние пять — только сказуемому. Термины *независимое отношеніе, зависимые отношенія* представляют собой двухкомпонентные субстантивные словосочетания со связью согласование, построенные по модели прич. + сущ. Выбор числа — единственного или множественного, в котором употребляется

наименование терминов *независимое отноше́ние*, *зависимые отноше́ния*, как и в случае с терминами *спокойныя отноше́ния* и *действующія отноше́ния*, — ставится в зависимость от наличия или отсутствия подвидов в отношениях, которые называют перечисленные термины. Так, при наименовании *зависимых отношений*, имеющих три подвида — *спокойныя, действующія и составляющее переходъ отъ спокойныхъ къ действующимъ*, — Н.И.Гречем использовано множественное число. Название *независимого отноше́ния*, не имеющего подвидов, приводится в тексте грамматики в единственном числе.

С семантическими особенностями терминов-слов *согласование* и *управление* связаны термины-словосочетания *главное слово* и *подчиненное* или *зависимое слово*. Перечисленные термины относятся к обоим видам связи. Термин *главное слово* представляет собой сочетание слов, связанных по способу согласования. В семантику термина *подчиненное* или *зависимое слово* положен принцип антонимии, подчеркнутый употреблением разделительного союза «или».

Уже в «Российской грамматике» А.А.Барсов использует в одном предложении термины *главное слово* — *подчиненное слово* и таким образом формирует пару связанных между собой структурных элементов словосочетания. «При чемъ общее и неопределенное знаменованіе главнаго слова подчиненнымъ ему словомъ ограничивается...» [Барсов, 1981: 162]. Термины *главное слово* — *подчиненное слово* являются разнокоренными контекстуальными антонимами. В другом случае лингвист использует пару терминов *главное слово* — *зависящее слово*: «...въ управленіи главное слово и зависящее...» [Барсов, 1981: 162]. В тексте грамматики образуются синонимичные пары терминов-антонимов: *главное слово* — *подчиненное слово*, *главное слово* — *зависящее слово*.

В своем научном труде А.А.Барсов приводит и другие конструкции, служащие наименованием элементов словосочетания. Особенность подобных конструкций заключается в том, что они называют структурные части словосочетаний определенного вида связи — управления или согласования. Сравните: «...подчиненное слово въ согласіи называется соглашаемымъ., а въ управленіи главное называется управляющимъ; зависящее же

управляемымъ или управленіемъ» [Барсов, 1981: 162]. Термины *соглашаемое слово, управляемое слово, управляющее слово* по своей дефиниции представляют конкретное наименование структурных элементов словосочетания одного вида связи.

Двухкомпонентные термины в «Российской грамматике» А.А.Барсова, называющие структурные части словосочетания (*главное слово, зависящее слово* и т.п.), представляют собой именные простые словосочетания с определительным значением. Исключение составляет термин *управление* в значении «название зависящего слова», выраженный именем существительным. Однокомпонентные термины (*управление, согласование*), называющие виды связи слов в предложении, выражены производными именами существительными.

Н.И.Греч также использует для наименования структурных частей словосочетания понятия «*управляющие*» и «*управляемые*». Эти понятия связаны с понятием «части речи»: *управляющія части рѣчи, управляемая части рѣчи* — Н.И.Греч; *управляемое слово, управляющее слово* — А.А.Барсов.

Терминологические словосочетания *управляющія части рѣчи, управляемая части рѣчи* образованы на базе словосочетания *части рѣчи* путем наращивания уточняющих компонентов «управляющія» и «управляемая». Термины-словосочетания со словами уточнителями *управляющія части рѣчи, управляемая части рѣчи* представляют собой сложные словосочетания, образованные на основе совместности сильной и слабой присубстантивной связи.

Н.И.Греч в «Практической русской грамматике» для наименования членов отношений (двух предметов, участвующих в отношениях) вводит термины *предъидущій членъ* и *послѣдующій членъ*. Далее в тексте следует пояснение, каким образом взаимодействуют *предъидущій членъ* и *послѣдующій членъ* — «первый управлять послѣднимъ» [Греч, 1834: 248]. Двухкомпонентные термины *предъидущій членъ* и *послѣдующій членъ* выражены субстантивными словосочетания, построенными по модели прич. + сущ. Термины *предъидущій членъ* и *послѣдующій членъ* представляют собой доминантную антонимическую пару, образованную по

принципу антонимии определяющих слов в паре терминологических сочетаний.

В «Практической русской грамматике» встречается как терминологическое сочетание с регрессивным порядком слов — *предыдущий член*, так и терминологическое сочетание с прогрессивным, или последовательным порядком слов — *член предыдущий* [Гак, 1998: 388]. К термину *член предыдущий* примыкает слово-уточнитель «независимый», и тем самым образуется производный термин *член предыдущий независимый*. Он является трехкомпонентным термином, выраженным субстантивным словосочетанием со связью согласование, располагается в самом начале отношений и является первым из предыдущих членов предложения.

Подобно тому, как А.Х.Востоков связывает термин *управление словъ* с понятием *употребление надежей*, Н.И.Греч соотносит понятие *отношение предметовъ* с термином *указатели отношений*. Указателями отношений выступают падежи и предлоги, выражающие отношение одного предмета к другому [Греч, 1834: 248].

Словосочинение изменяемых частей речи со связью согласование А.А.Барсов называет *словосочинением согласия или сходства или непреходным*. Данное сложное терминологическое словосочетание образовано путем сложения трех простых терминологических словосочетаний — словосочинение согласия, словосочинение сходства и словосочинение непреходное — с использованием общего структурного компонента «словосочинение» в начале конструкции. Сложное терминологическое словосочетание образовано по модели: общее сущ. + сущ. или (общее сущ.) + сущ. или (общее сущ.) + прил. Первые две структурных части выражены простыми словосочетаниями со связью управление. Третья часть выражена словосочетанием со связью согласование с последовательным порядком слов.

Наряду с русским вариантом термина лингвист приводит его иноязычный вариант — *Syntaxis concordantiae, seu convenientiae seu intransitive*. Возникает синонимичный ряд терминов по модели «русский термин — иноязычный термин».

Словосочинение всех частей речи, как изменяемых, так и неизменяемых, со связью управление А.А.Барсов называет *словосочинение управления или преходное*. Указанное сложное

терминологическое словосочетание по сравнению с термином **словосочинение согласия или сходства или непреходное** обладает более простой структурной схемой и состоит из двух простых терминологических словосочетаний. Термин по своему принципу построения совпадает со второй и третьей структурными частями термина *словосочинением согласия или сходства или непреходным*: общее сущ. + сущ. или (общее сущ.) + прил. У термина **словосочинение управления или преходное** в тексте грамматики используется иноязычный вариант — *Syntaxis rectionis, seu transitive* и синонимичный ряд терминов по модели «русский термин — иноязычный термин». Между русским и иноязычными вариантами терминов **словосочинение согласия или сходства или непреходное** и **словосочинение управления или преходное** имеется точное соответствие в структуре и семантике конструкции, что дает основание предполагать, что данные термины являются семантическими кальками.

Различие просматривается между качественным составом частей речи, входящих в рамки действия правил **словосочинения согласия** и **словосочинения управления**. Сравните: «..словосочинение въ разсужденіи согласованія касается вообще только до измѣняемыхъ частей рѣчи, и называется Словосочинение согласія или сходства или непреходное...»; «Но въ разсужденіи управленія касается оное до всѣхъ частей рѣчи, какъ измѣняемыхъ такъ и прочихъ, и называется Словосочинение управленія или преходное...» [Барсов, 1981: 162].

В настоящее время в теории лингвистики «вид синтаксической связи, выражающейся в формальном подчинении прилагательного или спрягаемого глагола тому существительному, к которому они относятся» [Ахманова, 2010: 437] также обозначается термином **согласование**. Термин **управление**, по сравнению с термином **управление**, зафиксированным в «Российской грамматике» А.А.Барсова, стал однозначным — «вид подчинительной связи, при котором зависимое слово (имя существительное, местоимение или субстантивированное слово) становится в определенной падежной форме (без предлога или с предлогом), обусловленной лексико-грамматическим значением господствующего слова или смыслом высказывания» [Розенталь, 1972: 454].

Таким образом, теоретические вопросы синтаксической сочетаемости частей речи без наименования самих терминов рассматривались еще М.В.Ломоносовым в «Российской грамматике». Его последователь А.А.Барсов в своей «Российской грамматике» использует термины *согласование (согласіе)* и *управление* с указанием их дефиниций.

«Русской грамматике» А.Х.Востокова наряду с терминами *согласование* и *управление* встречаются терминологические сочетания *согласование словъ* и *управление словъ*, что связано с позицией автора на рассматриваемые виды подчинительной связи. Н.И.Греч в своем научном труде использует термины *согласование словъ* и *управление словъ* уже без их дефиниций, что указывает на определенную научную разработанность терминов. Кроме того, автор «Практической русской грамматики» приводит две различные по своим основаниям классификации отношений между предметами со связью управление.

Автор «Учебника русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с образцами грамматического разбора» Ф.И.Буслаев отмечает дублетные терминологические единицы: *согласование* и *управление* — *согласование словъ* и *управление словъ* и расширяет терминологический аппарат посредством выделения и детального анализа трех видов согласования.

В целом, на протяжении конца XVIII — первой половины XIX вв. в российских грамматиках происходит формирование, развитие, расширение и последующая конкретизация терминологического аппарата подчинительной связи.

«В современном русском языке традиционно выделяется три вида подчинительной связи: согласование, управление и примыкание» [Русская грамматика, 1982: 20].

Таким образом, начиная с «Русской грамматики» А.Х.Востокова термины *подлежащее (Subjectum)* и *сказуемое (praedicatum)* употребляются авторами только в русском варианте — *подлежащее* и *сказуемое*; структурное и семантическое соответствие латинским терминам *Subjectum* и *praedicatum* в рассматриваемых грамматиках не используется, поскольку российские лингвисты стремятся выработать собственную синтаксическую терминологию и систематизировать ее.

При сравнительном анализе грамматик можно выделить два вида терминов: абсолютно совпадающие по наименованию и/или дефиниции и схожие по наименованию. Например: *логическое подлежащее* и *грамматическое подлежащее, простое подлежащее* и *сложное подлежащее, логическое сказуемое* и *грамматическое сказуемое* являются терминами первого вида; *несоставное подлежащее* и *составное подлежащее, терминъ простой, или неописанной (incomplexus)* и *термин описанной (complexus)* — терминами второго вида.

Термин *связка* изменяет степень своей зависимости от сказуемого, проходя путь от составной части сказуемого в грамматике А.А.Барсова до самостоятельной структурной единицы в грамматике Н.И.Греча, однако в грамматике Ф.И.Буслаева *связка* снова становится частью составного сказуемого.

А.А.Барсов вводит в употребление термины *грамматическое подлежащее, логическое подлежащее, грамматическое сказуемое* и *логическое сказуемое*. В научных трудах А.Х.Востокова и Н.И.Греча впервые появляются термины *слова определятельные* и *слова дополнительные*. Термин *обстоятельство* впервые появляется в грамматических трудах Ф.И.Буслаева.

В конце XVIII — первой половине XIX вв. в российских грамматиках происходит формирование терминологического аппарата подчинительной связи. Начиная с «Российской грамматики» А.А.Барсова, в рассматриваемых научных трудах зафиксированы термины *согласование* и *управление*. Наряду с данными терминами существуют термины-дублиеты *согласование словъ* и *управление словъ*. В современной лингвистике закрепились однословные варианты терминов — *согласование* и *управление*, также в настоящее время выделяется тип связи *примыкание*.

Глава 3

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ВИДЫ И СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

3.1. Термин «простое предложение»

Термин *простое предложение* встречается в «Российской грамматике» А.А.Барсова в части V «О словосочинении», однако данный факт отнюдь не означает, что автор не рассматривал простые предложения как таковые в предыдущих частях своей грамматики. В части I «О правоизглашении» «В. Таблица о чтении» он говорит о том, что же представляет собой в целом *предложение* и детально рассматривает две его части: подлежащее и сказуемое. Поскольку речь идет только об одном подлежащем и об одном сказуемом в предложении, то можно заключить, что рассматривается структура простого предложения.

Подобное рассуждение о частях предложения встречается и в «Русской грамматике» А.Х.Востокова, и в «Практической русской грамматике» Н.И.Греча, и в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянскою» Ф.И.Буслаева.

Само же *простое предложение* А.А.Барсов определяет как состоящее из двух простых распространенных или нераспространенных терминов [Барсов, 1981: 158].

При сравнении было выявлено, что дефиниции термина *простое предложение*, представленные в грамматике А.Х.Востокова и Н.И.Греча, совпадают: «простое, когда въ ономъ заключается одно подлежащее и одно сказуемое» [Востоков, 1868: 42]; «простое предложение состоитъ изъ одного совокупленія сказуемаго съ подлежащимъ» [Греч, 1834: 230]. Однако сам термин различается своей формальной структурой, а именно: порядком слов в словосочетании. У А.Х.Востокова термин-словосочетание *предложение простое* представлен с последовательным порядком слов, а у Н.И.Греча термин-словосочетание *простое предложение* представлен с регрессивным порядком слов.

В российских грамматиках конца XVIII — первой половины XIX вв., авторами которых являются А.А.Барсов, А.Х.Востоков, Н.И.Греч и Ф.И.Буслаев, среди терминов, обозначающих виды простого предложения, встречаются следующие: *отрицательное предложение, предложения пополнительныя (или вносныя) (propositiones incidentes), предложение безличное, предложение личное, полныя предложения, неполныя предложения, замѣнительныя предложения* и др.

При рассмотрении вышеперечисленных научных текстов была выявлена зависимость соотношения фиксации и использования в грамматике терминов и понятий, называющих виды простого предложения, от времени написания лингвистического труда.

В «Российской грамматике» А.А.Барсова была положена основа учения о типах простого предложения. В научном труде А.А.Барсова без учета самого термина *простое предложение* приводится три термина и два понятия, обозначающих виды простого предложения, еще не получивших терминологический статус. Терминами являются *предложения пополнительныя (или вносныя) (propositiones incidentes), отрицательное предложение* и *утвердительное предложение*, а к понятиям относятся *предложение, состоящее из двух слов*, и *предложение, состоящее из одного слова*.

В «Русской грамматике» А.Х.Востокова встречаются следующие термины, называющие виды простого предложения: *предложение личное, предложение безличное, предложение вопросительное, предложение ответное, предложение отрицательное, предложение утвердительное, предложение повествовательное, предложение повелительное*. Следует также отметить, что наряду с перечисленными терминами в тексте грамматики присутствуют понятия, представляющие собой дефиницию терминов *предложение вопросительное* и *предложение повествовательное: предложение, заключающее въ себѣ вопросъ* и *предложение, заключающее въ себѣ повелѣніе или воззваніе*, а также понятия-определения *предложения съ глаголомъ безличнымъ* и *предложения съ глаголомъ личнымъ*, являющиеся синонимическими терминологическими конструкциями к терминам-словосочетаниям *предложение личное* и *предложение безличное*.

В грамматических трудах Н.И.Греча — «Практической русской грамматике» и «Начальной русской грамматике» — зафиксировано девять терминов, обозначающих виды простого предложения. Наконец, в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской» Ф.И.Буслаева — четыре термина и три понятия, связанные с термином *предложеніе отрицательное*. Можно предположить, что снижение количества терминов в грамматическом труде Ф.И.Буслаева связано с двумя причинами: во-первых, с делением самих предложений только на две обширные группы — вопросительные и повествовательные; во-вторых, вероятно, с тем, что автор больше внимания уделяет рассмотрению сложных предложений. По мнению Р.А.Арчакова, когнитивный процесс моделирования процессов категоризации не является хорошо изученным при всей «кажущейся максимально изученной представителями всех известных направлений в лингвистике (ср. труды М.В.Ломоносова, А.Х.Востокова, Ф.И.Буслаева)» этой темы [Арчаков, 2010: 9].

Термин *предложенія пополнительныя (или вносныя) (propositiones incidentes)*, зафиксированный в «Российской грамматике» А.А.Барсова, называет целое предложение, присоединяемое к *термину* и представляющее его *описание* [Барсов, 1981: 158]. Многокомпонентный термин *предложенія пополнительныя (или вносныя) (propositiones incidentes)* состоит из трех простых терминологических словосочетаний, последнее из которых представляет собой иноязычный вариант термина. Данный термин условно можно разделить на две структурные части: 1. *предложенія пополнительныя (или вносныя)*; 2. *(propositiones incidents)*. Эти части различаются по своему компонентному составу и по принадлежности к конкретному языку. Структура многословного термина *предложенія пополнительныя (или вносныя)* представлена сложным словосочетанием со связью согласование и построена по модели: общее сущ. + прилаг. + (или прилаг.). Наличие в многокомпонентном термине графического обозначения вариативности употребления компонента выражена скобками. При сравнении Московского списка А «Российской грамматики» и Московского списка Б было обнаружено, что вариативный компонент в Московском списке Б отсутствует, из чего следует, что в Московском списке Б

представлен эллиптический вариант сложного термина *предложения пополнительныя (или вносныя) (propositiones incidentes)*. В отличие от А.А.Барсова, А.Х.Востоков, Н.И.Греч и Ф.И.Буслаев рассматриваемый термин относят к виду сложного предложения. В «Русской грамматике-80» вводные предложения по структуре отнесены к простым предложениям, однако объединены в особую лексико-синтаксическую группировку, куда входят, наряду с ними, также вводные слова и вводные сочетания слов [Русская грамматика, 1982: 229].

В отличие от термина *предложения пополнительныя (или вносныя) (propositiones incidentes)* А.А.Барсов не дает дефиниции термина *отрицательное предложение*, однако отмечает условие, при котором предложение будет считаться отрицательным: частица должна относиться конкретно к связке, «явной или сокрытой и пропущенной, а не къ подлежащему или собственному сказуемому» [Барсов, 1981: 155]. Таким образом, лингвист определяет грамматические критерии для разграничения типов или видов простого предложения. Термин *отрицательное предложение* кроме «Российской грамматики» зафиксирован и используется в грамматическом труде Ф.И.Буслаева.

Двухкомпонентный термин *утвердительное предложение* представляет собой субстантивное словосочетание со связью согласование и регрессивным порядком слов, построенное по модели: прил. + сущ. Термин-словосочетание *утвердительное предложение* также приводится в тексте грамматики без дефиниции, однако в примечаниях к предыдущему пункту Введения части V «О Словосочинении» А.А.Барсов дает определение однословного термина *рѣчь*: «рѣчь же полный смыслъ имѣющая состоятъ въ ясномъ и вразумительномъ утвержденіи или отрицаніи сказуемаго о подлежащемъ» [Барсов, 1981: 153]. По нашему мнению, дефиниция термина *рѣчь* может служить косвенным указанием на дефиницию терминов *утвердительное предложение* и *отрицательное предложение*.

Понятие *предложение, состоящее из двух слов*, используется лингвистом в случае «опущения связи, или включенія оной въ глаголь» [Буслаев, 1896: 155]. Автор «Российской грамматики» выделяет также *предложение, состоящее из одного слова*,

употребляющееся при условии, когда подлежащее или сказуемое не указывается, а подразумевается [Барсов, 1981: 155].

Понятия *предложение, состоящее из двух слов*, и *предложение, состоящее из одного слова*, представляют собой понятия-определения. В.П.Даниленко считает, что все термины-словосочетания можно считать мотивированными [Даниленко, 1977: 63]. В соответствии с данным положением вышеперечисленные два понятия можно также отнести к мотивированным, поскольку наименования понятий описательно раскрывают их дефиниции.

При анализе термина *предложение безличное* в лингвистических трудах А.Х.Востокова было выявлено, что понятие *предложение, состоящее из одного слова*, входит в состав дефиниции термина: «*Разсвѣтаетъ. Пора вставать. Надобно работать.* Здѣсь три предложенія безличныя, изъ коихъ первое заключается въ одномъ словѣ (въ глаголѣ *разсвѣтаетъ*)» [Востоков, 1868: 41]. Соответственно *предложение, состоящее из двух слов*, входит в состав дефиниции термина *предложение личное*, о чем можно сделать вывод, проанализировав приводимые автором примеры личных предложений: «Солнце сияеть. Науки полезны» [Востоков, 1868: 41].

А.Х.Востоков характеризует *предложение безличное* как состоящее из одного сказуемого, таким образом, безличное предложение является одночленным [Востоков, 1868: 41]. Такая формулировка отражает качественную характеристику термина. *Предложение личное* представляет собой двухчленную структуру, поскольку «состоитъ изъ двухъ частей, называемыхъ подлежащимъ и сказуемымъ» [Востоков, 1874: 116]. Лингвист не приводит в тексте грамматики дефиниции указанного термина. Дефиницию составного термина *предложение личное* можно вычлени из положения: «Во всякомъ предложеніи должень быть глаголъ личный или безличный» [Востоков, 1868: 41], т.е. в личном предложении обязательно должен присутствовать личный глагол. Термины-словосочетания *предложение безличное* и *предложение личное* образуют антонимическую пару, в которой значение противопоставления выражено атрибутивными, определяющими элементами *безличное* и *личное*. З.У.Хакиева указывает, что «обычно словосочетание образуется путем добавления

видового определения к родовому термину-понятию» [Хакиева, 2010: 90].

Подобные пары образуют термины-словосочетания *предложение вопросительное* — *предложение ответное* и *предложение отрицательное* — *предложение утвердительное*. В первом случае можно выделить многокомпонентные термины *предложение вопросительное* — *предложение ответное* в смысловую пару терминов, объединенных значением определяющих компонентов словосочетаний *вопросительное* и *ответное*. Термины *предложение отрицательное* — *предложение утвердительное* образуют антонимическую пару, в которой значение противопоставления выражено определяющими элементами: именами прилагательными *отрицательное* и *утвердительное*.

Неотъемлемым признаком предложения А.Х.Востоков полагал наличие глагола: «Во всяком предложении долженъ быть глаголь: личный или безличный» [Востоков, 1874: 116]. Исходя из данного положения, можно сделать вывод, что все предложения русского языка лингвист считает глагольными.

Это положение находит свое подтверждение при проведенном сравнении дефиниций терминов, представленных в двух научных трудах: «Русской грамматике» А.Х.Востокова и «Синтаксисе русского языка, примѣнительно къ правописанію» А.Кирпичникова. Во втором названном научном труде можно найти следующую дефиницию термина *безличное предложение*: «Безличнымъ предложениемъ называется такое предложіе, въ которомъ не только подлежащаго нѣтъ на лицѣ, но и нельзя подразумѣвать его» [Кирпичников, 1886: 16]. А.Кирпичников основным признаком безличного предложения считает не наличие глагола, а отсутствие подлежащего.

Термины *предложение личное* и *предложение безличное* трансформируются в научных трудах Н.И.Греча соответственно в термины *полныя предложения* и *неполныя предложения*, выделяемые лингвистом по основанию «отношение к составляющим их частям» [Греч, 1834: 229].

Двухкомпонентные термины *полныя предложения* и *неполныя предложения* представляют собой антонимическую пару. На противоположность, однако не самих терминов, а понятий,

ими выраженных, имеется указание даже в самом тексте грамматики: «...въ противоположность полнымъ» [Греч, 1834: 227]. Определяющие элементы терминологической пары *полныя предложенія* и *неполныя предложенія* выражены, по определению М.Р.Львова, «квазиантонимами», которые «основаны не на первичных, а на вторичных значениях слова» [Львов, 2006: 37]. Структурные элементы словосочетаний выражены качественными именами прилагательными «полный» и «неполный», которые являются однокоренными антонимами.

В соответствии с основанием «по составляющим частям» простые предложения разделены Н.И.Гречем на *полныя предложенія*, *неполныя предложенія* и *замѣнительныя предложенія*. Явная операциональная дефиниция термина *неполныя предложенія* дается автором в развернутом, описательном виде: «Нредко случается, что которая либо изъ главныхъ частей предложенія опускается или подразумѣвается <...>. Такія предложенія именуются неполными» [Греч, 1834: 227]. *Замѣнительныя предложенія* представляют собой выражение целого предложения «какимъ либо особеннымъ словомъ, которое не заимствовано ни отъ одной изъ главныхъ частей онаго» [Греч, 1834: 228]. В качестве примера таких «особенных слов» Н.И.Греч указывает слова «да» и «нѣтъ». В «Русской грамматике-80» рассматривается как «эквивалент предложения или его главного члена <...> в диалоге или в составе противительной конструкции» [Русская грамматика, 1982: 405]. Однако в той же «Русской грамматике-80» в § 2677 указывается, что словоформы «да» и «нет» являются словами-предложениями.

Полилексемные термины, по классификации С.В.Гринева-Гриневиича, *полныя предложенія*, *неполныя предложенія*, *замѣнительныя предложенія* выражены адъективными словосочетаниями, построенными по схеме прил. + сущ., с регрессивным порядком слов.

В «Русской грамматике-80» зафиксированы термины *неоднoкомпонентные предложенія* и *однoкомпонентные предложенія*, которые соответствуют терминам *полныя предложенія* и *неполныя предложенія*, встречающимся в научных трудах Н.И.Греча [Русская грамматика, 1982: 85]. Таким образом, можно

сделать вывод, что термины, зафиксированные в грамматических трудах А.Х.Востокова, Н.И.Греча и в «Русской грамматике-80», имеют похожие дефиниции: предложение, в котором наличествует один или два главных члена. Следует отметить, что на первом этапе — от «Российской грамматики» А.А.Барсова к «Русской грамматике» А.Х.Востокова — происходит качественный переход: от понятия к термину. В связи с этим значительно изменяется внешняя форма словосочетаний: модель термина становится основной — двухкомпонентной.

Основание «по составляющим частям» является одним из трех, которые Н.И.Греч выделяет при систематизации простых предложений. Кроме обозначенного выше основания в «Практической русской грамматике» лингвист для классификации простых предложений указывает отношение «по своему выражению» и отношение «по связи с другими предложениями» [Греч, 1834: 229].

В соответствии со вторым основанием — «по своему выражению» — все простые предложения делятся на *повествовательныя*, или *изъявительныя*, *вопросительныя* и *повелительныя*.

При первоначальном употреблении в тексте грамматики сложный термин *предложения повествовательныя*, или *изъявительныя* представлен в своем полном виде. Термин-словосочетание построен по модели сущ. + прил., однако структура термина осложнена разделительным союзом «или» в сочетании с пунктуационным знаком «запятая». Разделительный союз совместно с пунктуационным знаком указывает на возможность использования двух представленных в полном варианте термина определяющих слов: *повествовательныя* или *изъявительныя*, однако из расположения определяемых слов в структуре многословного термина можно заключить, что Н.И.Греч предполагал использование второго варианта — *изъявительныя* — в качестве уточнения к первому, основному, выраженному термином-словом *повествовательныя*.

Следует также отметить, что на странице 322 «Практической русской грамматики» автор приводит термин *предложения повествовательныя* или *изъявительныя* уже без пунктуационного знака «запятая» в составе термина-словосочетания. Поскольку

во втором случае в § 383 имеется отсылка на § 278 с первоначальным упоминанием полного варианта этого термина, и в тексте не встречается указаний на вариативность структуры указанного термина-словосочетания, можно предположить, что вариант с наличием запятой возник вследствие ошибки при публикации грамматики. Подтверждением данной гипотезы могут косвенно послужить дефиниции определяющих слов термина, одинаково обозначающих бесстрастное изложение без эмоциональной оценки события.

Полный вариант термина встречается только в § 278 и 383. При последующем употреблении данного термина встречается его эллиптический вариант *повѣствовательныя предложенія*: «в повѣствовательныхъ предложеняхъ выражается какое-либо утверждение или отрицание о подлежащем» [Греч, 1834: 322].

Анализ текста § 384 «Практической русской грамматики» показал, что условия употребления *вопросительныхъ предложений* изначально предполагают два вида предложений: «требуется или пополненія которой либо части онаго, или утверженія (и отрицанія) въ другомъ предложеніи, служащемъ отвѣтомъ» [Греч, 1834: 323].

Первый вид вопросительного предложения, требующий дополнения какой-либо его части, образуется, по мнению Н.И.Греча, путем замены «оной части мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ вопросительнымъ» [Греч, 1834: 323]. Заменяемая часть речи восстанавливается в *предложенія, служащимъ отвѣтомъ*. Исходя из анализа текста «Практической русской грамматики», можно сделать вывод, что само вопросительное предложение и предложение, «служація отвѣтомъ», образуют некую условную пару предложений, состоящую из «вопросительного» и «ответного» предложения. Использование в тексте вопросительного предложения неизменно влечет за собой употребления «ответного» предложения.

Сложный термин *предложенія, служація отвѣтомъ*, по классификации В.П.Даниленко, является *мотивированным термином-описанием*, в котором определительный признак выражен действительным причастием настоящего времени [Даниленко, 1977: 166]. По классификации К.А.Левковской термин *предложенія, служація отвѣтомъ* относится к *мотивированным терминам-определениям* [Левковская, 1960: 7].

В качестве формального признака, показывающего принадлежность предложения ко второму виду вопросительных предложений, лингвист выделяет союз *ли*, который присоединяется «къ слову, требующему утверждениа или отрицаниа в другомъ предложеніи» [Греч, 1834: 323]. В современной грамматике *ли* определяется как простая частица [Русская грамматика, 1980: 726], однако месторасположение данного элемента вопросительного предложения не изменилось со времен «Практической русской грамматики» — она также ставится «непосредственно после слова, называющего то, о чем спрашивается» и выражает частно-вопросительную функцию [Русская грамматика, 1982: 387].

К числу *вопросительныхъ предложений* лингвистом относятся также и *восклицательныя предложения*. Данный подвид предложений рассматривается Н.И.Гречем с двух точек зрения: со структурной и со смысловой. По внешним, структурным, признакам, отмечает лингвист, *восклицательныя предложения* соответствуют типу вопросительных предложений, поскольку содержат вопросительное местоимение или наречие. По внутренним же признакам данные предложения представляют собой повествовательные предложения, «произнесенныя въ сильномъ душевномъ волненіи» [Греч, 1834: 325].

Кроме *повествовательныхъ* и *вопросительныхъ предложений*, Н.И.Гречем выделяются также «по выражению» *повелительныя предложения*. Двухсоставный термин *повелительныя предложения* выражен адъективным словосочетанием с регрессивным порядком слов.

В главе «О сочетаніи словъ» лингвистом упоминается «выражение сослагательное». Однако, по мнению Н.И.Греча, «в Русскомъ языкѣ сего нетъ», поскольку «глаголы подчиняемыхъ главнымъ предложениамъ, предложенийъ придаточныхъ полагаются вообще въ наклоненіи изъявительномъ» [Греч, 1834: 326]. Лингвист приводит только один случай, когда в русском языке встречается «нѣчто похожее на сослагательное наклонение: это есть выраженіе дѣйствія предположительное» [Греч, 1834: 326]. Соответственно в § 410 встречается термин *предложения сослагательныя или предположительныя*. Многословный термин *предложения сослагательныя или предположительныя* представляет собой

составную конструкцию из определяемого слова, выраженного именем существительным и двух определяющих слов, выраженных именами прилагательными.

В «Русской грамматике-80» все простые предложения с точки зрения цели сообщения разделены на два больших класса: невопросительные предложения и вопросительные предложения [Русская грамматика, 1982: 88]. При анализе терминов, называющих группы простых предложений, было выявлено, что в «Русской грамматике-80» указанные термины обладают большей унификацией с точки зрения внешней формы, тогда как в классификации, данной Н.И.Гречем в «Практической русской грамматике», термины, обозначающие виды простых предложений, не унифицированы как с точки зрения внешней формы — в составе терминов встречаются имена существительные, имена прилагательные, причастия, так и с точки зрения структуры — в грамматике зафиксированы как двусоставные, так и сложные термины.

Третьим основанием систематизации простых предложений Н.И.Греч выделяет «связь с другими предложениями», однако в данном случае речь идет уже о простых предложениях в составе сложного предложения.

Таким образом, при анализе видов простых предложений, представленных в «Практической русской грамматике» Н.И.Греча можно выделить две группы предложений. В первую группу, условно названную структурной, вошли предложения, объединенные по структурному основанию — по количеству составляющих их частей. Во вторую группу, условно названную смысловой, вошли предложения, объединенные по смысловому основанию — по своим функциям. Две перечисленные группы, по нашему представлению, являются одинаковыми по объему, поскольку в них входят все простые предложения, но разнородными по выделяемым внутри них частям. Так, первая группа (структурная) содержит три вида простых предложений, а вторая группа (смысловая) — шесть видов простых предложений. В целом же, исходя из анализа «Практической русской грамматике» Н.И.Греча, можно сделать вывод, что все виды простых предложений входят в обе группы.

Классификацию Ф.И.Буслаева в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянскою» можно соотнести со второй, смысловой классификацией видов простых предложений

Н.И.Греча. Не беря во внимание структурную составляющую классификации предшественника, лингвист сосредоточивает свое внимание на функциональной составляющей и в § 108 перечисляет предложения в соответствии с теми функциями, которые они выполняют: «предложения, которыми спрашиваемъ, называются вопросительными»; «предложения, въ которыхъ выражаемъ отвѣтъ и рассказъ, называются повѣствовательными» и т.д. [Буслаев, 1896: 120]. Таким образом, Ф.И.Буслаев выделяет следующие типы простого предложения: **предложения вопросительные и предложения повѣствовательные**. В соответствии с выявленной системой, автор «Учебника русской грамматики, сближенной с церковнославянскою», приводя в тексте указанные термины впервые, разделяет двухкомпонентный термин и располагает между его структурными частями дефиницию этого термина. Последняя часть термина-словосочетания, содержащая уточняющий элемент, находится в конце предложения.

Повѣствовательные предложения, в свою очередь, подразделяются Ф.И.Буслаевым на утвердительные и отрицательные. **Предложения утвердительные** содержат утвердительный ответ на вопрос, **предложения отрицательные** содержат отрицательный ответ на вопрос [Буслаев, 1896: 120]. Термины-словосочетания **предложения утвердительные** и **предложения отрицательные** представляют собой двухкомпонентные словосочетания со связью согласование и последовательным порядком слов.

В отличие от А.А.Барсова, Ф.И.Буслаев не приводит условий употребления отрицательных предложений и ограничивается краткой дефиницией описательного характера.

С термином **предложения отрицательные** связаны понятия **двойное отрицание, изобразительное отрицание и усиленное отрицание**. Наряду с родительным падежом при действительных глаголах при отрицании и многократным видом с отрицательной частицей данные понятия выражают, по мнению Ф.И.Буслаева, важнейшие отличия отрицательного предложения от утвердительного [Буслаев, 1896: 171].

Понятие **двойное отрицание** можно соотнести с описанными в «Русской грамматике-80» наречными предложениями, в которых «... противопоставление общего и частного отрицания ослаблено»

[Русская грамматика, 1982: 409]. В учебнике Ф.И.Буслаева **двойное отрицание** характеризуется наличием отрицательной частицы *не* перед сказуемым и отрицательного местоимения или наречия, стоящих на месте подлежащего, определения, дополнения или обстоятельства [Буслаев, 1896: 171], тогда как в «Русской грамматике-80» **двойное отрицание** характеризуется наличием двух отрицаний «...в составе сказуемого или при обоих главных членах общеотрицательного предложения» [Русская грамматика, 1982: 411]. Таким образом, одноименные понятия **двойное отрицание**, зафиксированные в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской» и в «Русской грамматике-80», отличаются своей дефиницией.

Изобразительное отрицание, встречающееся в грамматическом труде Ф.И.Буслаева, исходя из дефиниции понятия может быть соотнесено и рассмотрено как частный случай **собственно отрицательного предложения**, зафиксированного в «Русской грамматике-80».

Понятие **усиленное отрицание** выражается в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской» посредством тавтологии. В «Русской грамматике-80» также можно встретить случаи использования отрицания, когда «...средством отрицания одного усиливается, подчеркивается другое» [Русская грамматика, 1982: 407], но собственно понятие **усиленное отрицание** не встречается.

В «Русской грамматике-80» все простые предложения по отношению к отрицанию делятся на три группы: 1. **собственно отрицательные предложения**; 2. **предложения с факультативным отрицанием**; 3. собственно утвердительные предложения, отрицание в которых не принимается, **предложения фразеологизированной структуры** [Русская грамматика, 1982: 403]. По отношению к членам предложения простые предложения делятся на **общеотрицательные предложения** (отрицание имеется при сказуемом и придает отрицательное значение всему предложению) и **частноотрицательные предложения** (отрицание относится к носителю признака) [Русская грамматика, 1982: 408].

Таким образом, в грамматиках А.А.Барсова и Ф.И.Буслаева термин **отрицательное предложение** и понятия, связанные

с ним, отличаются структурной простотой, представляя собой двухчленные конструкции. При сравнении терминов было выявлено, что в «Русской грамматике-80» рассматриваемые термины обладают более сложной структурой. В «Российской грамматике» А.А.Барсова изучен общий случай выражения отрицания, в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской» автор детализирует и систематизирует проявления частных случаев выражения отрицания. Можно сделать вывод, что в «Русской грамматике-80» в частных случаях двух зафиксированных в этом грамматическом труде классификаций нашли свое продолжение систематизированные Ф.И.Буслаевым случаи отрицания.

Единая, в отличие от классификации Н.И.Греча, классификация Ф.И.Буслаева, на наш взгляд, отличается большей разветвленностью и детализацией.

Все виды простых предложений у рассматриваемых авторов демонстрируют гармоничное сочетание внешней формы и лексического значения. Разница заключается лишь в наименованиях самих терминов: у А.А.Барсова термины и терминологические понятия носят более распространенный вид, дублируя свои же дефиниции. Далее авторы грамматик используют более сокращенный вид наименования терминов, соответственно дефиниции более расходятся с наименованиями. Сами же термины переходят к минимальной модели терминов-словосочетаний — словосочетанию двусоставному. Можно предположить, что подобная эволюция терминов связана с процессами, происходящими в начале XIX в. в русском языке и конкретно в лингвистической терминологии. Представляется логичным, что в данном случае имело место частое использование терминов, обозначающих виды простого предложения, что, по мнению С.В.Гринева-Гриневича, приводит к сокращению наименования термина [Гринева-Гриневич, 2008: 144]. Это подтверждает и тот факт, что, начиная с А.Х.Востокова, термины, обозначающие виды простого предложения, встречаются преимущественно в виде двусоставных словосочетаний или же в виде более сложных по своей структуре словосочетаний, использующихся в грамматиках в большинстве случаев в своем эллиптическом варианте.

При сравнении приведенных в рассматриваемых грамматиках терминов, характеризующих типы простых предложений, а также

наличествующих классификаций, можно сделать вывод, что разделение простых предложений по наиболее общему критерию — по количеству слов в предложении — представлено у А.А.Барсова: *предложения, состоящие из двух слов* и *предложения, состоящие из одного слова*. Кроме перечисленных видов простых предложений, в «Российской грамматике» встречаются такие типы простого предложения, как *отрицательное предложение* и *предложение дополнительное (или вносное)*, относимые другими рассматриваемыми авторами к числу сложных предложений.

Критерий выделения типов простых предложений, представляемый А.Х.Востоковым, отличается большей конкретизацией по сравнению с предыдущим лингвистом: наличие личного или безличного глагола в предложении. В соответствии с данным критерием А.Х.Востоков подразделяет простые предложения на безличные и личные.

Первую развернутую классификацию типов простых предложений с указанием их подтипов среди рассматриваемых авторов грамматик можно выделить у Н.И.Греча. Основываясь на критерии «выражения» простых предложений, т.е. на том, какую мысль они обнаруживают, лингвист подразделяет все простые предложения на *повествовательные, вопросительные и повелительные*. Вопросительные предложения, в свою очередь, подразделяются на *восклицательные предложения* и *предложения, служащие ответом*.

Продолжает традицию развернутой классификации также и Ф.И.Буслаев. У него критерием разделения простых предложений по типам является функция, которую выполняют предложения. Соответственно все простые предложения делятся на *восклицательные* и *повествовательные*. Последние, в свою очередь, делятся на *утвердительные* и *отрицательные*.

В «Русской грамматике-80» представлены две классификации простых предложений: по цели сообщения и по интонации. По цели сообщения простые предложения подразделяются на вопросительные и невопросительные, которые далее подразделяются на предложения повествовательные, побудительные и предложения со значением желания. По интонации простые предложения подразделяются на восклицательные и невосклицательные. Наиболее приближенной к классификации простых предложений,

представленной в «Русской грамматике-80», оказывается классификация Ф.И.Буслаева.

Таким образом, термин *простое предложение* и термины, называющие виды простого предложения, зафиксированные в грамматиках конца XVIII — первой половины XIX вв., по сравнению с аналогичными терминами, зафиксированными в «Русской грамматике-80», претерпели изменения в структурном плане — структура термина стала более простой, проявилась тенденция к уменьшению компонентов, входящих в нее, тогда как терминологические дефиниции не претерпели особых изменений.

3.2. Термин «сложное предложение»

Термин *сложное предложение* впервые зафиксирован в «Российской грамматике» А.А.Барсова. Термин-словосочетание *сложное предложение* является многозначным термином, поскольку А.А.Барсов приводит в тексте грамматики два его лексических значения: «Предложению простому противопоставляется сложное.

1) Состоящее из двухъ; или болѣе, связанныхъ между собой разныхъ предложеній, т.е. такихъ, изъ которыхъ каждое явно имѣетъ свое особливое подлежащее и сказуемое... <...>

2) Такое, въ которомъ подлежащее или сказуемое, или и обое есть сложное, т.е. состоитъ не изъ одного простаго или описаннаго главнаго слова, но изъ двухъ и болѣе, равно важныхъ для его составленія» [Барсов, 1981: 158—159].

Исходя из дефиниции термина, можно сделать вывод, что *сложные предложения* ученый рассматривает с двух точек зрения. Во-первых, как соединение минимум двух разных предложений; во-вторых, как одно предложение, но осложненное однородными главными членами предложения.

Было произведено сравнение дефиниций термина *сложное предложение*, зафиксированных в первом Московском списке «Российской грамматики» (списке А), датированном XVIII в. и имеющем собственноручные пометки А.А.Барсова, и во втором Московском списке (списке Б), датировку которого исследователи относят к XIX в.

Дефиниции идентичны, за исключением входящего в них словосочетания «разных предложений»: в списке А словосочетание употреблено с регрессивным порядком слов, в списке Б употреблено с последовательным порядком слов — «предложений разных» [Барсов, 1981: 319]. Во втором варианте словосочетания использована инверсия. А.А.Барсов не дает пояснений, с какой именно целью был употреблен данный стилистический прием, однако можно предположить, что относительное прилагательное «разных», употребленное на несвойственном для него месте предложения, получило добавочную смысловую нагрузку и было призвано подчеркнуть тот факт, что сложное предложение состоит именно из неоднородных, т.е. разных предложений.

Тот же прием инверсии использован автором «Российской грамматики» для перехода в теоретическом изложении материала от термина *простое предложение* к термину *сложное предложение*, причем двухсоставный термин *сложное предложение* употреблен в данном случае в своем эллиптическом варианте, содержащем лишь определяющее слово.

Подобную трактовку сложных предложений как предложений слитных отражает в «Русской грамматике» и «Сокращенной русской грамматике» А.Х.Востоков: «сложное, когда заключает в себя по несколько подлежащих и сказуемых» [Востоков, 1868: 42]. В.В.Виноградов отмечал, что «сложным Востоков называл слитное предложение. То, что теперь называется сложным предложением, Востоков рассматривает как период, то есть как сочетание предложений» [Виноградов, 2005: 90].

Следует отметить, что терминологическое словосочетание *сложное предложение* А.Х.Востоков при первоначальном его употреблении с указанием дефиниции в § 80 «Сокращенной русской грамматики» и в § 106 «Русской грамматики» использует в эллиптическом варианте, с пропуском определяемого слова. Однако если А.А.Барсов в своем научном труде сокращенный вариант термина использовал при противопоставлении простого и сложного предложений, то А.Х.Востоков лишь классифицирует изначально предложения, разделяя их по самому общему признаку — количеству главных членов — на два вида: простые и сложные, а эллиптический вариант термина *сложное предложение* в грамматиках лингвиста в указанных выше параграфах как раз

и призван ввести в текст дефиницию термина. Далее в текстах грамматик автор использует полный вариант термина-словосочетания *сложное предложение* с регрессивным порядком слов.

По принципу классификации А.Х.Востоков вводит и наименования терминов, обозначающих виды придаточных предложений: «вместо одного определительного или дополнительного слова может присовокуплено быть к подлежащему и сказуемому целое предложение придаточное, которое бывает полное или сокращенное» [Востоков, 1868: 44].

Двухкомпонентный термин *предложение придаточное* представляет собой субстантивное словосочетание со связью согласование. В грамматиках А.Х.Востоков использует два варианта термина-словосочетания: с последовательным и регрессивным порядком слов. Исходя из анализа текста грамматик можно сделать вывод о том, что лингвист многокомпонентный термин *предложение придаточное* с последовательным порядком слов использует в том случае, когда нужно сделать смысловой акцент именно на определяющем слове терминологического словосочетания. В остальных случаях автор грамматик использует многокомпонентный термин *придаточное предложение* с регрессивным порядком слов.

На основе наиболее простого по своей структуре двухкомпонентного словосочетания *придаточное предложение*, состоящего из основного, ядерного компонента, выраженного именем существительным в именительном падеже, и вспомогательного, определяющего компонента, выраженного именем прилагательным, А.Х.Востоков выстраивает трехкомпонентные словосочетания *полное придаточное предложение* и *сокращенное придаточное предложение*, где дифференцирующими компонентами, указывающими на подвид придаточных предложений, являются контекстуальные антонимы «полное» и «сокращенное». Дифференцирующие компоненты со значением уточнения трехсоставных терминов выражены соответственно качественным именем прилагательным и страдательным причастием прошедшего времени. В данном случае лингвист не формулирует дефиницию терминов, а лишь указывает на главные их особенности: «Полное придаточное предложение привязывается в определяемой

или дополняемой части онымъ части главнаго предложенія мѣстоимениемъ...»; «Въ сокращенномъ придаточномъ предложеніи глаголь съ мѣстоимениемъ относительнымъ сокращается въ причастіе, а глаголь съ мѣстоимениемъ личнымъ и союзомъ сокращается въ дѣпричастіе...» [Востоков, 1868: 44].

Н.И.Греч в «Практической русской грамматике» рассматривает *сложные предложения* как присовокупление «однаго простаго предложенія къ другому, слѣдственно есть совокупленіе двухъ и болѣе простыхъ предложений» [Греч, 1834: 230]. Такая трактовка даннаго термина приближена к трактовке сложных предложений А.А.Барсовым в первом их значении — как совокупности нескольких простых предложений.

В § 279 «Практической русской грамматики» автор указывает на то, что «досель говорили мы о простыхъ предложеніяхъ: теперь приступимъ къ обзорѣнію предложеній сложныхъ» [Греч, 1834: 230]. Обратный порядок слов в предложении и конкретно в терминологическом словосочетании *предложеній сложныхъ* с последовательным порядком слов способствует смысловому акценту именно на данном виде предложений.

Лингвист выстраивает классификацію сложных предложений. «Сложныя предложенія являются въ двухъ разныхъ видахъ: во-первыхъ, составляются оныя для пополненія, развитія, объясненія одной какой либо части простаго предложенія, а во-вторыхъ, для показанія взаимной связи или соотношенія между мыслями и сужденіями, заключающимися в двухъ или болѣе простыхъ предложеніяхъ. Первое составленіе сложныхъ предложеній именуется грамматическимъ, а послѣднее логическимъ» [Греч, 1834: 231]. Двухсоставные термины-словосочетания *предложения грамматические* и *предложения логические* представляют собой субстантивные словосочетания со связью согласование.

В соответствии с грамматическим принципом Н.И.Греч подразделяет предложения на *главныя, придаточныя* и *вводныя*: «Главное предложеніе есть независимое отъ другаго выраженіе мысли, т.е. связи подлежащаго со сказуемымъ»; «Придаточное предложеніе есть размноженіе, поясненіе, подробное развитіе какой либо части главнаго предложенія»; «Вводное предложеніе, или

паренфеза, есть совершенно постороннее предложёніе, неимьющее ни какой грамматической связи с главным» [Греч, 1834: 230].

Как и А.Х.Востоков, Н.И.Греч классифицирует придаточные предложения, однако лингвисты производят классификацию видов придаточных предложений по разным основаниям: у А.Х.Востокова в «Русской грамматике» определяющим признаком является структурная полнота придаточного предложения, тогда как у Н.И.Греча вид придаточного предложения зависит от части речи, которую оно заменяет в главном предложении. Сравните: «Полное придаточное предложёніе привязывается въ опредбляемой или дополняемой онымъ части главнаго предложёнія мѣстоименіемъ относительнымъ или союзомъ изъяснительнымъ, условнымъ» [Востоков, 1868: 44].

«Въ сокращенномъ придаточномъ предложёніи глаголь съ мѣстоименіемъ относительнымъ сокращается въ причастіе, а глаголь съ мѣстоименіемъ личнымъ и союзомъ — в дѣепричастіе, или замѣняется дополнительнымъ словомъ» [Востоков, 1868: 44].

«Придаточными предложёніями могутъ быть замѣнены въ главномъ предложёніи: имя существительное, имя прилагательное и нарѣчіе, и посему сіи предложёнія бываютъ:

Существительныя, замѣняющія имя существительное въ главномъ предложёніи <...>

Прилагательныя, коими замѣняется имя прилагательное (въ обширномъ смыслѣ, т.е. и причастіе) <...>

Обстоятельствённыя, коими замѣняется нарѣчіе всякаго рода...» [Греч, 1834: 232].

При первом упоминании в тексте «Практической русской грамматики» у многословных терминов **придаточные предложения существительные, придаточные предложения прилагательные и придаточные предложения обстоятельствоныя** стержневое слово словосочетания располагается между определяющими словами, однако далее в тексте грамматики было зафиксировано использование вышеперечисленных терминов-словосочетаний в двух структурных вариантах:

1. Определяющее слово + определяемое слово + определяющее слово — **придаточные предложения существительные;**

2. Определяющее слово + определяющее слово + определяемое слово — *придаточные существительные предложения*.

С термином *сложное предложение* связаны термины *предложение подчиняющееся* и *предложение подчиняемое*. В § 394 первоначально автор «Практической русской грамматики» говорит о двух предложениях: «Первое изъ сихъ предложеній именуется подчиняемымъ, а послѣднее подчиняющимъ» [Греч, 1834: 328]. Конструкция двусоставного термина-словосочетания с последовательным порядком слов имеет опосредованную связь между ее членами, поскольку между определяемым и определяющим словами словосочетания употреблен глагол «именуется». Продолжая исследовать сложные предложения, Н.И.Греч конкретизирует дефиниции терминов: «Придаточное предложение подчиняется главному: послѣднее есть подчиняемое, а первое — подчиняющее» [Греч, 1834: 329]. Лингвист проводит параллели между терминами *главное предложение* — *придаточное предложение, подчиняющее предложение* — *подчиняемое предложение*.

Ф.И.Буслаев в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянскою» приводит следующее определение термина *сложное предложение*: «изъ совокупности двухъ или нѣсколькихъ предложеній составляется предложеніе сложное, такъ называемое въ отличіе отъ простаго, не соединеннаго съ другимъ» [Буслаев, 1896: 120—121].

В тексте «Учебника русской грамматики, сближенной с церковнославянскою» встречаются двухкомпонентные термины *придаточное предложение* и *главное предложение*. Как и Н.И.Греч, Ф.И.Буслаев определяет предложение, составляющее часть другого предложения, как придаточное, а предложение, в которое придаточное входит как часть, как главное [Буслаев, 1896: 122]. Указанные сложные термины выражены адъективными словосочетаниями, построенными по модели прил. + сущ. с регрессивным порядком слов.

Лингвист в своем научном труде не приводит терминов, обозначающих виды придаточных предложений, а лишь указывает на то, что каждый член из главного предложения, за исключением сказуемого, может быть выражен предложением придаточным

и детально, с примерами, перечисляет возможные для замены члены главного предложения.

Ф.И.Буслаев приводит в грамматике дефиниции терминов *подчинение* и *сочинение*. Данные термины являются однокомпонентными и представляют собой производные термины-слова, выраженные именами существительными.

Отдельно следует рассмотреть термины, обозначающие предложения, не связанные с главными или придаточными предложениями, но которые могут быть вставлены «в середину речи» [Греч, 1834: 330]. Подобные предложения А.А.Барсов называет *предложениями пополнительными <или вносными> (propositiones incidentes)*. Термин *предложения пополнительная <или вносная> (propositiones incidentes)*, зафиксированный в «Российской грамматике» А.А.Барсова, называет целое предложение, присоединяемое к *термину* и представляющее его *описание* [Барсов, 1981: 158]. Многокомпонентный термин *предложения пополнительная <или вносная> (propositiones incidentes)* состоит из трех простых терминологических словосочетаний, последнее из которых представляет собой иноязычный вариант термина. Автор «Российской грамматики» определяет *предложения пополнительная <или вносная> (propositiones incidentes)* как один из видов простого предложения.

А.В.Востоков отмечает рассматриваемый вид предложений как *предложение вводное*, которое выделяется лингвистом в рамках структуры главного предложения: «Между частями главного предложения может вставлено быть особое предложение, называемое вводнымъ, которое не привязывается мѣстоименіями или союзами къ главному предложенію, и можетъ быть опущено безъ нарушенія смысла...» [Востоков, 1868: 45]. Двусоставный термин *предложение вводное* по структуре представляет простое адекватное словосочетание со связью согласование. Следует помнить, что А.Х.Востоков определяет сложное предложение как слитное предложение, соответственно, лингвист относит *предложение вводное* тоже к видам простого предложения.

В «Практической русской грамматике» Н.И.Греча *вводное предложение, или паренфеза* определяется уже как вид сложного предложения, наряду с главными и придаточными предложениями. Сложный термин *вводное предложение, или паренфеза*

представляет собой синонимичный ряд терминов, состоящий из неоднородных по своей структуре двух терминов: двухкомпонентного атрибутивного словосочетания со связью согласование и однокомпонентного термина-слова иноязычного происхождения в русской интерпретации. В современном терминоведении существует термин *парентеза (или внесение)*, обозначающий «вставление в предложение не соединенного с ним грамматически слова, словосочетания или другого предложения», а также термин *вводное предложение*: «предложение, вставленное в другое предложение, но не связанное грамматически ни с одним из его членов» [Ахманова, 2010: 72, 79].

В «Практической русской грамматике» Н.И.Греча *вводное предложение, или парентеза* определяется уже как вид сложного предложения, наряду с главными и придаточными предложениями. Сложный термин *вводное предложение, или парентеза* представляет собой синонимичный ряд терминов, состоящий из неоднородных по своей структуре двух терминов: двухкомпонентного атрибутивного словосочетания со связью согласование и однокомпонентного термина-слова иноязычного происхождения в русской интерпретации. В современном терминоведении существует термин *парентеза (или внесение)*, обозначающий «вставление в предложение не соединенного с ним грамматически слова, словосочетания или другого предложения», а также термин *вводное предложение*: «предложение, вставленное в другое предложение, но не связанное грамматически ни с одним из его членов» [Ахманова, 2010: 72, 79].

Как видно из дефиниций терминов, термин *парентеза (или внесение)* имеет более широкое значение, чем термин *вводное предложение*, поскольку выражает общее понятие процесса вставки дополнительной конструкции в предложение. Таким образом, сложный термин *вводное предложение, или парентеза*, встречающийся «Практической русской грамматике» и обозначающий вид предложения, в современной лингвистике распался на два самостоятельных термина с близкими, но не тождественными дефинициями.

Вводное предложение Ф.И.Буслаев, как и Н.И.Греч, относит к числу сложных предложений: «Предложение <...> не состоит

въ видимой грамматической связи съ тѣмъ, въ которое оно вставлено» [Буслаев, 1896: 124].

Примечателен подход А.М.Пешковского к рассмотрению термина «сложное предложение», отраженный им в монографии «Русский синтаксис в научном освещении»: «термин “сложное предложение” мы отвергаем, так как он называет несколько предложений одним “предложением” и тем создает путаницу <...> Так вот “сложное предложение” и является как раз очень часто не “союзным предложением”, а “союзом предложений”, поэтому и не должно называться “предложением”» [Пешковский, 2001: 455]. В свою очередь лингвист определяет «сложное предложение» как «сложное целое».

В современной лингвистике *сложное предложение* определяется следующим образом: «это синтаксическая конструкция, тесно связанная с простым предложением, но отличающаяся от него как структурно, так и по характеру сообщения» [Русская грамматика, 1982: 461].

Таким образом, при сравнении было выявлено, что дефиниция термина *сложное предложение* рассматривается лингвистами с разных позиций: как предложение, включающее в себя два или несколько подлежащих и сказуемых; как предложение, состоящее из двух и более простых предложений. Многозначным термином *сложное предложение* считает А.А.Барсов. А.Х.Востоков определяет *сложное предложение* как слитное предложение, а Н.И.Греч и Ф.И.Буслаев рассматривают *сложное предложение* как совокупность двух или нескольких простых предложений.

3.3. Термин «период»

Термин *период*, являющийся ранним заимствованием (греч. *periodos* — обход, круговращение, определенный круг времени) [Русский язык, 1997: 333], в трудах Аристотеля обозначал особый вид законченной речи.

Термин период, который практически не встречается в древнерусской речи, закрепил в русской лингвистической традиции М.В.Ломоносов, назвавший им «...соединение нескольких речей, полный разум в себе содержащих» [Ломоносов, 1952: 419].

Подобное толкование термина, актуализирующее содержательную или структурную организацию одноименного понятия, нашло свое продолжение в трудах грамматистов первой половины XIX в. Авторы грамматик рассматривают период с позиций синтаксиса как внешнюю форму построения выводов, отходя от его изначальной художественной функции.

Авторы прописывают в текстах своих грамматик определение *периода*, однако делают акцент на разных подходах к определению. Формулировка, данная А.А.Барсовым, по своей семантической потенции предрасполагает к последующей конкретизации, поскольку в определении понятийного статуса термина использованы неопределенные местоимения.

А.Х.Востоков не дает характеристики предложений, входящих в состав периода, а лишь указывает на то, что они должны заключать в себе по одной мысли.

В «Практической русской грамматике» Н.И.Греч дважды дает логическое определение термина. Первое определение, приведенное автором на стр. 233 «Практической русской грамматике», более лаконично характеризует период как «полное выражение мысли во всѣх частяхъ ея, однимъ ли логическимъ предложениемъ, или совокуплениемъ нѣсколькихъ предложений въ одно цѣлое» [Греч, 1834: 233].

Ф.И.Буслаев предлагает более краткое, чем у предыдущих авторов, определение, акцентируя внимание на структуре предложений, входящих в состав периода. Дескриптором термина *периодъ* у А.А.Барсова, Н.И.Греча и Ф.И.Буслаева является «несколько предложений», составляющих период.

Структурные особенности периода находят свое выражение в словосочетаниях *простой периодъ*, *сложный периодъ* и *смешанный периодъ*, обладающих уточняющим значением. Конкретизирующее значение конструкций заключено в определяющих элементах словосочетаний.

В грамматиках прослеживается соотнесение *простого периода* с наличием одного главного предложения, а *сложного периода* — с двумя или несколькими главными предложениями. Данное соотнесение можно сравнить с тем, как характеризует предложения в составе периода И.Ф.Вардуль в книге «Основы описательной

лингвистики»: «каждое предложение внутри периода является либо сложным <...>, либо простым...» [Вардуть, 1977: 223].

Количественная характеристика периода по числу входящих в него предложений берет свое начало в трудах М.В.Ломоносова. Он подразделяет периоды на *одночленные, двучленные, трехчленные* и т.д. Этой же характеристике следуют и другие грамматисты. Принцип наименования периода по числу входящих в него частей у ученых одинаковый: числительное, указывающее количество предложений в периоде, становится основным образующим элементом понятия. В текстах грамматик находят отражение процесс образования этих понятий: «Посему периодъ бываетъ двухчленный, трехчленный и четырехчленный, по числу входящихъ въ оный предложенийъ» [Востоков, 1874: 167].

С количественной характеристикой связано понятие *членъ периода*. Авторы грамматик сходятся в том, что *членами периода* являются предложения, однако качественная характеристика этих предложений предлагается разная. Например, А.А.Барсов определяет их как «частные», т.е. являющиеся частями, отдельными единицами целого, которое разделяется на отдельные компоненты, а Н.И.Греч соотносит члены периода только с периодом сложным: «Составляющія сложный періодъ главныя предложенія, съ принадлежащими къ нимъ придаточными, именуются членами периода» [Греч, 1835: 110].

Двусоставную конструкцию *смешанный периодъ*, встречающуюся у Н.И.Греча в «Практической русской грамматике», по внешним, формальным признакам можно поставить в ряд с конструкциями *простой периодъ* и *сложный периодъ*. Однако по своей дефиниции она отличается, поскольку характеризует период не по числу входящих в него членов, а по смыслу отношений между ними.

Понятие *смешанного периода* ближе к другой классификации периода — по смыслу и способу соединения частей периода. Однако такую качественную классификацию периода можно встретить не во всех грамматиках первой половины XIX в.: только два автора — Ф.И.Буслаев и Н.И.Греч — предлагают в своих грамматиках классификацию типов сложных периодов, основанную на классификации союзов.

Ф.И.Буслаев для своей классификации берет за основу значения как сочинительных, так и подчинительных союзов, указывая, что одни союзы служат для сочинения предложений, а другие — для подчинения, а Н.И.Греч опирается при создании классификации исключительно на сочинительные союзы. При этом построение моделей видов периода основано на значениях союзов.

Классическое понимание *периода* как термина риторики было связано также с его интонационными свойствами, призванными воздействовать на слушателей. Период интонационно делится на две части: так называемое «подлежащее периода», которое произносится медленно, и «сказуемое периода», произносимое с ускорением голоса. Однако авторы грамматик рассматривают эти части с позиции синтаксиса.

В группу понятий, характеризующих период с точки зрения его структурных особенностей, относятся также однословные производные конструкции *повышение, понижение, предыдущее, последующее*, встречающиеся в грамматиках Ф.И.Буслаева и А.А.Барсова. Данные терминологические единицы образуют пары антонимов: *повышение — понижение, предыдущее — последующее*.

По принципу антонимии построено использование уточняющих конструкций и у Н.И.Греча, однако он использует словосочетания *восходящая часть* и *нисходящая часть*, дополнительно указывая в тексте грамматики второе, иноязычное название этих терминов — «арса» и «о-еза». Н.И.Греч также указывает, что *восходящую часть* и *нисходящую часть* можно выделить у всех сложных периодов, за исключением соединительных.

А.Х.Востоков в «Русской грамматике» тоже подразделяет периоды на две половины, однако, в отличие от предыдущих авторов, деление происходит больше по смыслу, чем по структуре, и в самом тексте грамматики отсутствуют сами названия этих частей: «Періодъ, изъ сколькихъ-бы членовъ ни состоялъ, большею частію дѣлится на двѣ половины, изъ коихъ во второй заключается доказательство, объясненіе или слѣдствіе сказаннаго в первой половине» [Востоков, 1874: 167].

К конструкциям, структурно и семантически характеризующим период, примыкает простое терминологическое словосочетание *периодическая речь*. Ф.И.Буслаев вводит этот двусоставный

терминологический элемент при сопоставлении *речи периодической*, т.е. состоящей из периодов, и *речи отрывистой*.

В современной «Русской грамматике-80» термин *период* не встречается.

Таким образом, в грамматиках М.В.Ломоносова, А.А.Барсова, А.Х.Востокова, Н.И.Греча и Ф.И.Буслаева термин *періодъ* определяется не в его классическом варианте, берущем начало от греческой риторической традиции, а как несколько предложений, объединенных друг с другом.

Способы выражения структурных и семантических особенностей термина *период* различны. Многочисленной группой представлены конструкции, однотипные по своей структуре: имя прилагательное + имя существительное, где имя существительное представляет основное лексическое значение термина, а имя прилагательное — дополнительное значение, носящее конкретизирующий характер. Часть моделей представляет собой однословные производные терминологические единицы. Также можно встретить многочленные конструкции с разными типами связи.

Представленные в рассматриваемых грамматиках классификации *периода* по семантическим и структурным особенностям способствуют конкретизации значения термина, однако характеризуют *период* с синтаксической точки зрения, представляя его как термин лингвистики, а не риторики.

Таким образом, терминологические наименования, называющие виды простого предложения, начиная с «Русской грамматики» А.Х.Востокова, в рассматриваемых лингвистических трудах встречаются в двух вариантах: как двухсоставные словосочетания и как более сложные по своей структуре словосочетания, используемые преимущественно в своем эллиптическом варианте.

Термин *сложное предложение* рассматривается в грамматиках первой половины XIX в. с двух позиций: как предложение, состоящее из двух или более простых предложений, и как предложение, содержащее в себе два или несколько подлежащих и сказуемых.

Термин *періодъ* в грамматиках А.А.Барсова, А.Х.Востокова, Н.И.Греча и Ф.И.Буслаева относится к области синтаксиса и рассматривается не с классических позиций — с точки зрения риторики, а с синтаксических позиций — как несколько предложений, связанных друг с другом.

Глава 4

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ ПРЕПИНАНИЯ, «ОБРАЗНОГО СИНТАКСИСА» И ЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В РОССИЙСКИХ ГРАММАТИКАХ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

4.1. Логические категории в грамматиках

До конца XIX в. в языкознании не было четкого разделения между синтаксическими, логическими и психологическими понятиями. Например: грамматический анализ предложения проводился в терминах априорных логических категорий, что приводило к тому, что не разграничивались логическое «подлежащее» (субъект) и грамматическое «подлежащее».

Многовековая практика грамматических описаний способствовала постепенному освобождению грамматики от логики. Уже средневековые арабские лингвисты (Сибавехи, Саррадж) смогли сформировать некоторые фундаментальные синтаксические понятия, такие как «зависимость», «управление», «синтаксическая позиция», не обращаясь к логическим категориям.

В конце XIX в. подобные тенденции в европейском языкознании привели к возникновению формальных направлений. Однако так как аппарат собственно синтаксических понятий был еще мало разработан, анализ приходилось основывать на логических категориях. Поэтому формальный подход к синтаксису точнее было бы назвать формально-морфологическим.

В российской науке к этому направлению, восходящему к Фортунатову, можно с некоторыми оговорками отнести труды Шахматова и Пешковского. Многие идеи, впервые четко сформулированные в рамках формального подхода, занимают важное место в некоторых современных теориях (предложение как разновидность словосочетания, неизменность типа синтаксической конструкции при ее распространении, связь частей речи с типом конструкции).

Г.В.Колшанский в книге «Логика и структура языка» говорит о том, что «логическое направление прочно держалось в языкознании

и особенно в школьных грамматиках вплоть до середины XIX века» [Колшанский, 2005: 7].

Сторонники логико-синтаксического направления в подходе к языку и мышлению исходили из общих положений формальной логики и отождествляли логику с грамматикой. Представителями логико-синтаксического направления в русском синтаксисе являлись Н.И.Греч и Ф.И.Буслаев.

Традиционная логика являлась первым этапом развития формальной логики (от IV в. до н.э. до конца XIX — начала XX вв.). Традиционная логика занималась изучением мышления на основе естественного языка. Он считался не вполне приемлемым для реализации данной цели вследствие своей многозначности, а также бесформенности правил построения выражений. Категории, наличествующие в логике, переносились в область синтаксиса: *подлежащее* в двусоставном предложении соотносилось с *субъектом*, а *предикат* — со *сказуемым*.

В традиционной логике преимущественно изучали атрибутивные, т.е. простые суждения, в которых каким-либо атрибутом, свойством субъекта являлся предикат. Элементом простого суждения в традиционной логике также являлась *связка*, объединяющая субъект и предикат [Философский энциклопедический словарь, 1983: 525].

Полагая предложение выражением суждения, А.А.Барсов однако в «Российской грамматике» разделяет форму предложения и форму суждения. Лингвист указывает на несоответствия между формой суждения, состоящей из субъекта и предиката, и предложениями различных типов. «Так, есть предложения однословные, напр. *Гремит* или *Гром*, *Ветер*, *Тихо* и проч., в которых А.А.Барсов склонен видеть опущение второго члена (*Гремит* из *Гром гремит*)» [Виноградов, 1958: 54].

В своем научном труде А.А.Барсов делает вывод о том, что форма предложения не является идентичной форме суждения. Этот вывод подкрепляется доказательствами: указанием на различный порядок расположения главных членов предложения в собственно предложении и в суждении; сравнением грамматического подлежащего и сказуемого в предложении с логическим; указанием на возможное отсутствие в составе предложения связки,

тогда как в суждении связка является необходимым элементом его структуры [Барсов, 1981: 154].

В соответствии с законами традиционной логики Н.И.Греч анализировал предложение по модели суждения (*субъект есть предикат*). За основу он принимал тип предложения, который наиболее близко подходил по своей структуре к логическому суждению.

В традиционной логике широко употреблялся термин *понятие*, являвшийся первым уровнем в схеме изложения логики: «понятие — суждение — умозаключение». *Понятие* определялось как отражение существенных свойств предмета.

У Н.И.Греча уровень *понятий* соответствует уровню отдельных слов, характеризующих предметы и их качества. На этом этапе анализа научного познания видение грамматистом выражения «ясной и понятной рѣчи» [Греч, 1834: 220] соответствовало традиционной логике. Н.И.Греч начинает рассмотрение свойств и состава предложения с рассуждения о предметных понятиях и их качествах.

Говоря о свойствах предложения, Н.И.Греч указывает, что оно должно содержать как понятие о предмете, так и понятие о принадлежности предмета [Греч, 1834: 220—221]. Таким образом, в предложении обычно представлены несколько связанных друг с другом понятий, характеризующих предмет с категориальных и видовых позиций. Сравните: «в предикации компонент, имеющий наибольшее значение предметности, называется подлежащим, а другая часть — сказуемым» [Блумфилд, 1968: 181].

Ф.И.Буслаев рассматривает механизм появления понятий. У него понятию предшествует *представление*, т.е. впечатление, которое сохранилось в душе человека от предметов. Объединение сходных представлений и «отстранение» несходных Ф.И.Буслаев называет *отвлечением*. «Общее представление, составленное в уме нашем помощью отвлечения» и является *понятием* [Буслаев, 2006: 5—7]. Представления, отвлечения и понятия соответствуют уровню отдельных слов.

Второй уровень — *суждение* — логикой определяется как связь понятий. Согласно традиционной логике не всякое суждение может быть выражено предложением, и не всякое предложение является суждением. У Н.И.Греча в «Начальных правилах

русской грамматики» встречается **суждение** в следующей дефиниции: «Суждение, выраженное словами, именуется предложением» [Греч, 1835: 85]. Лингвист не выделяет ограничительные признаки предложения и тем самым отходит от присущих традиционной логике критериев суждения. Сравните: «Суждение, выраженное словами, есть предложение» [Буслаев, 2006: 9].

В традиционной логике понятие предшествует суждению, однако Ф.И.Буслаев говорит об одновременности возникновения понятий и суждений в нашем уме. «Понятия составляются на основе суждений, и, наоборот, суждения развиваются из понятий». Сочетанием суждений является соединение двух или нескольких предложений в одном сложном предложении [Буслаев, 2006: 10].

Третий уровень схемы изложения традиционной логики — **умозаключение** — не присутствует в научных трудах Н.И.Греча, поскольку самая сложная синтаксическая конструкция, рассматриваемая ученым — период, который является выражением суждения. Сравните: период — «полное выражение мысли во всѣх частях ея, однимъ ли логическимъ предложениемъ, или совокупленіемъ нѣсколькихъ предложенийъ въ одно цѣлое» [Греч, 1834: 233].

Ф.И.Буслаев определяет **умозаключение** как вывод одного суждения из другого. Структурно умозаключение подразделяется на два или несколько суждений, одно из которых называется **заключением**, а остальные — **посылками**. Из посылок выводится заключение. В свою очередь посылки и заключение состоят из **терминов**. **Терминами** Ф.И.Буслаев называет отдельные понятия. **Термины** подразделяются в соответствии со своим объемом: **больший термин**, **средний термин** и **меньший термин**. Конкретизирующее значение перечисленных конструкций заключено в определяющих элементах словосочетаний. Термины сопоставляются с посылками: в большей посылке помещается большой термин, меньший термин — в меньшей посылке, а средний термин — в обеих посылках. Особенностью среднего термина является то, что он не может быть включен в состав заключения, поскольку он обозначает причину [Буслаев, 2006: 13].

В логике суждением является мысль, выраженная повествовательным предложением и являющаяся истинной или ложной [Философский энциклопедический словарь, 1983: 525]. Помимо

понятия о предмете и понятия о принадлежности предмета Н.И.Греч также при структурном анализе признаков предложения выделяет «выражение бытія или отсутствія сей принадлежности въ предметъ» [Греч, 1834: 221].

В соответствии с выделением в структуре предложения трех частей, Н.И.Греч обосновывает состав предложения: подлежащее, сказуемое и связка. Так называемая *предикация* (предицирование), т.е. выявление содержания логического субъекта логическим предикатом, находит свое выражение в предложении. Отношения между субъектом и предикатом в суждении соотносятся с предикативными отношениями между подлежащим и сказуемым в предложении, в которых обнаруживается связь между предметом, выраженным подлежащим, и его признаком, выраженным сказуемым.

Согласно Н.И.Гречу, *подлежащим* является некий предмет мысли в предложении, которому суждением сообщается или отнимается какое-либо качество. Само качество выражено *сказуемым*. Третья структурная часть предложения — *связка* — представляет собой слово, словесно выраженную связь между подлежащим и сказуемым, обозначающую наличие или отсутствие качества предмета [Греч, 1834: 221].

Ф.И.Буслаев также определяет *подлежащее* как предмет, о котором мы говорим. *Сказуемым* является то, что мы думаем или судим о предмете. Однако *связка*, по мнению Ф.И.Буслаева, не является необходимой структурной частью предложения, поскольку самим сказуемым уже выражена его связь с подлежащим [Буслаев, 2006: 9].

Н.И.Греч в «Практической русской грамматике» и «Начальных правилах русской грамматике» разграничивает термины *логическое подлежащее/сказуемое* и *грамматическое подлежащее/сказуемое*. *Логическое и грамматическое подлежащее* различаются только в составном подлежащем, поскольку оно не может быть разделено на составляющие части без нарушения смысла. В составном подлежащем Н.И.Греч *логическим подлежащим* называет все слова, входящие в состав подлежащего, а *грамматическим подлежащим* — только главное слово. Сравните: сложное подлежащее может быть разделено на составные части, с повторением при каждой из них сказуемого; состав логического

и грамматического подлежащего в этом случае совпадает. По такому же принципу просматриваются различия между составным и сложным сказуемым [Греч, 1834: 223].

Таким образом, *логическое подлежащее/сказуемое*, выделяемое в главных членах предложения, сложных по своему составу, представляет собой более обширную по количеству и семантике группу слов по сравнению с грамматическим подлежащим/сказуемым. Однако такое различие проявляется лишь в тех случаях, когда каждая структурная часть подлежащего не может быть соотнесена со сказуемым.

Ф.И.Буслаев вводит понятия *логическое отношение* и *грамматическое отношение* по отношению к сказуемому как основному члену предложения, без которого не может быть суждения. Двусоставные конструкции *логическое отношение* и *грамматическое отношение* имеют однотипные дефиниции. Они определяют позиции рассмотрения сказуемого — с точки зрения логики или с точки зрения грамматики. Само же сказуемое на первом этапе формирования суждения приписывается представлению, а на втором этапе — понятию.

С точки зрения логики Н.И.Греч рассматривает также и предложения, выражающие отношения *зависимости/независимости*. Среди так называемых логических предложений Н.И.Греч выделяет *независимые*, т.е. выражающие самостоятельную мысль, и *зависимые*, т.е. выражающие относительную мысль, которая дополняет и поясняет главную мысль. Логические предложения зависят от «свойств и сочетаемости выражаемых оными мыслей» [Греч, 1834: 348]. *Независимые предложения* выражают соединительные, соединительные с добавочным значением и противительные отношения частей к целому. *Зависимые предложения* Н.И.Греч подразделяет на две большие группы: 1. отношение признака к существу и 2. отношение причины к действию. Независимые логические предложения выражаются главными грамматическими предложениями, а зависимые логические — придаточными предложениями, подчиняющимися главным [Греч, 1834: 348—350].

Ф.И.Буслаев с точки зрения логики рассматривает уже не предложения, а *суждения* по четырем критериям: 1. качеству, 2. количеству, 3. отношению и 4. образности. В примечании он

говорит о том, что понятия *качество*, *количество*, *отношение* и *образность* в логике называются *категориями*.

По качеству *суждения* делятся на *утвердительные* и *отрицательные*. По количеству — на *общие суждения*, *частные* и *особенные*. По отношению — на *категорические суждения*, *условные* и *разделительные*. По образности — на *возможные (или проблематические) суждения*, *действительные (или асерторические)* и *необходимые (или аподиктические)*.

С точки зрения логики рассматриваются Н.И.Гречем и второстепенные члены предложения, поскольку ученый классифицирует их по значению. Среди второстепенных членов предложения он выделял *дополнение* и *определение*. *Обстоятельство* в качестве самостоятельного второстепенного члена предложения ученым не рассматривалось и включалось им в разряд определений. Однако дополнения и определения («определяющие слова») не имели соответствия в схеме «субъект есть предикат», поскольку лишь служили «къ опредѣленію главныхъ» [Греч, 1834: 234].

С развитием науки термины *суждение* и *понятие* все более переходят из области синтаксиса в область логики и словесности. Например, в «Теории словесности» (1909) П.Смирновский рассуждает об образовании суждения вследствие соединения понятий с понятиями и о четырех видах суждений — общеутвердительных, общеотрицательных, частноутвердительных, частноотрицательных [Смирновский, 1909: 140].

Таким образом, основываясь на понятиях традиционной логики, Н.И.Греч уже на этапе изучения главных и второстепенных членов предложения, а также самого предложения основное внимание обращал на выражение логических категорий в синтаксисе. Он разделял понятия на логические и грамматические. Анализируя предложение по модели суждения, лингвист выделял взаимосвязь между суждением как мыслью и предложением как его словесным выражением.

Ф.И.Буслаев в определенной мере упрочил и развил логическое направление в синтаксисе. Он оперирует такими категориями, как представление, понятие, суждение и умозаключение. Лингвист разработал разветвленную классификацию суждений по нескольким категориям. Суждение и умозаключение у Ф.И.Буслаева имеют свои особенности: формирование суждения проходит две

стадии, а умозаключение не всегда соответствует в языке сложному предложению.

4.2. Термины, называющие знаки препинания

М.В.Ломоносов, А.А.Барсов, А.Х.Востоков, Н.И.Греч, Ф.И.Буслаев, Я.К.Грот, А.Б.Шапино, Л.В.Щерба, А.М.Пешковский, Л.А.Булаховский, А.А.Реформатский, И.А.Бодуэн де Куртенэ, Л.Г.Веденина, Н.С.Валгина, Б.С.Шварцкопф, Д.Э.Розенталь, Б.И.Осипова (1992), Н.Н.Орехова (2001) — это лишь часть ученых, чьи научные труды создали основу пунктуации.

Теоретическая основа учения о знаках препинания начинает формироваться уже в первых российских грамматиках. М.В.Ломоносов в «Российской грамматике» во втором наставлении «О чтении и правописании российском» в главе четвертой говорит о группе так называемых *разных* знаков. Знаки, которые употребляются в строках, называются *строчными*, а знаки, употребляемые над строками, — *надстрочными*. Таким образом, М.В.Ломоносов делит категорию обозначений с общим значением «знак», встречающуюся в тексте наряду с буквами, на две подкатегории — *строчные знаки* и *надстрочные знаки*.

Группа *известных* знаков, употребляемых при буквах на письме и в печати, имеется и в «Российской грамматике» А.А.Барсова. Ученый подразделяет их на *надстрочные знаки* и *строчные знаки*. Данное деление совпадает с классификацией М.В.Ломоносова.

Далее А.А.Барсов уточняет, что употребление строчных знаков называется отдельным термином — *препинание (interpunctio)*. Лексема «интерпункция», введенная в научный оборот греческими грамматиками и изначально получившая риторическую спецификацию, заключалась в постановке простых точек в конце предложений или в употреблении абзацев и мыслилась как произнесение речи, а также ее декламация. Однако интерпункция в той дефиниции, в которой термин использует А.А.Барсов, близка к термину Александрийской эпохи, изобретенному грамматиком Аристофаном. Свое развитие термин получил в работах греческих грамматиков Варнефрида, Алкуина и Никанора.

Препинание (интерпункция) в представлении А.А.Барсова — это «раздѣленіе словъ членовъ, и періодовъ, изображаемое на письмѣ и въ печати извѣстными знаками которые въ чтеніи служатъ» [Барсов, 1981: 74]. Сравните: «Интерпункция — теория употребления знаков препинания в письменной речи и само их размещение» [Булич, 45477]. В отличие от современного толкования термина, А.А.Барсов в препинании выделяет только практическое употребление специальных знаков без использования теоретической основы.

В примечании ученый обращается к древним грамматикам, в которых «Наставление о знаках надстрочных и строчных» называлось *просодиями*, сами же надстрочные знаки назывались *просодией верхней*, а строчные знаки — *препинаниями*.

При сравнении Московских списков «Российской грамматики» А и Б были выявлены различия в наименованиях строчных знаков, а именно: при рассмотрении терминологического наименования строчных знаков в Московском списке А встречается однословный термин *препинания*, а в Московском списке Б (более позднем) А.А.Барсов использует синонимичный ряд терминов, состоящий из двух терминов, различных по своей принадлежности к частям речи — имени прилагательного и имени существительного — *строчными или препинаніями* [Барсов, 1981: 255]. Однако в следующем абзаце списка А наименование термина, называющего строчные знаки, идентично наименованию, употребленному в списке Б. Разночтение проявляется и при грамматической характеристике терминов: в списке А термин *препинания* употребляется во множественном числе, а в списке Б — в единственном числе.

У А.Х.Востокова, являющегося, как отмечает В.П.Даниленко, «продолжателем ломоносовской линии в русской грамматике», [Даниленко, 2003: 69] и у Н.И.Греча встречается терминологическое словосочетание «*знаки препинания*» без указания дефиниции [Востоков, 1874: 168]. Ф.И.Буслаев также называл специальные знаки «*знаками препинания*», однако далее в тексте следовала конкретизация термина, основанная на его функциональной характеристике — «т.е. знаками остановки» [Буслаев, 1896: 132].

Начиная с «Российской грамматики» М.В.Ломоносова, можно проследить тенденцию не только включения в тексты грамматик самого понятия «знаки препинания», но и обоснования цели употребления указанных знаков. Так, в «Российской грамматике» в названии главы «О знаках» общее значение лексемы «знак» отражает основную цель использования данных знаков, выделенную М.В.Ломоносовым — удобство чтения для всякого знающего российскую грамоту [Ломоносов, 1952: 429].

А.А.Барсов определяет цель применения знаков препинания как «правильное произношение слов, членов и периодов» [Барсов, 1981: 73]. А.Х.Востоков конкретизирует цель употребления знаков препинания — выражение остановки и перемены голоса в письменной речи, тогда как в устной речи эти изменения выражаются с помощью произношения [Востоков, 1874: 168].

Другую цель использования знаков препинания определяет Н.И.Греч в «Практической русской грамматике» — «для показанія грамматической связи или разности между предложениями и ихъ частями, и для отличія предложений по выраженію оных» [Греч, 1834: 512].

Ф.И.Буслаев обозначал цель употребления знаков препинания — для «большей ясности и опредѣлительности въ изложеніи мыслей на письмѣ» [Буслаев, 1896: 132]. Такое двойное определение этой области терминов указывает на характер понимания функций знаков препинания — разграничение в большей или меньшей степени суждений, выраженных письменно.

Подразделяя знаки препинания на две основные группы, М.В.Ломоносов выделял внутри подкатегории строчных знаков восемь терминологических единиц: *запятую, точку, две точки, точку с запятой*, а также *вопросительный знак, удивительный знак, единительный знак* и *вместительный знак*; а среди подкатегории надстрочных знаков — две терминологические единицы, однако без указания их терминологического наименования: *одну черту над гласными* «для указания разного ударения в реченіях разного наименованія, а одного выговора» [Ломоносов, 1952: 429] и *скобку над ѣ*, служащую для выражения краткости. Остальные надстрочные знаки, перенятые у греческих грамматиков

и присутствующие в церковных книгах в немалом количестве, по мнению М.В.Ломоносова, являлись излишними.

Вслед за М.В.Ломоносовым А.А.Барсов признавал «нужными» также только два надстрочных знака: *скобку над ѣ* «для показанія сокращеннаго и какъ бы половиннаго голоса сей буквы» [Барсов, 1981: 73] и *знак, показывающий ударный слог*. Дефиниции терминов, обозначающих данные надстрочные знаки, во многом совпадают. А.А.Барсов, в отличие от М.В.Ломоносова, который определяет ударение как «одну черту над гласными», вводит для этого термины, представленные синонимичным рядом имен существительных, — *силу или ударение*. Кроме того, А.А.Барсов, раскрывая дефиницию термина, детально описывает графическое изображение этого знака: «въ черточкѣ проведенной вкось надъ гласною буквою, сверхъ внизъ отъ правой руки къ лѣвой» [Барсов, 1981: 73]. Термины совпадают по морфологическим признакам — имя существительное. У А.А.Барсова *сила или ударение* представляет собой синонимичную двухчленную терминологическую конструкцию. С развитием лингвистической терминологии такое сочетание изменяется и в «Словаре лингвистических терминов» встречается двусоставная конструкция «*ударение силовое*» [Ахманова, 2010: 482].

Наименование второго надстрочного знака у А.А.Барсова тоже представлено в виде синонимичного ряда — *краткая, или слитная*. Другие надстрочные знаки, употреблявшиеся в церковных книгах, как то *титла, словотитла, апостроф, кавыка, ерок*, он относил к разряду «ненужных». В подкатегории строчных знаков А.А.Барсов также выделяет восемь терминологических единиц, функционально совпадающих с классификацией М.В.Ломоносова, но частично различающихся по наименованиям терминов. Наименования терминологических единиц у А.А.Барсова в сравнении с классификацией М.В.Ломоносова обладают более пространной формулировкой, состоящей из синонимичного ряда, представленного разными по своей структуре словосочетаниями: предложно-падежная конструкция + (имя существительное + имя прилагательное) — *точка с запятой, или знак полученный*. Кроме того просматривается упрощение формальной структуры терминологического словосочетания путем сложения основ

составляющих его слов с получением однословной производной конструкции *двоеточие*. Также в соответствии с заявленной классификацией А.А.Барсов называет *вопросительный, удивительный и востительный знаки просодиями*.

Примечательно, что и у М.В.Ломоносова, и у А.А.Барсова «*единитный знакъ*» (*дефис*) включался в число строчных знаков. Н.И.Греч относит *черточку (дефис)* к знакам препинания, однако уже не в основные группы, согласно его классификации, а во вспомогательные знаки, которые используются только в случае недостаточности прочих знаков препинания. В «Учебнике русской грамматики» Ф.И.Буслаева *единительный знак* уже не входит в число знаков препинания. Наименование данного знака представляет собой синонимичный ряд, состоящий из двухкомпонентной конструкции «имя прилагательное + имя существительное» (*единительный знак*) и производного имени существительного (*черточка*). На современном этапе развития лингвистики дефис также не включается в состав знаков препинания, поскольку орфограмма «дефисное написание» относится к орфографии. Сравните: «Дефис — знак в виде короткой горизонтальной черты, употребляемый в некоторых типах слов и словосочетаний» [Ахманова, 2010: 130].

К знакам препинания А.А.Барсов относит также *вносный знак, примечательный знак, статейный знак, или параграф и молчанку*. Знак препинания *молчанка (тире)* был впервые зафиксирован именно в «Русской грамматике» А.А.Барсова, а употребляться в русской печати начал с конца 60-х гг. XVIII в. Б.С.Шварцкопф отмечает, что согласно исследованиям В.Ф.Ивановой Н.М.Карамзин не являлся изобретателем тире, а только способствовал популярности и закреплению функций тире. А.Б.Шапиро в 1955 г. в качестве самостоятельного парного знака препинания впервые отметил знак *двойное тире (два тире)* [Шварцкопф, 1997: 562].

Наряду с названиями терминов в грамматиках присутствует их классификация по различным основаниям. У М.В.Ломоносова и А.А.Барсова еще нет ярко выраженной классификации знаков пунктуации.

А.Х.Востоков не называет принципы своей классификации. Представленные в «Русской грамматике» А.Х.Востокова знаки

препинания отличаются от предыдущих грамматик количественной характеристикой — десять знаков препинания. Лингвистом дается градация знаков препинания в порядке возрастания паузы, которую они выражают, а затем уже перечисляются остальные знаки, как то: *знак вопросительный, знак удивительный* и так далее. В порядке изложения знаков препинания можно проследить определенную взаимосвязь между смысловой характеристикой знака и порядковым местом, которое он занимает в общем перечислении: «запятая, показывающая кратчайшую остановку голоса. Точка съ запятою, показывающая остановку вдвое долѣе запятой» [Востоков, 1874: 168]. Таким образом, из порядка перечисления знаков препинания можно сделать вывод, что они расположены в порядке возрастания длительности остановок голоса.

У Н.И.Греча в «Практической русской грамматике» представлена уже сложившаяся классификация знаков препинания, основанная на грамматической связи или разности между предложениями и их частями.

В зависимости от выполняемой ими функции в предложении знаки делятся на: *разделительные* знаки препинания, *определятельные* и *вспомогательные*. Первые два подраздела можно определить как основные, а третий подраздел — вспомогательные знаки препинания — как второстепенный, призванный способствовать отражению грамматической связи в предложениях в тех случаях, когда разделительных и определятельных знаков оказывается недостаточно.

Если у А.Х.Востокова градация знаков препинания представлена по принципу возрастания, то у Н.И.Греча — по принципу понижения, однако система расположения знаков препинания остается одинаковой — по длительности остановок голоса. Сравните: «точка означает совершенное окончание повѣствовательнаго предложія или періода. Двоеточіе означает средину, или пунктъ соединенія двухъ частей многосложнаго періода» [Греч, 1834: 513]. Н.И.Греч обосновывает принцип расположения знаков препинания их взаимным соотношением: «...точкой оканчиваются періоды и предложія, раздѣленные меньшими знаками; двоѣточіемъ раздѣляются члены періодовъ» [Греч, 1834: 513].

Н.И.Греч не подразделяет знаки пунктуации на строчные и надстрочные знаки, поскольку придерживается иных принципов классификации знаков препинания. Однако и у него можно встретить структурный элемент, выраженный относительным прилагательным «надстрочный» в терминологическом словосочетании *надстрочное двоеточие*, где «надстрочный» носит уточняющее значение, конкретизируя дефиницию термина.

Ф.И.Буслаев основывает деление знаков препинания на грамматическом разборе предложения. В соответствии с этим положением ученый выделяет две категории знаков: 1) способствующие ясности в изложении посредством отделения одного предложения от другого или одной части предложения от другой, и 2) выражающих ощущение говорящего и его отношение к слушающему. К первой категории знаков препинания относятся запятая, точка с запятой, двоеточие и точка; ко второй категории — знаки восклицательный и вопросительный. Существуют также знаки препинания, относящиеся к обеим категориям — многоточие и тире. Также Ф.И.Буслаев выделяет категорию вспомогательных знаков, однако, в отличие от Н.И.Греча, у которого вспомогательные знаки представлены группой из девяти терминологических наименований, ученый включает в данную категорию всего два — *скобки* и *вносные знаки, или кавычки*. *Тире* и *многоточие*, включенные Н.И.Гречем в группу вспомогательных знаков, у Ф.И.Буслаева уже позиционируются как знаки препинания основных категорий [Буслаев, 1896: 133].

Можно согласиться с высказыванием А.Б.Шапира, сделанным в 1955 г.: «как система правил она (пунктуация) освещалась преимущественно в трудах по грамматике (М.В.Ломоносова, А.А.Барсова, А.Х.Востокова, Ф.И.Буслаева и др.)» [Шапиро, 1955: 3].

В «Российской грамматике» М.В.Ломоносова порядок расположения строчных знаков при простом перечислении в начале главы «О знаках» не совпадает с порядком расположения этих же знаков препинания в главе «О правописании», где автор поместил правила расстановки строчных знаков.

Правила употребления знаков препинания у М.В.Ломоносова отличаются краткой формулировкой и наличием одного примера употребления строчного знака на каждое правило.

А.А.Барсов представляет более развернутую, по сравнению с М.В.Ломоносовым, формулировку правил употребления знаков препинания. Сравните: у М.В.Ломоносова точка с запятой различает члены периода. У А.А.Барсова точка с запятой показывает или сопротивление двух членов в одном периоде, или продолжение нескольких членов в одной половине периода. Увеличение числа условий употребления того или иного строчного знака осуществляется посредством введения уточняющих элементов «какъ то», «или ... или», «особливо». А.А.Барсов иллюстрирует применение каждого правила употребления знаков препинания несколькими примерами.

При сравнении формулировок правил использования знаков препинания, представленных в «Российских грамматиках» М.В.Ломоносова и А.А.Барсова, были выявлены противоположные условия, при которых используется строчной знак. Сравните: М.В.Ломоносов в условия, при которых ставятся «две точки», включает *речи вносные*. А.А.Барсов, при совпадении других условий, разрешающих постановку двоеточия, *речи вносные* исключает: «...но не долгія рѣчи, какъ то свидѣтельства и проч. которыя называются вносными рѣчами» [Барсов, 1981: 75].

В «Российской грамматике» А.А.Барсова при перечислении строчных знаков представлены две группы: 1) строчные знаки, наименование которых состоит из одного термина, и 2) строчные знаки, наименование которых состоит из синонимичного ряда терминов. При формулировке правил лингвист выбирает из двух возможных наименований термина только одно, в соответствии со своей классификацией знаков препинания — вместо полного наименования *вопросительная просодия, или знак вопросительный* употребляет сокращенное наименование *вопросительная*. Присматривается также другая тенденция, когда знак препинания, название которого заявлено как однословное, при перечислении условий постановки приобретает и дополнительное, иноязычное название. Так, при перечислении строчных знаков употребляется русский термин *молчанка*, а в параграфе, посвященном правилам постановки этого строчного знака, к термину *молчанка* добавляется иноязычный термин *Pausa*. Возникает синонимичный ряд терминов по модели «русский термин — иноязычный термин».

При формулировке правила употребления *вопросительной просодии* А.А.Барсов указывает также условия, при которых данный строчный знак не ставится. Употребленные в правиле уточняющие конструкции *прямое вопрошение* и *косвенное вопрошение* позволяют выделить в рамках «вопросительной просодии» прямой вопрос, при котором ставится вопросительный знак, и косвенный вопрос, при котором вопросительный знак отсутствует, а вопрос выражается другими средствами языка.

Отдельно можно выделить в «Российской грамматике» правила постановки *статейного знака*, в которые помимо условий постановки знака препинания включена дефиниция термина.

Следует также отметить, что А.А.Барсов много внимания уделял интонации, или выразительному, эмоциональному ударению. Теоретические сведения о зависимости от «грамматического выражения» наличествуют в «Российской грамматике» не только в разделе, в котором рассматривается порядок слов в предложении, но и в характеристиках некоторых знаков препинания, например, *молчанке*: «Молчанка (Pausa) начатую рѣчь прерываетъ, либо совсѣмъ, либо на малое время, для выраженія жестокой страсти, либо для приготовленія читателя къ какому нибудь чрезвычайному и неожиданному слову или дѣйствию въ послѣдствіи...» [Барсов, 1981: 76].

А.Х.Востоков в «Русской грамматике» детально рассматривает условия постановки знаков препинания. Вследствие этого увеличивается количество условий, при которых ставятся знаки препинания. Представленные в «Русской грамматике» правила постановки с указаниями значений сочетаний глагольных форм послужили в дальнейшем основой для научных исследований лингвистом, в том числе и в XX в. Например, Н.Ю.Шведова в своей статье «Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке» отмечает, что некоторые значения глагольных форм, из числа рассматриваемых ей, были отражены в научном труде А.Х.Востокова при описании знака мыслетделительного» [Шведова, 1955: 256].

Случаям употребления каждого строчного знака А.Х.Востоков отводит отдельный параграф. Исключение составляют знаки вопросительный и удивительный, условия постановки которых

объединены в единый параграф. Причина такого объединения заключается в общности условий употребления — и вопросительный знак, и удивительный знак ставятся вместо точки. Выбор строчных знаков зависит от типа предложения по цели высказывания.

В примечании к параграфу, в котором изложены правила постановки строчного знака *точка*, говорится, что «точку» нужно отличать от *словосократительной точки*. Различие между этими двумя знаками заключается уже в том, что «точка» относится к знакам пунктуации, а «словосократительная точка» — к знакам правописания.

Точку при сокращении слов выделяет также и Н.И.Греч. В «Практической русской грамматике» этот знак препинания не выделяется в качестве подвида точки, как у А.Х.Востокова, и упоминается в примечании к параграфу с правилами употребления точки [Греч, 1834: 512].

Н.И.Греч в «Практической русской грамматике» также перечисляет условия, при которых ставятся знаки препинания. Особенность заключается в том, что для разделительных знаков лингвист дает сначала краткую формулировку правила употребления, а затем более подробно уделяет каждому строчному знаку несколько параграфов.

У Н.И.Греча, так же как и у А.А.Барсова, можно встретить единичный случай введения дополнительного наименования строчного знака при перечислении условий употребления этого строчного знака. У А.А.Барсова таким знаком является *молчанка (Pausa)*, у Н.И.Греча — *двоеточие (малая точка)*. В параграфе с перечислением условий употребления *двоеточия* лингвист вводит дополнительный термин *малая точка*. Конкретизирующее значение конструкции заключено в определяющем элементе, выраженном качественным прилагательным «малая». Двухкомпонентный термин *малая точка* употребляется только один раз, в начале параграфа. Далее, а также при перечислении строчных знаков препинания в начале главы «О знаках препинания» Н.И.Греч использует только однословный термин *двоеточие*.

Ф.И.Буслаев определяет правила употребления знаков препинания в соответствии с риторическим разбором периодической и отрывистой речи. Лингвист уточняет, что эти правила относятся

только к строчным знакам точка, двоеточие, точка с запятой и запятая. Все вышеперечисленные строчные знаки входят в группу знаков препинания, способствующих ясности изложения мысли. Правилам употребления каждого из этих знаков автор выделяет отдельный параграф. Правила употребления строчных знаков, выражающих ощущения говорящего, а также строчных знаков, входящих в обе группы, объединены Ф.И.Буслаевым в один параграф. Формулировка правил употребления знаков вопросительного и восклицательного, а также скобок, кавычек и тире отличается краткостью. Также в параграфе отсутствуют примеры, за исключением иллюстрации случая употребления вопросительного и восклицательного знаков.

В современной лингвистике пунктуация не входит в раздел синтаксиса, и является самостоятельным «собранием правил постановки знаков препинания» [Розенталь и Теленкова, 1972: 321].

Таким образом, М.В.Ломоносов в «Российской грамматике» разработал общую теоретическую основу пунктуации, определил значение знаков препинания и общие правила их употребления. Кроме того, он сформулировал основной принцип расстановки знаков препинания — в соответствии со смысловой и структурной сторонами речи.

А.А.Барсов в «Российской грамматике» расширяет теоретическую часть учения о пунктуационных знаках, в том числе вводит терминологические наименования для знаков пунктуации, ранее не обладавших таковыми, а также предлагает в тексте грамматики более развернутые формулировки правил использования знаков препинания.

А.Х.Востоков, Н.И.Греч и Ф.И.Буслаев подводят определенные итоги изысканиям предшествующих авторов и представляют подробные характеристики значений знаков препинания, правила их расстановки, а также классифицируют знаки препинания по различным основаниям.

В российских грамматиках первой половины XIX в. происходит процесс формирования теоретической основы учения о знаках препинания. Авторы грамматик исследуют дефиниции терминов, обозначающих знаки препинания, характеристики их значений, правила расстановки знаков препинания, а также приводят классификации знаков препинания по различным основаниям.

4.3. Термин «порядок слов»

Уже в российских грамматиках первой половины XIX в. рассматривался вопрос о расположении слов в предложении.

А.А.Барсов в «Российской грамматике» использует понятие *порядок*. Оно определяет правила расположения слов в предложении, а также углубляет и усложняет анализ предложения, помогает понять взаимосвязь смысла одного и того же предложения и эмоционального и логического ударения на определенном слове в составе предложения.

Встречающиеся в тексте грамматики словосочетания *общий, или естественный порядок* и *особенный или свободный порядок* носят конкретизирующий характер. Конструкция *общий, или естественный порядок* по своей дефиниции связана с логическим расположением понятий.

В «Российской грамматике» А.А.Барсова встречается словосочетание, по своей дефиниции связанное с логическим расположением свойственных человеку мыслей. Конструкция *общий словосочинения порядок* представляет собой сложное словосочетание с разными видами связи: общий порядок (согласование) и словосочинения порядок (управление). С понятием *общий словосочинения порядок* связано понятие *обратный порядок*, которое носит конкретизирующий характер, поскольку относится к одному виду связи слов в предложении — управлению. А.А.Барсов не дает в грамматике определения данного понятия, но приведенные в тексте примеры позволяют сделать вывод о семантике понятия *обратный порядок*. В словосочетаниях со связью управление при обратном порядке слов определяющее слово предшествует определяемому слову.

Во введении к пятой части «О словосочинении» А.А.Барсов говорит о том, что «подлежащее по строгости логической полагается по наибольшей части прежде сказуемого» [Барсов, 1981: 155—156]. В соответствии с данным утверждением порядок расположения слов в предложении следующий:

- 1) подлежащее;
- 2) сказуемое.

В тексте «Российской грамматики» встречается случай частичной замены состава конструкции — вместо сочетания *общий*

или естественный порядок лингвист использует сочетание «общий или логический порядок». Прилагательное *естественный* заменяется прилагательным *логический* при сравнении двух порядков расположения слов в предложении. Замена одного из определяющих элементов словосочетания позволяет акцентировать внимание на семантической характеристике конструкции. Объяснение структурных элементов словосочетания *общий, или естественный порядок* приводится автором в тексте. *Естественным* порядок назван потому, что основывается на естественных, свойственных человеку мыслях, а *общим* — потому что употребляется во всех языках.

Специализированное выражение *особенный или свободный порядок* употребляется в том случае, когда порядок расположения слов в предложении противоположен «общему или логическому порядку». «Особенный или свободный <порядок>, всегда или часто употребляемый собственно в каком языке, как на пр. в российском прилагательное по большей части // поставляется прежде своего существительного» [Барсов, 1981: 163].

Также в тесной связи с вопросом о порядке слов в научном труде А.А.Барсова рассматривается вопрос о *выразительном, или эмоциональном (эмфатическом) ударе*нии: «Что в речении двусложном или многосложном сила или ударение, то самое в целом предложении, из двух или более слов состоящем, есть выражение грамматическое (Emphasis grammatica), т.е. произнесение одного речения несколько возвышенным голосом, перед прочими в том же предложении находящимися речениями» [Барсов, 1981: 163].

А.Х.Востоков в Прибавлении ко второй части «Русской грамматики» говорит о *размещении* слов, т.е. показании «порядка, в каком должны стоять слова, составляюща предложение» [Востоков, 1874: 173]. Лингвист относит сюда правила:

I. О порядке главных частей предложения и их связей.

II. О размещении слов определительных и дополнительных [Там же].

Автор «Русской грамматики» рассматривает правила размещения слов, т.е. порядок слов, в зависимости от типа простого предложения: повествовательного, повелительного, вопросительного

и ответного. А.Х.Востоков отмечает, что каждый из вышеперечисленных типов простого предложения отличается интонационно и структурно.

В тексте грамматики встречается понятие *естественный порядок слов*, однако его употребление носит единичный характер. Трехкомпонентное словосочетание *естественный порядок слов* представляет собой субстантивное словосочетание с регрессивным порядком слов. Словосочетание построено по модели: прил. + сущ. + сущ., в которой основное, двухкомпонентное словосочетание *порядок слов* состоит из ядерного элемента, выраженного именем существительным, и вспомогательного, определяющего элемента, выраженного также именем существительным. Дифференцирующий компонент понятия, выраженный именем прилагательным, носит ограничительный характер и указывает на качество конкретного порядка слов.

А.Х.Востоков использует для формулировки правил структурного построения предложений, а также для формулировки подзаголовков глагол *размещать* в личных формах и производные имена существительные *размещение* и *помещение* (в значении «действие по значению глагола поместить — помещать») [Словарь русского языка, 1999. Т. 3: 283]. Неоднократное использование глаголов и имен существительных со значением «распределения, расположения по местам» согласуется с названием главы — «О размещении слов».

Н.И.Греч в «Практической русской грамматике» объединяет понятия *порядок* и *размещение* и считает их синонимами, поскольку имена существительные в конструкции «О порядке, или размещении слов» разделены запятой. Лингвист расширяет рамки понятия *порядок* и совмещает в одной главе описание порядка слов в предложении и порядка предложений в периодах.

Н.И.Греч использует двухкомпонентный термин *порядок слов*. Автор выделяет два типа порядка слов в предложении: *естественный, или первоначальный порядок* и *измененный порядок*. Основной характеристикой лексического значения словосочетания *естественный, или первоначальный порядок* является прилагательное *естественный*, т.е. основанный на естественном ходе мыслей [Греч, 1834: 389]. *Измененный порядок* понимается автором «Практической русской грамматики» как изменение

«первоначального порядка». А.А.Барсов и А.Х.Востоков определяют отклонения в установленном порядке расположения слов в предложении как противоречие сформировавшимся правилам. Н.И.Греч конкретизирует смысл изменений порядка слов — «измененный порядок» «сообразуется съ различными движеніями души говорящаго, коими измѣняется порядокъ естественный» [Греч, 1834: 389].

Ф.И.Буслаев, так же как и Н.И.Греч, использует термин-словосочетание *порядок слов*. Этот термин употребляется лингвистом только в названии главы. В тексте же главы автор оперирует понятием *расположение слов* и приводит порядок расположения слов в простом предложении. Изменения указанного порядка сопровождаются примерами предложений и пояснениями цели внесения данных изменений. В «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с образцами грамматического разбора» Ф.И.Буслаев не использует конструкции, аналогичные конструкциям «естественный порядок слов» и «особенный порядок слов». Изменения общего порядка расположения слов лингвист определяет как «превращение этого порядка» и не применяет для наименования данных изменений отдельных словообразовательных конструкций.

В настоящее время в лингвистике под термином *порядок слов* понимается определенное расположение слов в предложении или синтаксической группе. По словам Г.А.Золотовой, «порядок слов является важнейшим средством организации структурно-семантической целостности текста» [Золотова, 1979: 59].

Различают несколько структурных типов порядка слов:

- 1) прогрессивный, или последовательный;
- 2) регрессивный;
- 3) контактный;
- 4) дистантный;
- 5) свободный;
- 6) связанный;
- 7) объективный;
- 8) субъективный;
- 9) прямой;
- 10) обратный [Гак, 1998: 388].

В современной историко-лингвистической науке сложилась традиция связывать возникновение учения об актуальном членении предложения с работой А.Вейля «О порядке слов» (1844 г.) [Даниленко, 1990: 82—89].

Таким образом, авторы российских грамматик первой половины XIX в. в своих научных трудах большое внимание уделяли вопросу порядка расположения слов в предложении, а также предложений в составе периода. При описании местоположения главных и второстепенных частей предложения А.А.Барсов использует понятие *порядок*, А.Х.Востоков говорит о *размещении слов*, а Н.И.Греч и Ф.И.Буслаев употребляют термин-словосочетание *порядок слов*. Deskриптором конструкций *естественный/логический/первоначальный порядок слов* является прилагательное *естественный*, присутствующее во всех перечисленных словосочетаниях. Deskриптором конструкций *особенный или свободный порядок* и *измененный порядок* является прилагательное *иной*, т.е. отличный от естественного. Типы порядка слов, представленные в российских грамматиках, можно соотнести с *прямым* и *обратным* порядком слов, которые выделяются в современном языкознании.

4.4. Термины «образного синтаксиса»

Грамматики русского языка первой половины XIX в. (А.А.Барсова, Н.И.Греча) очень кратко касаются вопроса *образного синтаксиса*. Так, А.А.Барсов в своей «Российской грамматике» лишь слегка затрагивает феномен *фигур синтаксических*, которые «называются образы, а употребление их в речи — словосочинение образное» [Барсов, 1981: 165].

«Классическая риторика разработала разветвленную классификацию фигур. Термин *фигура* был впервые употреблен Анаксименом из Лампасака (IV в. до н.э.). Вопрос был тщательно разработан Аристотелем, ученики которого (в особенности Деметрий Фалерский) ввели разделение на *фигуры речи* и *фигуры мысли*. «В дальнейшем система фигур неоднократно рассматривалась античными, средневековыми и авторами эпохи классицизма и достигла большой сложности» [Лотман, 1992: 172].

Фигура являлась основным объектом раздела риторики, рассматривавшим «поэтическую» семантику. В настоящее время в науке существует множество классификаций фигур. Формальный классификационный признак соотносительности фигур с различными уровнями языка, в том числе с синтаксическим уровнем, и определяет наш интерес к указанным грамматическим конструкциям.

С точки зрения семантики логично рассмотреть термины, представленные в грамматиках А.А.Барсова и Н.И.Греча, основываясь на классификации Ю.М.Скребнева, который, понимая под фигурами речи (в узком смысле) синтагматически образуемые средства выразительности, подразделяет фигуры речи на семантические и синтаксические. Синтаксические фигуры речи в свою очередь делятся на **фигуры убавления** (эллипсис, асиндетон и т.д.) и **фигуры добавления** (повтор, полисиндетон и т.д.) [Скребнев, 1975: 57].

Термин, называющий изменения в составе предложения, отступления от общих синтаксических правил, представлен двухкомпонентными конструкциями. Сравните: Н.И.Греч — **фигуры словосочинения**, А.А.Барсов — **фигуры синтаксические**. Слова-уточнители, присоединенные к однословному термину **фигуры**, конкретизируют его значение, одновременно акцентируя внимание на точке зрения, с которой автором грамматики рассматриваются виды фигур. Подтверждение этому можно найти в дефиниции терминов. Если Н.И.Греч под фигурами словосочинения понимает «измѣненія обыкновеннаго изложенія или расположенія *рѣчи*, для яснѣйшаго или сильнѣйшаго выраженія заключающагося въ ней смысла» [Греч, 1834: 318], то А.А.Барсов — некоторое отступление «иногда отъ простыхъ и общихъ *правиль синтактическихъ*; именно жъ когда какое нибудь слово (для сокращенія, украшенія, или большаго подтвержденія) пропущено или излишне приложено, или въ чемъ переменено будетъ» [Барсов, 1981: 164].

Наряду с термином **фигуры синтаксические** А.А.Барсов употребляет его абсолютный синоним — **образное словосочинение**. Синонимичность этих терминов подчеркивается автором в примечании к введению пятой части «О словосочинении» Московского

списка А «Российской грамматики»: «Нужнѣйшія изъ сихъ фигуръ или образъ» [Барсов, 1981: 165]. Заметим, что лексема «образ» со значением «оборот с нарушениями правил синтаксической связи» встречается уже в тексте статьи из «Изборника» Святослава 1073 г. «Об образехъ» [Рупосова, 2008: 85]. В качестве подобного абсолютного синонима к термину «фигуры синтаксические» у Н.И.Греча в «Практической русской грамматике» встречается двусловный термин «фигуры грамматические».

А.А.Барсов и Н.И.Греч ограничиваются рассмотрением определенного ряда терминов, уточняя, что в грамматиках приведены не все фигуры словосочинения, а только часть, что подчеркивается использованием имен прилагательных в превосходной степени при характеристике фигур: «главнѣйшія», «нужнѣйшія» и «употребительнѣйшія». Число рассматриваемых фигур в грамматиках различно: Н.И.Греч, относящий к фигурам словосочинения только те изменения, которые происходят во всех предложениях, в противовес изменениям особенным, происходящим в зависимости от выражения предложений, выделяет четыре фигуры: опущение, тождество, отступление, извращение порядка слов [Греч, 1834: 518]. Последняя фигура рассматривается Н.И.Гречем отдельно, не в главе «Изменения в составе предложения», а в главе «О порядке слов». А.А.Барсов выделяет среди фигур словосочинения несколько большее их количество: *умолчаніе, избыточество, слияніе, сложеніе, осяженіе* и некоторые им подчиненные, *какъ то сопряженіе, бессоюзіе, многосоюзіе и превращеніе*.

Такое различие в количестве рассматриваемых фигур отчасти может быть объяснено тем, что Н.И.Греч *бессоюзіе* и *многосоюзіе* считает не фигурами словосочинения, а лишь способами выражения фигур *опущеніе* и *тождество*. А.А.Барсов же выделяет *бессоюзіе* и *многосоюзіе* в качестве подвидов *умолчания* и *избыточества* [Барсов, 1981: 239—240].

Фигуры словосочинения, перечисленные Н.И.Гречем и А.А.Барсовым, можно разделить на две основные группы:

1. фигуры, рассматриваемые обоими авторами;
2. фигуры, выделяемые только А.А.Барсовым в «Российской грамматике».

Фигуры первой группы представляют собой соотносимые синонимичные ряды простых терминов, выраженных именами существительными, построенные, однако, по различным моделям: у А.А.Барсова — «русский термин — иноязычный термин», у Н.И.Греча — «русский термин — иноязычный термин в русской огласовке». Сравните: *Умолчание (Ellipsis)* (А.А.Барсов) и *Опущение (эллипсис)* (Н.И.Греч).

Ко второй группе относятся фигуры *сопряжения, слияния* (подвид — превращение) и сложения, рассматриваемые только в «Российской грамматике».

В соответствии с количественной классификацией фигур речи Ю.М.Скробнева к *фигурам убавления* относятся *умолчание/опущение и бессоюзие*, а к *фигурам добавления* — *избыточество/тождество и многосоюзие*.

Различие просматривается в наименовании терминов, выражающих одинаковые понятия. Так, пропуск или отсутствие главных, необходимых частей предложения Н.И.Греч называет *опущением (эллипсисом)*, а А.А. Буслаев — *умолчанием (Ellipsis)*.

Различия наблюдаются также в дефинициях этих терминов: А.А.Барсов указывает, что при умолчании может быть опущена любая из восьми частей речи: имя существительное, местоимение, глагол, причастие, предлог, наречие, союз [Барсов, 1981: 239]. (В примечании в «Российской грамматике» в качестве восьмой части речи перечислены союзы сопричастительные).

Н.И.Греч делает акцент не на части речи, а простом перечислении частей, которые могут быть пропущены: связка глагола *быть*, употребленная в настоящем времени; имя существительное при имени прилагательном; личное местоимение при глаголах настоящего и будущего времени и глаголах повелительного наклонения; пропуск глагола в ситуации, когда он уже выражен падежом подлежащего и сказуемого.

Таким образом, рассмотренные в «Российской грамматике» А.А.Барсова и «Практической русской грамматике» Н.И.Греча основные термины *образного синтаксиса* представляют собой однословные термины, выраженные именем существительным. Наблюдается определенное различие в классификации по родовидовым отношениям конкретных конструкций. Так, Н.И.Греч определяет ряд рассматриваемых им понятий *образного синтаксиса*,

таких как опущение и многосоюзие, не как самостоятельные фигуры словосочинения, а как способы выражения других грамматических фигур.

Конструкции, называющие фигуры словосочинения представляют собой симметричные синонимичные ряды терминов, поскольку состоят из одинакового количества компонентов.

Таким образом, в научных трудах российских лингвистов начала XIX в. находят свое отражение логические категории, рассматриваемые авторами грамматик с точки зрения соотнесения этих категорий с областью синтаксиса.

Общая теоретическая основа пунктуации была разработана М.В.Ломоносовым в «Российской грамматике». Его последователь А.А.Барсов расширяет и углубляет теоретическую часть учения о знаках препинания, а А.Х.Востоков, Н.И.Греч и Ф.И.Буслаев, подводя своеобразный промежуточный итог рассмотрению знаков препинания, систематизируют и классифицируют сведения о пунктуации.

В рассматриваемых грамматиках авторы очень мало внимания уделяют изучению *образного синтаксиса* или *фигур синтаксических*, выделяя лишь основные понятия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Терминология в качестве научной дисциплины зародилась в XX в., после Первой мировой войны. Первоначально возникло два крупных центра, занимающихся изучением терминологии — в Австрии и СССР. Постепенно сформировались терминологические школы. В настоящее время особенно известны три из них: Канадская, Венская и Русская терминологические школы.

В современной терминологии существует несколько вопросов, по которым до настоящего времени ведется дискуссия:

- 1) терминология в контексте литературного языка;
- 2) «узкое» и «широкое» понимание терминологии в границах самой дисциплины;
- 3) параметры характеристики терминологии.

Не менее бурное обсуждение вызывают и некоторые вопросы, касающиеся терминов:

- 1) пути образования терминов;
- 2) момент, после которого можно говорить о появлении терминов в различных областях науки, и связанные с этим вопросом параметры, по которым можно определить, что то или иное слово уже является термином, например, наличие дефиниции синтетического или аналитического типов.

Ученые сходятся во мнении, что периодом наибольшего появления терминов в науке является период формирования языка науки, а также период формирования ее отдельных отраслей. У самого термина существует множество дефиниций, которые зависят от того, с каких именно позиций рассматривается термин в его связи с понятием.

Существуют классификации терминов по различным основаниям: структурные, семантические, одноуровневые, многоуровневые.

В сфере терминологии происходят такие же лексикологические процессы, что и в общелитературном языке, однако они имеют свою специфику в силу того, что термин является специализированным словом или словосочетанием.

В конце XVIII — первой половине XIX вв., начиная с «Российской грамматики» М.В.Ломоносова, российские лингвисты

стремятся систематизировать весь теоретический материал в разных областях языка и создать свою грамматическую традицию. Позднее всего формируется синтаксис, поскольку эта область языка долго время рассматривалась в рамках логики, а само понятие синтаксиса было неясным.

Основу русского синтаксиса заложил М.В.Ломоносов в своем научном труде «Российская грамматика». А.А.Барсов в «Российской грамматике» углубил и расширил область изучаемого синтаксиса, добавив к учению о словосочетании учение о предложении. А.Х.Востоков в своей научной лингвистической деятельности продолжает изучение синтаксиса. Н.И.Греч не только продолжил рассмотрение учения о предложении, но и сделал предложение в своих лингвистических трудах основным предметом изучения. Последний из рассматриваемых лингвистов — Ф.И.Буслаев — в лингвистических трудах подводит некоторый промежуточный итог изучению русского синтаксиса.

При сравнительном анализе терминов и понятий синтаксической терминологии, зафиксированных в «Российской грамматике» М.В.Ломоносова, «Российской грамматике» А.А.Барсова, «Русской грамматике Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенной», «Практической русской грамматике» Н.И.Греча и «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора» Ф.И.Буслаева, а также при сопоставлении изученных терминов и понятий с терминами, называющими соответствующие понятия, зафиксированные в «Русской грамматике-80», было выявлено, что в «Российской грамматике» А.А.Барсова термины и понятия синтаксической терминологии представлены в двух вариантах: русскоязычном и иностранном. Первоначально автором приводится полный вариант термина, содержащий как русскоязычный компонент, так и иноязычную часть. Далее в тексте грамматики термины употребляются преимущественно в своем эллиптическом варианте с указанием только русскоязычной части термина. В последующих рассматриваемых грамматиках количество подобных двойственных по наименованию терминов резко снижается и проявляется только в единичных случаях.

В исследуемых грамматиках конца XVIII — первой половины XIX вв. впервые зафиксированы термины синтаксиса, вошедшие в русскую лингвистическую терминологию и закрепившиеся в ней. Например, в «Российской грамматике» А.А.Барсова впервые встречаются термины *грамматическое подлежащее, логическое подлежащее, грамматическое сказуемое, логическое сказуемое, сложное предложение*; в научных лингвистических трудах А.Х.Востокова и Н.И.Греча впервые употреблены термины *слова определительные (определение)* и *слова дополнительные (дополнение)*; в «Учебнике русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора» Ф.И.Буслаева впервые встречается термин *обстоятельство*.

В грамматиках А.А.Барсова, А.Х.Востокова, Н.И.Греча и Ф.И.Буслаева среди терминов-словосочетаний преобладают термины с наиболее простой структурной организацией — двухкомпонентные словосочетания, состоящие из основного, ядерного элемента, выраженного, как правило, именем существительным в именительном падеже, и вспомогательного, определяющего элемента. При первоначальном употреблении или при изложении лексического значения термина термины-словосочетания, составленные по модели *сущ. + прил.*, имеют последовательный порядок, очевидно, с целью акцентировать внимание на уточняющем элементе словосочетания, например: *члены второстепенные, слова определительные*. В последующем упоминании в тексте грамматик возможно двойное употребление подобных терминов — как с последовательным, так и с регрессивным порядком слов.

В рассматриваемых грамматиках можно выделить ряд понятий и терминов, встречающихся у всех изучаемых авторов, которые совпадают по своему терминологическому наименованию и/или дефиниции. К названным понятиям и терминам относятся основополагающие понятия и термины синтаксиса, такие как *синтаксис, предложение, подлежащее, сказуемое* и ряд других.

Для понимания логики развития терминологической системы русского языка существенным представляется тот факт, что в «Русской грамматике-80» нашли свое отражение русские или русскоязычные варианты понятий и терминов, зафиксированных

в российских грамматиках конца XVIII — первой половины XIX вв.

Таким образом, можно утверждать, что анализируемые лингвистические труды сыграли значительную роль в становлении и развитии лингвистической терминологии в целом и синтаксической терминологии в частности, заложив основу для дальнейшего развития терминосистемы русистики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амирова Т.А. Из истории лингвистики XX века: Учеб. пособие [Текст] / Т.А.Амирова. — М.: ЧеРо, 1999. — 106 с.
2. Амирова Т.А. и др. История языкознания: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / Т.А.Амирова, Б.А.Ольховиков, Ю.В.Рожественский; Под ред. С.Ф.Гончаренко. — М.: Академия, 2003. — 972 с.
3. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие [Текст] / И.В.Арнольд. — М.: Высшая школа, 1991. — 140 с.
4. Арчаков Р.А. Когнитивные механизмы категоризации предметных детонатов в русском языке [Текст] / Р.А.Арчаков // Вестн. Пятигорск. лингвистического ун-та. — Пятигорск: Центр информационных и образовательных технологий ПГЛУ, 2010. — № 4. — С. 9—12.
5. Белінский В.Г. Полное собрание сочинений В.Г.Бѣлинскаго [Текст] / Подъ редакцію и съ примѣчаніями С.А.Венгерова. Въ двѣнадцати томахъ. Томъ IX. — С.-Петербургъ: типографія М.М.Стасюлевича, 1910. — 521 с.
6. Березин Ф.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов [Текст] / Ф.М.Березин. — М.: Высшая школа, 1975. — 304 с.
7. Бесекирска Л. К вопросу об определении термина [Текст] / Л.Бесекирска // Терминоведение / Под ред. В.А.Татарина. — М.: Московский Лицей, 1996. — Вып. 1—3. — С. 33—38.
8. Билярскій П.С. Сколько главныхъ частей въ предложеніи? (опытъ критической оцѣнки успѣховъ русской грамматики) [Текст] / П.С.Билярскій // Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. — С.-Петербург: Типографія Императорской академіи наукъ, 1857. Июнь. — С. 266—302.
9. Биржакова Е.Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты [Текст] / Е.Э.Биржакова, Л.А.Войнова, Л.Л.Кутина. — Л.: Наука, 1972. — 431 с.
10. Блумфилд Л. Язык [Текст] / Л.Блумфилд / Под ред. и с предисл. М.М.Гухман; Пер. с англ. Е.С.Кубряковой и В.П.Мурат. — М.: ПРОГРЕСС, 1968. — 609 с.
11. Борхвальдт О.В. Русская терминография в историческом аспекте: Материалы для спецкурса и спецсеминара [Текст] / О.В.Борхвальдт. — Красноярск: Платина, 1998. — 105 с.
12. Будагов Р.А. Введение в науку о языке [Текст] / Р.А.Будагов. — М.: Добросвет-2000, 2003. — 544 с.

13. Будагов Р.А. Введение в науку о языке: Учеб. пособие для филол. ун-тов [Текст] / Р.А.Будагов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1965. — 492 с.
14. Будагов Р.А. Очерки по языкознанию [Текст] / Р.А.Будагов. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — 282 с.
15. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис [Текст] / Л.А.Булаховский. — 2-е изд., испр. — М.: Учпедгиз, 1954. — 468 с.
16. Булич С.К. Очерк истории языкознания в России: XIII—XIX вв. [Текст] / С.К.Булич. — 2-е изд. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 1104 с.
17. Валгина Н.С. Современный русский язык: Учебник [Электронный ресурс] / Н.С.Валгина, Д.Э.Розенталь, М.И.Фомина / Под ред. Н.С.Валгиной. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Логос, 2002. — 528 с. — Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/about.htm>, свободный.
18. Вардуть И.Ф. Основы описательной лингвистики [Текст] / И.Ф.Вардуть. — М.: Наука, 1977. — 350 с.
19. Василенко Т.В. Терминология русских риторик XVIII — начала XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1999. — 26 с.
20. Вильчинский С.С. Термин и общелитературное слово [Текст] / С.С.Вильчинский // Научно-техническая терминология: Научно-технический реферативный сборник. — М.: ВНИИКИ. — Вып. 2. — С. 21—22.
21. Виноградов В.В. Введение [Текст] / В.В.Виноградов // Грамматика русского языка. Синтаксис. Т. 2. Ч. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — С. 5—111.
22. Виноградов В.В. Вступительное слово [Текст] / В.В.Виноградов // Вопросы терминологии. Вопросы всесоюзного терминологического содействия. — М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1961. — С. 3—12.
23. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса [Текст] / В.В.Виноградов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. — 400 с.
24. Виноградов В.В. История русских лингвистических учений: Учеб. пособие [Текст] / Сост. Ю.А.Бельчиков; Предисл. Ю.А.Бельчикова; Вступ. ст. Ю.В.Рождественского. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 2005. — 559 с.
25. Виноградов В.В. История русских лингвистических учений: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов [Текст] / Сост. Ю.А.Бельчиков; Предисл. Ю.В.Рождественского. — М.: Высшая школа, 1978. — 367 с.
26. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В.Виноградов. — М.: Учпедгиз, 1947. — 782 с.

27. Волкова И.Н. Стандартизация научно-технической терминологии [Текст] / И.Н.Волкова. — М.: Изд-во стандартов, 1984. — 200 с.
28. Вюстер Е. Международная стандартизация языка в технике [Текст] / Е.Вюстер / Пер. с нем. и обработка О.И.Богомоловой; Под ред. Э.К.Дрезена, Л.И.Жиркова, А.Ф.Лесокина и М.Ф.Маликова. — Л.; М.: Стандартгиз, 1935. — 302 с.
29. Головин Б.Н. О некоторых проблемах изучения терминов [Текст] / Б.Н.Головин // Вестн. МГУ. Сер. «Филология». — М.: МГУ, 1972. — № 5. — С. 51—54.
30. Головин Б.Н. О некоторых проблемах изучения терминов [Текст] / Б.Н.Головин // Вестн. МГУ. Сер. «Филология». — М., 1972. — № 5. — С. 49—59.
31. Горшкова Т.М. Терминологическое сочетание и синтагматика его компонентов [Текст] / Т.М.Горшкова // Лингвистическая терминология в советском языкознании. — Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1991. — С. 21—22.
32. Гринев С.В. Введение в терминоведение [Текст] / С.В.Гринев. — М.: Московский Лицей, 1993. — 309 с.
33. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / С.В.Гринев-Гриневиц. — М.: Академия, 2008. — 304 с.
34. Даниленко В.П. История русского языкознания. Курс лекций [Текст] / В.П.Даниленко. — 2-е изд., доп. — Иркутск: ИГЛУ, 2003. — 300 с.
35. Даниленко В.П. Лингвистическое изучение терминологии и культуры речи (к постановке вопроса) [Текст] / В.П.Даниленко // Актуальные проблемы культуры речи. — М.: Наука, 1970. — С. 305—325.
36. Даниленко В.П. О месте научной терминологии в лексической системе языка [Текст] / В.П.Даниленко // Вопросы языкознания. — М.: Изд-во АН СССР, 1976. — № 4. — С. 64—71.
37. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания [Текст] / В.П.Даниленко. — М.: Наука, 1977. — 245 с.
38. Даниленко В.П. У истоков учения об актуальном членении предложения (период до Анри Вейля) [Текст] // Филологические науки. — 1990. — Вып. 5. — С. 82—89.
39. Евтюхин В.Б. «Российская Грамматика» М.В.Ломоносова. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/add02.htm>, свободный.
40. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию [Текст] / В.А.Звегинцев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. — 384 с.
41. Звегинцев В.А. Проблема знаковости языка [Текст] / В.А.Звегинцев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. — 34 с.

42. Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста [Текст] // Синтаксис текста. — М.: Наука, 1979.
43. Иноятова Ф.Б. Толкование терминов в трудах Ломоносова [Текст] / Ф.Б.Иноятова // Лингвистическая терминология в советском языкознании. — Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1991. — С. 32—33.
44. Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI — первая половина XIX века: Учеб. пособие для студ. филол. ф-тов высш. пед. учеб. заведений [Текст] / А.М.Камчатнов. — М.: Академия, 2005. — 688 с.
45. Колесов В.В. История русского языкознания: Очерки и этюды [Текст] / В.В.Колесов. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. — 472 с.
46. Колшанский Г.В. Логика и структура языка [Текст] / Г.В.Колшанский // Лингвистическое наследие XX века. — 2-е изд. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 240 с.
47. Кондрашов Н.А. История лингвистических учений: Учеб. пособие [Текст] / Н.А.Кондрашов. — 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. — 224 с.
48. Коршунов С.И. Синонимы в технической терминологии // Изв. АН СССР. Отд-ние технич. наук, 1952. — № 10. — С. 1524.
49. Котелова Н.З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М.: Наука, 1970. — С. 123.
50. Крыжановская А.В. Сопоставительное исследование терминологии современных русского и украинского языков: Проблемы унификации и интеграции [Текст] / А.В.Крыжановская. — Киев: Наукова Думка, 1985. — 204 с.
51. Кузькин Н.П. К вопросу о сущности термина [Текст] / Н.П.Кузькин // Вестн. ЛГУ. Сер. «История языка и литературы». — 1962. — № 20. — Вып. 4. — С. 136—146.
52. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Текст] / Дж.Лайонз / Пер. с англ. языка под ред. и с предисл. В.А.Звегинцева. — М.: ПРОГРЕСС, 1978. — 544 с.
53. Левковская К.А. Именное словообразование в современной немецкой общественно-политической терминологии и примыкающей к ней лексике [Текст] / К.А.Левковская. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 164 с.
54. Лейчик В.М. Предмет, методы и структура терминоведения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1989. — С. 15.
55. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура [Текст] / В.М.Лейчик. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 256 с.

56. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю.М.Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. — Таллин: Александра, 1992. — Т. 1. — 248 с.
57. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики [Текст] / Д.С.Лотте. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 160 с.
58. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов [Текст] / Д.С.Лотте. — М.: Наука, 1982. — 149 с.
59. Лотте Д.С. Очередные задачи технической терминологии [Текст] / Д.С.Лотте // Изв. АН СССР. Сер. VII. Отд-ние общественных наук. — Л.: Государственная академическая типография, 1931. — С. 883—891.
60. Майоров А.П. Терминологическая синонимия [Текст] / А.П.Майоров, О.Н.Гордеева // Терминоведение / Под ред. В.А.Татарина. — М.: Московский Лицей, 1997. — Вып. 1—3. — С. 27—28.
61. Мельников Г.П. Основы терминоведения: Учеб. пособие [Текст] / Г.П.Мельников. — М.: Изд-во УДН, 1991. — 116 с.
62. Моисеев А.И. Первая половина XIX в. как этап формирования современной русской лингвистической терминологии [Текст] / А.И.Моисеев // Лингвистическая терминология в советском языкознании. — Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1991. — С. 62—63.
63. Нелюбин Л.Л. История науки о языке: Учебник [Текст] / Л.Нелюбин, Г.Т.Хухуни. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 376 с.
64. Немченко В.Н. К определению понятия как объекта лексикографического описания [Текст] / В.Н.Немченко // Термины в языке и речи: Межвуз. сб. — Горький: ГГУ, 1985. — С. 14—21.
65. Новиков Л.А. Лексикология русского языка, ее основные понятия и категории [Текст] / Л.А.Новиков // Русский язык в национальной школе. — 1972. — № 6. — С. 4.
66. Новодранова В.Ф. Роль антонимии в организации терминосистемы [Текст] / В.Ф.Новодранова // Терминоведение / Под ред. В.А.Татарина. — М.: Московский Лицей, 1996. — Вып. 1—3. — С. 50—51.
67. Одинцова О.П. Пределы современного синтаксиса [Электронный ресурс] / О.П.Осипова // Филологический ежегодник: Вып. 2. — Омск, 1998. — Режим доступа: http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/odincova.html, свободный.
68. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М.Пешковский. — 8-е изд., доп. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.

69. Пиотровский Р.Г. К вопросу об изучении терминов [Текст] // Ученые записки ЛГУ. — 1952. — № 161. — Сер. филол. наук. — Вып. 18: Вопросы грамматического строя и словарного состава языка. — № 2. — С. 21—36.
70. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А.А.Потебня. — М.: ГУПИ Мин-ва просвещения РСФСР, 1958. — Т. 1—2. — 536 с.
71. Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке [Текст] / Н.Н.Прокопович. — М.: Просвещение, 1966. — 400 с.
72. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование) [Текст] / В.Н.Прохорова. — М.: Филологический факультет, 1996. — 125 с.
73. Реформатский А.А. Введение в языковедение [Текст] / А.А.Реформатский. — 4-е изд., стер. — М.: Просвещение, 1967. — 542 с.
74. Реформатский А.А. Мысли о терминологии [Текст] / А.А.Реформатский // Современные проблемы русской терминологии. — М.: Наука, 1986. — 197 с.
75. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы [Текст] / А.А.Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. — М.: Наука, 1968. — С. 103—125.
76. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология [Текст] / А.А.Реформатский. — М.: Изд-во восточной лит., 1959. — 14 с.
77. Ружичка Р. О полусвязочных (полузнаменательных глаголах и подъеме подлежащего [Текст] / Р.Ружичка / Пер. с нем. В.А.Плунгяна и М.Ф.Толстопятовой // Новое в зарубежной лингвистике / Сост. и общ. ред. Т.В.Бульгиной и А.Е.Кибрика. — М.: ПРОГРЕСС, 1985. — Вып. XV. Современная зарубежная русистика. — 580 с.
78. Рупосова Л.П. Профессиональная лексика и терминология в историческом аспекте [Текст] / Л.П.Рупосова // Проблемы исторической терминологии. — Красноярск, 1994. — С. 3—9.
79. Рупосова Л.П. Фигуры речи в памятниках письменности XI—XVII вв. [Текст] / Л.П.Рупосова // Вестн. моск. гос. областного ун-та. — Сер. «Русская филология». — 2008. — № 3. — С. 83—91.
80. Рупосова Л.П. Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке: Учеб. пособие [Текст] / Л.П. Рупосова. — М.: МОПИ им. Н.К.Крупской, 1987. — 80 с.
81. Русская грамматика [Текст] / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — 783 с.

82. Русская грамматика [Текст] / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. — М.: Наука, 1982. — Т. 2. Синтаксис. — 709 с.
83. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: Учеб. пособие для студ. и аспирантов филол. специальностей [Текст] / Ю.М.Скребнев. — Горький: Изд-во Горьк. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. Н.А.Добролюбова, 1975. — 175 с.
84. Сложеникина Ю.В. Терминологическая вариативность: Семантика, форма, функция [Текст] / Ю.В.Сложеникина. — 2-е изд., испр. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010. — 288 с.
85. Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII — начала XX вв.: Справочное пособие [Текст] / С.В.Смирнов. — М.: Флинта: Наука, 2001. — 336 с.
86. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка [Текст] / А.Н.Стеценко. — М.: Высшая школа, 1972. — 360 с.
87. Ступин В.А. Терминологическая структура [Текст] / В.А.Ступин // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. — Ч. 2.
88. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории [Текст] / А.В.Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В.Васильева / Отв. ред. Т.Л.Канделаки. — 3-е изд., стер. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 248 с.
89. Суперанская А.В. Общая терминология: Терминологическая деятельность [Текст] / А.В.Суперанская, Н.В.Подольская, Н.В.Васильева. — 3-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 288 с.
90. Татаринев В.А. История отечественного терминоведения: В 3 т. [Текст] / В.А.Татаринев. — М.: Московский Лицей, 1995. — Т. 2: Направления и методы терминологических исследований: очерк и хрестоматия. — 334 с.
91. Терпигорев А.М. Об упорядочении технической терминологии [Текст] / А.М.Терпигорев // Вопросы языкознания. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — № 1. — С. 71—72.
92. Томсен В. История языковедения до конца XIX века. Краткий обзор основных моментов: Учебное пособие [Текст] / В.Томсен / Пер. с нем. Обработка и послесл. Р.И.Шор. — 2-е изд., стер. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 160 с. (Вильгельм)
93. Труды И.А.Бодуэна де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 66.
94. Усатый И.Б. Структурно-грамматические особенности составных терминов-названий частей речи [Электронный ресурс] / И.Б.Усатый // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета», 2007. — Режим доступа: <http://www.omsk.edu/-article/vestnik-omgrpu-200.pdf>, свободный.

95. Федаева Т.И. Русская лингвистическая терминология второй половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т.И.Федаева. — М., 1997. — 20 с.
96. Фельде (Борхвальдт) О.В. Историческое терминоведение в теории и практике [Текст] / О.В.Фельде (Борхвальдт). — Красноярск: РИО КГПУ, 2001. — 148 с.
97. Хакиева З.У. Тематический спектр и структурное своеобразие современной англоязычной строительной терминологии [Текст] / З.У.Хакиева // Вестн. Пятигорского лингвистического ун-та. — Пятигорск: Центр информационных и образовательных технологий ПГЛУ, 2010. — № 4. — С. 85—93.
98. Черемисина М.И. Очерки по теории сложного предложения [Текст] / М.И.Черемисина, Т.А.Колосова / Отв. ред. З.Д.Попова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 226 с.
99. Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации [Текст] / А.Б.Шапиро. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 399 с.
100. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка [Текст] / А.А.Шахматов / Вступ. ст. Е.В.Клобукова; Предисл., ред. и коммент. Е.С.Истриной. — 4-е изд.. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 624 с.
101. Шварцкопф Б.С. Тире [Текст] // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н.Караулов. — М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. — С. 562—563.
102. Шведова Ю.Н. Некоторые виды сказуемого в современном русском языке (наблюдения и материалы) [Текст] / Ю.Н.Шведова // Исследования по грамматике русского литературного языка: сб. ст. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 355 с.
103. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения [Текст] / С.Д.Шелов. — СПб.: Филологический факт-СПбГУ, 2003. — 280 с.
104. Шулежкова С.Г. История лингвистических учений: Учеб. пособие [Текст] / С.Г.Шулежкова. — 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 408 с.
105. Щербина С.И. Развитие русской терминологии сравнительно-исторического языкознания: Монография [Текст] / С.И.Щербина. — М.: МГОУ, 2003. — 386 с.

Словари

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С.Ахманова. — 5-е изд. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 576 с.

2. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
3. Булич С. Интерпункция // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона — [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/45477, свободный.
4. Гак В.Г. Порядок слов [Текст] // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.
5. Гринев С.В. Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения: Учеб. пособие [Текст] / С.В.Гринев. — М.: МПУ, 1998. — 96 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И.Даль. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. — Т. IV. — 683 с.
7. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. Св. 3000 антоним. пар [Текст] / Под ред. Л.А.Новикова. — 8-е изд., стер. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — 592 с.
8. Розенталь Д.Э. и Теленкова М.А. Словарь лингвистических терминов: Пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1972. — С. 354.
9. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н.Караулов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. — 703 с.
10. Словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / Под ред. А.П.Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1: А—Й. — 702 с.
11. Словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / Под ред. А.П.Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. — Т. 3: П—Р. — С. 283.
12. Словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / Под ред. А.П.Евгеньевой. — 3-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1988. — Т. 4: С—Я. — 800 с.
13. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н.Ушакова. — М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935—1940. — Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Ушакова/>, свободный.
14. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред.: Л.Ф.Ильичев, П.Н.Федосеев, С.М.Ковалев, В.Г.Панов. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — С. 525.
15. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения [Текст] / С.Д.Шелов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. — 280 с.

16. Шор Р. Синтаксис // Литературная энциклопедия: В 11 т. — [М.], 1929—1939. Т. 10. — М.: Худож. лит., 1937. — Стб. 739—745.

Источники

1. Барсов А.А. Российская грамматика [Текст] / А.А.Барсов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 778 с.

2. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис [Текст] / Ф.И.Буслаев. — 7-е изд.— М.: Эдиториал УРСС, 2006. — 344 с.

3. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис [Текст] / Ф.И.Буслаев. — 7-е изд. — М.: Издание книжного магазина наследниковъ братьевъ Салаевыхъ, 1881. — 394 с.

4. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф.И.Буслаев. — М.: Учпедгиз, 1959. — 624 с.

5. Буслаев Ф.И. Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора [Текст] / Ф.И.Буслаев. — 8-е изд., испр. и доп. — М.: Типография Э.Лисснера и Ю.Романа, 1896. — 236 с.

6. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная [Текст] / А.Х.Востоков. — Изд. 12-е. — СПб.: Издание книгопродавца Д.Ф. Федорова, 1874. — 216 с.

7. Востоков А.Х. Сокращенная русская грамматика [Текст] / А.Х.Востоков. — Киев: Редакция киевского народного календаря, 1868. — 77 с.

8. Греч Н.И. Практическая русская грамматика [Текст] / Н.И.Греч. — 2-е изд., испр. — СПб.: Типография Н.Греча, 1834. — 526 с.

9. Греч Н.И. Начальные правила русской грамматики [Текст] / Н.И.Греч. — СПб.: Изд-во Н.И.Греча, 1835. — 144 с.

10. Кирпичниковъ А. Синтаксисъ русскаго языка, примѣнительно къ правописанію [Текст] / А.Кирпичниковъ. — 16-е изд., исправленное по руководству. — М.: Типография Э.Лисснера и Ю.Романа, 1886. — 79 с.

11. Ломоносов М.В. Российская грамматика [Текст] // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. — М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950—1983. — Т. 7: Труды по филологии 1739—1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

12. Ломоносов М.В. Российская грамматика [Текст] / М.В.Ломоносов. — СПб.: Императорская академия наукъ, 1755. — 214 с.

13. Смирновскій П.С. Теорія словесности для среднихъ учебныхъ заведеній [Текст] / П.С.Смирновскій. — 15-е изд. — М.: Типография А.С.Панафидиной, 1909. — 151 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список терминов и понятий из анализируемых источников (325 единиц)

«Российская грамматика» А.А.Барсова

- Безсоюзіе (Asyndeton)* (С. 238)
Вмѣстительная (С. 74)
Вопросительная (т.е. просодія) или знакъ вопросительный (С. 74)
Двоеточіе (С. 74)
Двучленные (сложные периоды) (С. 73)
Запятая (С. 74)
Знаки строчные или препинанія (С. 74)
Знакъ вносный (С. 74)
Знакъ примѣчательный (С. 74)
Знакъ статейный или параграфъ (С. 74)
Избыточество (Pleonasmus) (С. 238)
Краткая, или слитная (С. 73)
Многосоюзіе (Polysyndeton) (С. 238)
Многочленные они жъ и сложные (периоды) (С. 73, 159)
Молчанка (Pausa) (С. 74)
Надстрочные знаки (С. 73)
Несогласіе (С. 170)
Одночленные, они же и простые (периоды) (С. 73, 158)
Описанія термина (С. 157)
Осяженіе (Sillepsis) (С. 238)
Періодъ (С. 72)
Подлежащее (Subjectum) (С. 72)
Подлежащее грамматическое (С. 156)
Подлежащее логическое (С. 156)
Подлежащее описанное и сложное (С. 159)
Подлежащее простое (С. 159)
Подлежащее сложное (С. 159)
Порядокъ (С. 162)
Порядокъ обций, или естественный (С. 162)

Порядокъ особенный или свободный (С. 163)
Послѣдующее (часть периода) (С. 73)
Превращеніе (Anastrophe) (С. 238)
Предложеніе (propositio) (С.72)
Предложеніе главное (С. 158)
Предложеніе отрицательное (С. 155)
Предложеніе простое (С. 158)
Предложеніе сложное (С. 158)
Предложеніе утвердительное (С. 154)
Предложеніе цѣлое (С. 158)
Предложеніе, состоящее из двух слов
Предложеніе, состоящее из одного слова.
Предложенія пополнительныя <или вносныя> (propositiones incidetes) (С. 158)
Предыдущее (часть периода) (С. 73)
Препинаніе (interpunctio) (употребление строчных знаков) (С. 73)
Приложеніе (С. 157)
Приложеніе вторичное (С. 158)
Приложеніе грамматическое (appositio grammatica) (С. 165, 183)
Приложеніе третичное (С. 158)
Просодіи (знаки надстрочные и строчные) (С. 74)
Просодія (учение о знаках надстрочных и строчных) (С. 74)
Просодія верхняя (знаки надстрочные) (С. 74)
Связь или связка (С. 153)
Сила или удареніе (С. 73)
Сказуемаго цѣлого главную или начальную часть (С. 154)
Сказуемое (praedicatum)(С. 72)
Сказуемое главное (С. 163)
Сказуемое грамматическое (С. 156)
Сказуемое логическое (С. 156)
Сказуемое описанное и сложное (С. 159)
Сказуемое простое (С. 159)
Сказуемое сложное (С. 159)
Сказуемое цѣлое (С. 154)
Сліяніе (Synchysis) (С. 238)

Слово главное (С. 161)
Слово подчиненное или зависящее (С. 161)
Слово соглашаемое (подчиненное слово в согласовании) (162)
Слово управляемое или управление (зависимое слово в управлении) (С. 162)
Слово управляющее (главное слово в управлении) (С. 162)
Словосочинение (*Syntaxis*) (С. 39, 153)
Словосочинение образное (С. 165)
Словосочинение согласія или сходства или непреходное (*Syntaxis concordantiae, seu convenientiae seu intransitiva*) (С. 162)
Словосочинение управления или преходное (*Syntaxis rectionis, seu transitiva*) (С. 162)
Сложение (*Synthesis, Synesis*) (С. 238)
Согласіе (С. 161)
Согласование (С. 161)
Сопряжение (*Zeugma*) (С. 238)
Сочинение (С. 167)
Строчные знаки (С. 73)
Терминъ (С. 156)
Терминъ описанной (*complexus*) (С. 156)
Терминъ простой, или неописанной (*incomplexus*) (С. 156)
Точка (С. 74)
Точка съ запятою, или знакъ подучленный (С. 74)
Тричленные (сложные периоды) (С. 73)
Удивительная (С. 74)
Умолчание (*Ellipsis*) (С. 238)
Управление (С. 161)
Фигура синтаксическая (С. 164)
Черта единитная или единительная (С. 74)
Четыречленные (сложные периоды) (С. 73)
Члены онаго (периода) (С. 73)

**«Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию
его сокращенной грамматики полне изложенная»**

Глаголь вспомогательный (С. 117)
Глаголь одинакій (С. 117)
Глаголь составной (С. 176)

Грамматика (С. 1)
Двоеточіе (С. 168)
Запятая (С. 168)
Знаки препинанія (С. 166, 121)
Знаки сократительные (С. 198)
Знакъ вмѣстительный или скобки (С. 168)
Знакъ вносный или кавычки (С. 168)
Знакъ вопросительный (С. 168)
Знакъ мыслеотдѣлительный или черта (С. 168)
Знакъ пресѣкательный или многоточіе (С. 168)
Знакъ удивительный (С. 168)
Параграфъ (С. 198)
Періодъ (С. 121, 166)
Періодъ двухчленный (С. 167)
Періодъ сложный (С. 171)
Періодъ трехчленный (С. 167)
Періодъ четырехчленный (С. 167)
Подлежащее (С. 116)
Половины періода (две) (С. 167)
Порядокъ словъ естественный (С. 173)
Предложеніе (С. 116)
Предложеніе безличное (С. 116, 117)
Предложеніе вводное (С. 121)
Предложеніе вопросительное (виды) (С. 174)
Предложеніе вопросительное (С. 173, 125)
Предложеніе главное (С. 166)
Предложеніе личное (С. 117)
Предложеніе отвѣтное (виды) (С. 175)
Предложеніе отвѣтное (С. 173)
Предложеніе отрицательное (С. 124, 125)
Предложеніе повѣствовательное (С. 173)
Предложеніе повелительное (С. 173, 175)
Предложеніе придаточное (С. 120, 121)
Предложеніе придаточное полное (С. 120)
Предложеніе придаточное сокращенное (С. 121)
Предложеніе простое (С. 117, 121)
Предложеніе сложное (С. 117, 118, 121, 125)

Предложение утвердительное (С. 124)
Предложение, заключающее в себя вопрос (С. 172)
Предложение, заключающее в себя повелние или воззвание (С. 172)
Предложения с глаголом безличным (С. 116, 118)
Предложения с глаголом личным (С. 118)
Приложение (С. 117, 118)
Речь (С. 116)
Речь отрывистая (С. 167)
Размещение слов (С. 173)
Сказуемое (С. 116)
Слово дополнительное (С. 117, 118)
Слово дополняемое (С. 178)
Слово определяющее (С. 117)
Слово определяемое (С. 122, 169)
Словосочетание (С. 166)
Словосочинение (С. 116)
Словосочинение (Синтаксис) (С. 1)
Согласование слов (121)
Точка (С. 168)
Точка словосократительная (С. 172)
Точка с запятой (С. 168)
Употребление надежд или управление слов (С. 129, 121)
Члены периода (С. 167)

**«Практическая русская грамматика, изданная
Николаем Гречем»**

Безсоюзе (С. 321)
Вспомогательные части предложения (С. 234)
Второстепенные части предложения (С. 316)
Выноски (С. 512)
Главные части предложения (С. 227, 316)
Глаголь самостоятельный — связка (С. 221)
Глаголь словокупный (С. 221, 225, 261)
Глаголь совокупный — глаголь (С. 221)
Грамматика (С. 1)
Грамматическое составление сложных предложений (С. 231)

Двоеточіе (С. 512)
Дополненіе (С. 234, 228, 317)
Зависимые отношенія (С. 249)
Зависимые отношенія дѣйствующія (С. 249)
Зависимые отношенія спокойныя (С. 249)
Запятая (С. 512)
Знаки препинанія (С. 512)
Знаки препинанія опредѣлительныя (С. 512)
Знаки препинанія раздѣлительныя (С. 512)
Знакъ краткости (С. 512)
Знакъ ударенія (С. 512)
Кавычки (С. 512)
Логическіе предложенія зависимые (С. 348)
Логическіе предложенія независимые (С. 348)
Логическое составленіе сложныхъ предложеній (С. 231)
Многосоюзіе (С. 321)
Надстрочное двоеточіе (С. 512)
Независимые отношенія (С. 249)
Опредѣленіе (С. 317)
Опущеніе (С. 318)
Отношенія дѣйствующія (С. 247)
Отношенія предметовъ спокойныя (С. 247)
Отступленіе (С. 318)
Періодъ (С. 233, 382)
Періодъ простой, или одночленный (С. 385)
Періодъ сложный, или многочленный (С. 385)
Плеоназмъ (С. 321)
Подлежащее (С. 221, 259, 316)
Подлежащее грамматическое (С. 222)
Подлежащее логическое (С. 222)
Подлежащее неотносительное (С. 223)
Подлежащее несоставное (С. 222)
Подлежащее простое (С. 221)
Подлежащее сложное (С. 222)
Подлежащее составное (С. 222)
Подлежащее составное относительное (С. 223)
Порядокъ словъ естественный, или первоначальный (С. 389)

Порядокъ словъ измѣненный (С. 389)
Предложеніе (С. 220)
Предложеніе вводное, или паренфеза (С. 231)
Предложеніе главное (С. 231, 329)
Предложеніе неполное (С. 227)
Предложеніе полное (С. 225)
Предложеніе придаточное (С. 231, 329)
Предложеніе простое (С. 230, 322)
Предложеніе сложное (С. 230)
Предложенія вопросительныя (С. 230, 322)
Предложенія восклицательныя (С. 325)
Предложенія замѣнительныя (С. 228)
Предложенія повѣствовательныя (,) или изъяснительныя
(С. 229, 322)
Предложенія повелительныя (С. 230, 325)
Предложенія придаточныя обстоятельственныя (С. 232)
Предложенія придаточныя прилагательныя (С. 232)
Предложенія придаточныя существительныя (С. 232)
Приложеніе, или поясненіе (аппозиція) (С. 224, 235)
Простой періодъ (С. 382)
Связка (С. 221, 226, 316)
Синтаксисъ, или Словосочиненіе (С. 1, 220)
Сказуемое (С. 221, 260, 316)
Сказуемое грамматическое (С. 223)
Сказуемое логическое (С. 223)
Сказуемое неотносительное (С. 223)
Сказуемое несоставное (С. 222)
Сказуемое несоставное неотносительное (С. 223)
Сказуемое простое (С. 222)
Сказуемое сложное (С. 222)
Сказуемое собственное (С. 225, 260)
Сказуемое составное (С. 223)
Сказуемое составное относительное (С. 223)
Скобки (С. 512)
Слово опредѣлительное (С. 224)
Сложный періодъ (С. 382)
Смѣшанный періодъ (С. 383)

Согласование словъ (С. 234)
Тождесловіе (С. 318)
Точка (С. 512)
Точка съ запятою (С. 512)
Точки (С. 512)
Управленіе словъ (С. 234)
Управляемые части рѣчи (С. 251)
Управляющие части рѣчи (С. 251)
Части предложенія главныя (С. 223)
Черта, или тире (С. 512)
Черточка (С. 512)
Членъ отношенія послѣдующій (С. 248)
Членъ отношенія предыдущій (С. 248)
Члены періода (С. 233)

**«Учебникъ русской грамматики, сближенной
с церковнославянскою, с приложеніемъ образцовъ
грамматическаго разбора» Ф.И.Буслаева**

Виды периодов сложных (С. 129)
Глаголь (С. 116)
Дополненіе (С. 120)
Единительный знак, или черточка (С. 132)
Запятая (С. 133)
Знаки препинанія (С. 132)
Знакъ вопросительный (С. 133)
Знакъ восклицательный (С. 133)
Кавычки (С. 135)
Многоточіе (С. 133)
Обстоятельство (С. 120)
Опредѣленіе (С. 119)
Отрицаніе двойное (С. 171)
Отрицаніе изобразительное (С. 172)
Отрицаніе усиленное (С. 172)
Періодъ (С. 129)
Періодъ простой (С. 129)
Періодъ сложный (С. 129)
Повышеніе (С. 129) — период

Подлежащее (С. 113)
Подлежащее простое (С. 153)
Подлежащее слитное (С. 153)
Подчинение (С. 121)
Понижение (С. 129) — период
Порядокъ словъ (С. 120, 190)
Предложение (С. 113)
Предложение безличное (С. 117)
Предложение винословное (С. 184)
Предложение главное (С. 125)
Предложение отрицательное (С. 171)
Предложение отрицательное сокращенное (С. 127, 179)
Предложение придаточное (С. 121)
Предложение придаточное полное (С. 133)
Предложение придаточное сокращенное (С. 133)
Предложение слитное (С. 134)
Предложение сложное (С. 120—121, 172)
Предложение сравнительное (С. 186)
Предложение условное (С. 177)
Предложение уступительное (С. 185)
Предложения вводные (С. 124)
Предложения вопросительные (С. 120)
Предложения отрицательные (С. 120)
Предложения повѣствовательные (С. 120)
Предложения утвердительные (С. 120)
Приложение (С. 125) — сокращение придаточного определительного предложения
Присовокупление предложения (С. 127)
Рѣчь отрывистая (С. 129)
Рѣчь периодическая (С. 129)
Связка (С. 116)
Синтаксисъ (С. 113)
Сказуемое (С. 116, 113)
Сказуемое простое (С. 116)
Сказуемое составное (С. 116, 119)
Скобки (С. 135)
Слияние предложений (С. 127, 179)

Слова управляемые (С. 115)
Слово дополнительное (С. 117)
Слово дополняемое (С. 117)
Слово обстоятельственное (С. 118)
Слово определятельное (С. 117)
Слово определяемое (С. 117)
Согласование (С. 114)
Сокращение предложений (С. 124—125)
Сочинение (С. 121)
Тире (С. 133)
Тавтология (тавтология) (С. 172)
Точка (С. 133)
Точка с запятой (С. 133)
Управление (С. 114)
Управление непосредственное (С. 115)
Управление посредственное (С. 115)
Члены предложения второстепенные (С. 117)
Члены предложения главные (С. 117)
Эпитет (С. 156)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1	
Грамматическая терминология в истории лингвистической науки	4
1.1. Особенности формирования терминологии как науки	4
1.2. Особенности формирования термина	6
1.3. Специфика терминов	12
1.4. Лексикологические процессы в терминологии	22
1.5. Особенности синтаксической терминологии, зафиксированной в российских грамматиках	28
Глава 2	
Сравнительная характеристика терминов, называющих основные категории синтаксиса, структурные части предложения и категории подчинительной связи	40
2.1. Термин «синтаксис»	40
2.2. Главные члены предложения	44
2.2.1. Термин «подлежащее»	45
2.2.2. Термин «сказуемое»	49
2.2.3. Термин «связка»	52
2.3. Второстепенные члены предложения	54
2.4. Термины подчинительной связи	60
Глава 3	
Сравнительная характеристика терминов, обозначающих виды и структурные элементы предложений	72
3.1. Термин «простое предложение»	72
3.2. Термин «сложное предложение»	87
3.3. Термин «период»	95
Глава 4	
Употребление терминов препинания, «образного синтаксиса» и логических категорий в российских грамматиках конца XVIII — первой половины XIX века	100
4.1. Логические категории в грамматиках	100
4.2. Термины, называющие знаки препинания	107
4.3. Термин «порядок слов»	118
4.4. Термины «образного синтаксиса»	122
Заключение	127
Библиография	131
Приложение	141

Учебное издание

Корнейчук Юлия Васильевна

**СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В РОССИЙСКИХ ГРАММАТИКАХ
КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА**

Монография

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 23.12.2014
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 9,5
Тираж 300 экз. Заказ 1591

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Держинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*